

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

№ 1 (17)

SOCIETIES, LAW, STATEHOOD: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published, in scientific specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Juridical Sciences) should be published

12+

© Уфимский юридический институт МВД России
ISSN 2949-0979

Уфа – 2024

Об издании – [2](#), [5](#)

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, Заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Аксенов Сергей Геннадьевич – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Башкортостан, Почетный сотрудник МВД России, заведующий кафедрой пожарной безопасности Уфимского университета науки и технологий.

Бельский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Бондаренко Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Бурханова Флюра Булатовна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Гайдай Мария Константиновна – доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Гусманов Искандер Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфимский филиал).

Гусманов Расул Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Даллакян Карлен Ашотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Денисова Любовь Владиленовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе).

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института социально-гуманитарных исследований и энциклопедистики.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор Российской академии наук, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник

ник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кубякин Евгений Олегович – доктор социологических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Кудряшев Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Колин Константин Константинович – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Низамов Садык Сабинович – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Сальников Евгений Вячеславович – доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Сухоплюев Павел Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Хабибуллина Зияя Наилевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Янбухтин Раиль Маратович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Эл. № ФС77-84275 от 8 декабря 2022 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 79094.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор: А. В. Селиверстова, техническая верстка: А. В. Селиверстова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(с пометкой: «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 21.03.2024. Дата выхода в свет: 29.03.2024

Электрон. текстовые дан. (702 МБ). 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше.

Загл. с экрана. Тираж 10 экз. Заказ № 23. Цена свободная.

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in reasearch work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Aksenov Sergey Gennadievich – Doctor of Economics, Candidate of Law, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Fire Safety of Ufa University of Science and Technology.

Belsky Vitaly Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Bondarenko Yulia Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Burkhanova Flyura Bulatovna – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Gaidai Maria Konstantinovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Gusmanov Iskander Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance and Credit of Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch).

Gusmanov Rasul Uzbekovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management of the Bashkir State Agrarian University.

Dallakyan Karlen Ashotovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of

Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Denisova Lyubov Vladilenovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for educational work).

Divavaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (for scientific work).

Egoryshev Sergey Vasilyevich – Doctor of Sociology, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of Institute for Social and Humanitarian Research and Encyclopedic Studies.

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of the Institute of Ethnological Studies named after R. G. Kuzeev of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Kolin Konstantin Konstantinovich – Doctor of Engineering, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute for Informatics Problems of the Federal Research Center “Informatics and Control” of the Russian Academy of Sciences.

Kubyakin Evgeniy Olegovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Worker of the Education Sphere of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudryashev Alexander Fedorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Ufa University of Science and Technology.

Latypov Vadim Sagityanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Vice-Rector for Educational Activities of Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizamov Sadyk Sabirovich – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Social and Philosophical Disciplines of Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Subkhangulov Rustem Raisovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sukhoplyuev Pavel Alexandrovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khabibullina Zilya Nailovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs

Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of

Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yanbukhtin Rail Maratovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

El. No FS77-84275 dated December 8, 2022.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 79094.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

Literary editors: A. V. Seliverstova, technical layout by A. V. Seliverstova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(marked: «Society, law, statehood: retrospective and perspective»).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 21.03.2024. Release date: 29.03.2024.

Electronic text data (702 MB). 1 electronic optical disk (CD-R). System requirements: IBM PC, 1 GHz; 512 mb RAM; 3 mb RAM; CD/DVD-ROM drive; operating system

Windows XP and above; Adobe Reader 8.0 and above.

Title from the screen. Circulation 10 copies. Order no. 23. The price is free.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Бондаренко Ю. В., Баранова Е. С.</i> Развитие российского гражданского права в пореформенный период (конец XIX – начало XX века).....	10
<i>Вафин М. О.</i> Особенности развития и деятельности аппаратов БХСС (1937–1947 гг.).....	19

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Савраскин С. Н.</i> Роль полиции в механизме современного государства.....	26
---	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Абдраязов Р. Р.</i> Отдельные вопросы использования цифровых следов в доказывании по уголовным делам.....	34
<i>Алёшина А. В.</i> О понятии преследования в российском законодательстве.....	41
<i>Кабанов П. А., Исмаилов Д. А.</i> К вопросу о понятии, историческом развитии и становлении института малозначительности деяния по делам о хищении.....	49
<i>Кокорев Р. А.</i> Актуальные аспекты методики расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий.....	56
<i>Латыпов В. С.</i> Правовой институт содействия правосудию: вопросы существования и дальнейшего расширения.....	65
<i>Петрухина Е. А.</i> Использование специальных знаний в ходе расследования краж личного имущества граждан, совершенных в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта	72
<i>Сиворакиша В. В.</i> Классификации продления процессуального срока в досудебном уголовном производстве.....	79

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Гусманов Р. У., Субхангулов Р. Р.</i> Выбор вида экономической деятельности для возможности внедрения инноваций	87
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Мигунова Ю. В.</i> Общественное здоровье как комплексный показатель качества жизни населения региона (на примере Республики Башкортостан).....	95
---	----

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Бельский В. Ю., Золкин А. Л.</i> Социокультурный проект просвещения К. Д. Ушинского: история и современность (к 200-летию со дня рождения).....	105
--	-----

Памятка	113
----------------------	-----

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Bondarenko Yu. V., Baranova E. S.</i> Development of Russian civil law in the post-reform period (late 19th – early 20th century).....	10
<i>Vafin M. O.</i> Features of the development and activity of BKhSS apparatuses (1937–1947).....	19

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Savraskin S. N.</i> The role of the police in the mechanism of the modern state.....	26
---	----

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Abdrazyapov R. R.</i> Separate issues of the use of digital traces in proving criminal cases	34
<i>Aleshina A. V.</i> On the concept of persecution in Russian legislation.....	41
<i>Kabanov P. A., Ismailov D. A.</i> On the question of the concept, historical development and formation of the institution of insignificance of the act in cases of embezzlement.....	49
<i>Kokorev R. A.</i> Current aspects of the methodology for investigating crimes committed using information technology.....	56
<i>Latypov V. S.</i> Legal institute for promotion of justice: issues of existence and further expansion....	65
<i>Petrukhina E. A.</i> The use of special knowledge in the investigation of thefts of personal property of citizens committed in passenger rolling stock of railway transport.....	72
<i>Sivoraksha V. V.</i> Classifications of the extension of the procedural term in pre-trial criminal proceedings.....	79

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

<i>Gusmanov R. U., Subkhangulov R. R.</i> Choosing a type of economic activity for the possibility of innovation	87
--	----

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Migunova Yu. V.</i> Public health as a comprehensive indicator of the quality of life of the regional population (on the example of the Republic of Bashkortostan)	95
---	----

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

<i>Belskiy V. Yu., Zolkin A. L.</i> Sociocultural education project of K. D. Ushinsky: history and modernity (for the 200th anniversary of his birth).....	105
--	-----

Instruction	113
--------------------------	-----

Научная статья
УДК 347(470)"188/1917"

Юлия Викторовна Бондаренко¹, Екатерина Сергеевна Баранова²

¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, ju.lia@mail.ru

² Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

**РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Аннотация. В работе прослеживаются основные тенденции в развитии гражданского права России конца XIX – начала XX столетий в контексте изменений социально-экономических условий пореформенного периода. Особый интерес представляет разработка проекта Гражданского уложения, являвшего собой закономерный итог развития российской цивилистики досоветского периода.

Ключевые слова: гражданское право, Российская империя, пореформенный период, проект Гражданского уложения, проект Ветчинного устава

Для цитирования: Бондаренко Ю. В., Баранова Е. С. Развитие российского гражданского права в пореформенный период (конец XIX – начало XX века) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 10–18.

Original article

Yulia V. Bondarenko¹, Ekaterina S. Baranova²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, ju.lia@mail.ru

² Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

**DEVELOPMENT OF RUSSIAN CIVIL LAW IN THE POST-REFORM PERIOD
(LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)**

Abstract. The work traces the main trends in the development of civil law in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries in the context of changes in the socio-economic conditions of the post-reform period. Of particular interest is the development of the draft Civil Code, which was a natural result of the development of Russian civil law in the pre-Soviet period.

Keywords: civil law, Russian Empire, post-reform period, draft Civil Code, draft Patrimonial Charter

For citation: Bondarenko Yu. V., Baranova E. S. Development of Russian civil law in the post-reform period (late 19th – early 20th century) // Society, law, statehood: retrospect and prospect. 2024. No. 1 (17). P. 10–18. (In Russ.)

Введение

Развитие гражданского права пореформенной России во многом определялось итогами крестьянской реформы 1861 г., изменившей социально-экономические устои российского общества. Несмотря на ее по-

ловинчатый характер, отмена крепостного права послужила мощным катализатором в развитии экономики, создав необходимые условия для формирования свободного рынка труда и утверждения капиталистических отношений в России.

© Бондаренко Ю. В., Баранова Е. С., 2024

Большая часть населения Российской империи в лице крестьянского сословия изменила свой правовой статус, приобрела права свободных сельских обывателей и стала самостоятельным участником гражданско-правовых отношений. Менялся и характер крестьянского землепользования. Земля все более активно втягивалась в коммерческий оборот. Если одна часть крестьянства, более многочисленная, вынуждена была арендовать землю у помещиков, расплачиваясь за нее преимущественно отработками, то другая часть в лице разбогатевших крестьян активно приобретала землю в предпринимательских целях, пополняя ряды промышленников.

В условиях расширения как внутреннего, так и внешнего рынка сельскохозяйственное производство приобретало новые черты. Вырастали крупные промысловые села, ориентированные на удовлетворение потребности в новых товарах. На смену мелким кустарям в деревнях приходили промысловые мануфактуры. Создавались крестьянские кооперативы в виде производственных артелей, потребительских обществ, ссудно-сберегательных товариществ. Нарастал и удельный вес наемного труда, уже активно использовавшегося не только в городе, но и деревне.

Перемены коснулись не только российской деревни. Происходил рост крупной промышленности, постепенно наращивающей обороты как в традиционных отраслях, так и в новых – нефтедобывающей, химической, машиностроительной. По официальным данным, только в период правления Александра II общая выработка российской промышленности увеличилась в 4 раза [1, с. 12].

По мере усложнения экономической жизни с изменением характера производства, появлением новых участников рынка и форм их взаимоотношений количество пробелов в праве пропорционально возрастало. Столь осязаемая трансформация основ социального уклада пореформенной России действительно требовала правовой модернизации регулирования сферы гражданско-правовых отношений.

Методы

Методологическую основу составляют общенаучный диалектический метод познания и вытекающие из него частнонаучные методы: системно-структурный, формально-юридический, ретроспективный, сравнительно-правовой.

Результаты

Отмечая настоятельную потребность пересмотра всех гражданских законов и создания нового Гражданского уложения, министр юстиции Д. Н. Набоков признавал, что прежние нормы права оказываются устаревшими и недостаточными для разрешения возникающих в судебной практике вопросов об имущественных правах казны, сословий, обществ и частных лиц, и Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената зачастую вынужден выходить за границы толкования закона, фактически занимаясь правотворчеством [2, с. 2–3].

Основным источником права пореформенной России оставалось главное детище М. М. Сперанского в области систематизации законодательства – Свод законов Российской Империи (далее – Свод). На первый взгляд, Свод был достаточно четко структурирован, отличался системностью в изложении законодательного материала и представлял собой официальную инкорпорацию законодательства по отраслевому принципу. Однако за кажущейся стройностью построения документа просматриваются все неизбежные издержки, присущие данной форме систематизации законодательства. При создании Свода М. М. Сперанский руководствовался тем принципом, что «Свод есть верное изображение того, что есть в законах, но он не есть ни дополнение их, ни толкование» [3, с. 19]. Поэтому, объединив весьма неоднородные по форме и содержанию правовые акты и придав им единство преимущественно посредством редакционной правки без переработки содержания, составители Свода не смогли устранить всей их коллизийности, неполноты и в некоторой степени казуистичности изложения. Сказанное в полной мере можно отнести к ч. I т. X Свода, объединившей гражданские законы.

Характеризуя ч. I т. X Свода, русский правовед и историк К. Д. Кавелин отмечал: «По содержанию она гораздо более принадлежит к истории законодательства или даже к археологии, чем к юриспруденции. Система, по которой расположены наши гражданские законы в Своде, уже тогда, когда он был впервые издан, т. е. пятьдесят лет тому назад, не отвечала ни науке, ни запросам практики...» [4, с. 1–2]. Столь негативная оценка оправданна прежде всего отсутствием четкого институционального разграничения гражданско-правовых норм. Примером тому является содержание второго раздела «О существе и пространстве разных прав на имущество», где фактически были смешаны нормы вещного права, обязательственного, а также способов их защиты. Соответствующего же институту лица как такового единый раздел Свода не содержал вообще.

При этом ч. I т. X не охватывала всего гражданского права; гражданские законы были расположены и в других томах: VII и VIII (законы о частной золотопромышленности и частных лесах), IX (права состояния) и XI (торговые законы). В этой связи особого внимания требует IX том Свода, содержащий законы о состоянии и регламентирующий земельно-правовые отношения крестьян. Тем самым закон сохранял правовое обособление крестьян в сфере гражданско-правовых отношений и после отмены крепостного права. Наряду с общими гражданскими законами и в отступление от норм общего права в отношении крестьянского землевладения действовали специальные нормы [5, с. 2]. Особые правила о пользовании и распоряжении землей, находящейся в общем владении сельских обывателей, были изложены в Положении о сельском состоянии. По мнению С. Ю. Витте, крестьянство перестало быть крепостным помещика, но сделалось крепостным крестьянского управления, оставаясь вне сферы гражданских и иных законов [6, с. 406].

Кроме того, в вопросах о наследстве и опеке, а также при решении мелких гражданско-правовых споров крестьян сохранилась практика применения преимущественно норм обычного права, отразившегося в решениях волостных судов. К обычаю закон позволял прибегать мировым судьям при рассмотрении споров и между представителями других сословий – в случае пробела в законе, если к нему апеллировала хотя бы одна из сторон. Законом о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 г. это правило было распространено и на окружные суды¹. Обычай широко применялся при торговых спорах.

Отсутствие единых начал в регулировании гражданско-правовых отношений усугублялось и тем, что, несмотря на стремление российской власти к усилению интеграционных начал в контексте буржуазных реформ второй половины XIX в., во внутренней политике России в отношении регионов сохранялся правовой партикуляризм, что было обусловлено нахождением в составе империи целого ряда территорий, имевших особый административно-правовой статус [7]. Так, на территории Великого княжества Финляндского продолжало действовать Шведское уложение 1734 г., в Царстве Польском практически применялся Французский гражданский кодекс 1804 г., а в Прибалтийских губерниях продолжал действовать Свод законов губерний Отсзейских. Столь пестрая картина уже названных источников гражданского права дополнялась и многочисленными источниками национального характера, локально действовавшими на территориях окраин Российской империи, например, в Бессарабии это были Шестикнижие Арменопуло, собрание законов Донича и Соборная грамота Маврокордата и др. [8, с. 10–12].

Не меньше нареканий вызывали и вопросы юридической техники. Недопустимо,

¹ Закон о преобразовании местного суда : с приложением Временных правил о волостном суде : высочайше утвержденный 15 июня 1912 г. : одобренный Государственным Советом и Государственной Думой : неофициальное. Изд. 2-е. М. : издание юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, комиссионера государственной типографии : Типография П. П. Рябушинского, 1913. 155 с.

считал К. П. Змирский, и отсутствие столь необходимых общих понятий о существовании разных прав на имущество. В частности, обращаясь к содержанию ст. 420, российский правовед отмечал, что попытка законодателя определить существо и юридическую природу права собственности лишена всякого юридического достоинства [9, с. 89]. Это мнение разделяло абсолютное большинство российского юридического сообщества [10, с. 1–2], признавая, что закон использует самое тяжеловесное и неудобопонятное определение: «Кто, быв первым приобретателем имущества, по законному укреплению его в частную принадлежность, получил власть в порядке гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться оным вечно и потомственно, доколе не передаст сей власти другому, или кому сия власть от первого ее приобретателя дошла непосредственно или через последующие законные передачи и укрепления: тот имеет на сие имущество право собственности»¹.

Столь важного структурно-логического единства и модернизации гражданского законодательства возможно было достичь лишь при кодификационной форме систематизации на основе общих концептуальных научных идей и принципов. Попытки кодификации гражданского законодательства были предприняты еще в период правления Александра I при непосредственном участии М. М. Сперанского. В 1809 г. проект Гражданского уложения был подготовлен, однако его обсуждение в Государственном совете затянулось на несколько лет и не продвинулось далее рассмотрения первой главы I части [10, с. 468–469]. Сперанскому так и не представилось возможности реализовать данные труды ни при Александре I, ни при его преемнике Николае I. Аналогичная судьба

постигла проект Торгового уложения [11, с. 469–472].

К разработке нового проекта Гражданского уложения в Российской империи приступили лишь в мае 1882 г. По итогам доклада министра юстиции Д. Н. Набокова об общем пересмотре действующих гражданских законов и о составлении проекта Гражданского уложения был учрежден особый Комитет под председательством министра юстиции². В составе Комитета была образована Редакционная комиссия, на которую было возложено составление первоначального проекта Гражданского уложения и объяснительной к нему записки с последующим обсуждением в Комитете всех заявленных на проект отзывов и замечаний.

1 июня 1882 г. состоялось первое заседание Редакционной комиссии. Задачи, возложенные на нее, были весьма обширные и выходили за границы непосредственной разработки проекта. В качестве предварительных мер Редакционной комиссии было поручено разработать ряд проектов законодательных актов «для укрепления прав на недвижимые имущества». Речь шла о проработке вопроса о регистрации вещных прав на недвижимость. Д. И. Мейер отмечал, что фиксация сделки с недвижимостью в виде участия общественной власти путем «укрепления прав» является обязательной, она придает сделке «больше твердости и дает более ручательства за ее ответственность законам, а потому права, вытекающие из сделки, получают более прочное бытие» [12, с. 185]. Так, были подготовлены правила о наложении и снятии запрещений на имущества; правила об изменении и дополнении действующих законов о залоговых свидетельствах; правила об оглашении и регистрации ограничений правоспособности совершеннолетних лиц; правила о новой форме реестра крепостных дел; правила об

¹ Свод законов Российской империи, повелением императора Николая Павловича составленный. Том 10. Часть 1. Законы гражданские. СПб., 1857. С. 80.

² Именной указ, данный Государственному совету, «Об образовании из Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Кодификационного отдела при Государственном совете». 23 января 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1886. Том 2. № 621. С. 23.

обеспечении недвижимым имуществом договоров с казною и с кредитными установлениями и др. Но особое внимание было уделено подготовке проекта Вотчинного устава, который к 1892 г. был подготовлен и в 1893 г. обнародован.

Кроме того, «...ввиду крайней неудовлетворительности устройства опекунской части» Редакционной комиссией велась работа над проектами опекунского устава и учреждения опекунских установлений. Результатом данных усилий стала подготовка проектов 1891 г. и 1915 г. Их создатели заявляли о стремлении подчинить сферу опеки началу всеобщности, но на деле эти намерения так и не были осуществлены. Разработчики лишь ограничили категорию сельских обывателей, оставшихся под влиянием сословных опекунских установлений, введением высокого имущественного ценза, но при этом сохранили большую часть опекунских полномочий прежних органов крестьянского самоуправления

Таким образом, внимание и силы комиссии параллельно были распылены на подготовку целого ряда законодательных актов, что замедлило подготовку непосредственно самого проекта Гражданского уложения.

Приступая к подготовительным работам по выполнению своей основной задачи, комиссия осуществила ревизию всего законодательства и произвела извлечение из Свода законов всех постановлений, касающихся гражданского права. Собранный материал составил три тома, объединивших 12 720 статей, напечатанных под названием «Сборник гражданских законов». Внимание было уделено и обычному праву крестьян, обособленно регламентировавшему вопросы семейной собственности, общинного землевладения, наследования с учетом региональных особенностей в разных местностях России.

С целью возможности изучения и обобщения достижений российской правовой науки был подготовлен и издан Систематический указатель русской юридической литературы по гражданскому праву. Вследствие обращения в октябре 1882 г. министра юстиции к представителям судебных

ведомств и научных сообществ с просьбой высказать свои соображения о недостатках и пробелах действующих законов, а также предложения по внесению в них изменений было составлено отдельное издание Замечания о недостатках действующих гражданских законов.

Обобщению и анализу подверглась судебная практика по гражданским делам, прежде всего, разъяснения и дополнения действующего закона, данные в решениях Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. Итогом этого стало составление Систематического Сборника положений из решений общих Собраний Правительствующего Сената прежнего устройства. Были приняты во внимание и отдельные извлечения из нотариальных архивов Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и ряда других крупных городов. Последние представляли интерес в части, касающейся сведений о тех вотчинных правах, которые не были предусмотрены действующими на тот момент законами и должны были, по мнению составителей проекта, найти себе место в будущем Гражданском уложении.

Наконец, Редакционная комиссия издала целый ряд переводов иностранных гражданских уложений и отдельных законоположений, заслуживающих наибольшего внимания, с точки зрения разработчиков проекта: Австрийского гражданского уложения 1811 г.; Саксонского гражданского уложения; Цюрихского гражданского уложения; Швейцарского союзного закона об обязательствах 1881 г. и др.

Один из виднейших российских цивилистов Г. Ф. Шершеневич констатировал, что выполнение задач, поставленных перед Редакционной комиссией, заняло достаточно продолжительный период времени, и по прошествии 16 лет со дня ее учреждения сколько-нибудь осязаемых результатов ее деятельности не было видно [8, с. 16].

Только к началу 1898 г. была подготовлена первая редакция общего проекта Гражданского уложения. В основу структуры проекта была положена пандектная система, согласно которой изложение частей, охваты-

вающих отдельные институты гражданского права, предварялось отражением общих положений. Целесообразность выделения общей части поддерживалась многими российскими цивилистами, отмечавшими необходимость такового, прежде всего, для судебной практики, испытывавшей затруднения преимущественно из-за отсутствия в гражданском законодательстве общих начал [13, с. 25]. Таким образом, Уложение было разделено на пять книг: первая книга – общие положения, вторая – право семейственное, третья – право вотчинное, четвертая – право наследственное и пятая – право обязательственное. Взяв за образец германский вариант построения Уложения, Редакционная комиссия несколько видоизменила его, заменив в наименовании третьей книги традиционное для западноевропейской практики определение «вещное» на термин «вотчинное» – исторически утвердившийся в России как самобытное определение для данной сферы имущественных отношений. Употребление же иностранных слов в проекте в принципе было минимизировано.

Следует отметить в числе достоинств проекта тот факт, что в рамках пятой книги, регулирующей обязательственные отношения, было устранено имевшееся на тот момент в законодательстве разделение права на гражданское и торговое. Среди новелл проекта были и реципированные из западноевропейского гражданского права правовые институты и принципы: институт неосновательного обогащения, ведения чужих дел без поручения, принцип приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя и др.

Однако по ряду вопросов, настоятельно требующих модернизации, авторы проекта придерживались консервативных настроений. В частности, рассуждая о пространстве применения будущего гражданского уложения, составители проекта подчеркивали важность и необходимость в дальнейшем полной унификации гражданско-правового регулирования в государстве на основе единых законов, отмечая губительность сложившегося правового сепаратизма для

развития торговых и иных сношений между отдельными частями государства. Но решение этой важной задачи было оставлено будущим поколениям. Проект предполагал сохранение определенной правовой автономии территорий Царства Польского, Прибалтики и Бессарабии и, соответственно, действие местных законодательных актов, допуская применение общих законодательных установлений лишь по причине возможных пробелов.

Особо рассматривался вопрос о возможности распространения действия будущего Гражданского уложения на крестьян. Подчеркнув свое намерение сблизить крестьян с прочими сословиями в юридическом отношении, тем самым по возможности ограничивая практику применения местных обычаев, Редакционная комиссия сочла невозможным полное подчинение общим гражданским законам всего крестьянского юридического быта в силу присущих ему особенностей. Прежде всего, речь шла о сохранении общинного владения наделными землями. Вследствие чего в проект были включены особые правила об общинном владении и допущено исключение из общих правил наследования, но только относительно наделных земель крестьян, где сохранялся порядок, установленный нормами обычаев. В остальном же крестьяне должны были подчиниться общему правовому порядку. Однако данное изъятие из общеправового порядка свидетельствует о том, что проект сохраняет различия имуществ в зависимости от сословной принадлежности владельца.

В различные государственные ведомства, образовательные учреждения, научные сообщества и печатные издания подготовленный проект был разослан для получения замечаний. Обсуждение первоначального варианта проекта Гражданского уложения растянулось на несколько лет. В апреле, мае и декабре 1898 г. Редакционная комиссия выделила из книг второй и третьей проекта правила о разлучении супругов, незаконно-рожденных и авторском праве и, сопроводив их положения обстоятельными объяснения-

ми, представила их на рассмотрение в Государственный совет.

С учетом критических замечаний и дополнений к лету 1905 г. был подготовлен новый вариант проекта Гражданского уложения, а 29 декабря 1905 г. комиссия представила его министру юстиции. Проект Гражданского уложения был передан для подготовки заключения всем заинтересованным ведомствам в части, касающейся их предметов ведения. Устанавливался шестимесячный срок, однако он не был выдержан – лишь к началу 1910 г. Министерство юстиции получило заключения на проект Гражданского уложения от всех заинтересованных ведомств. Принимая во внимание затянувшийся процесс доработки проекта Гражданского уложения, министерство юстиции приняло решение внести на рассмотрение Государственной думы не весь его текст, а только ту часть, которая менее всего требовала доработки. Однако принципиальные расхождения по многим вопросам так и не позволили завершить работу над проектом Гражданского уложения. Ни проект в целом, ни отдельные части так и не были приняты. Аналогичная судьба постигла и ряд других законодательных инициатив конца XIX – начала XX в. в области регулирования гражданско-правовых отношений, например, проектов Вотчинного и Опекунского уставов.

Заключение

К чести составителей проекта следует отметить ту скрупулезность, с которой они подходили к его разработке, стремясь синтезировать достижения как отечественной, так и западноевропейской науки, учитывая практический опыт гражданского судопроизводства. Несмотря на сохранение отдельных архаизмов, проект демонстрирует достаточно полное и системное изложение гражданско-правовых норм. Формулировки

положений отличает ясность и определенность, выдержана единая терминология. Оценивая проект, О. С. Иоффе признавал, что он «...содержал немало оригинальных конструкций, из числа которых многие знаменовали собой значительное как научное, так и законодательно-техническое достижение» [14, с. 65].

Вместе с тем сохранение консервативных настроений по ряду вопросов, требующих своего реформирования, спровоцировало достаточно критическую реакцию на разработанный проект со стороны ведущих цивилистов: «Проект стремится установить чистое понятие имущества безотносительно к его происхождению. Но это так же мало удается проекту, как и провозглашение правоспособности, безотносительно к происхождению и состоянию лица. Вопрос о наследственном (родовом) происхождении имущества отпал, но остались различия с точки зрения принадлежности владельцев к тому или иному состоянию (сословию). Остались в проекте заповедные – дворянские имущества, остались наделные – крестьянские земли» [15, с. 131–132].

Отсутствие необходимого единства в научном сообществе и среди государственных чиновников, задействованных в обсуждении проекта, по ряду принципиальных вопросов заметно замедлило и затруднило продвижение проекта. Свои коррективы внесла и аграрная реформа П. А. Столыпина, положения которой должны были согласовываться с вопросами регулирования крестьянского землевладения. Окончательная точка в попытке реформирования гражданского законодательства Российской империи была поставлена октябрьскими событиями 1917 г., прервавшими эволюционный путь развития отечественной цивилистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савельева Е. В. О некоторых экономических и социальных результатах Великих реформ 1860–1870-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 9–14.
2. Введение к составленному высочайше учрежденному Редакционной комиссии проекту Гражданского уложения // Прибавление к проекту Гражданского уложения. СПб., 1906. С. 1.

3. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общей редакцией чл-кор. АЕН РФ, д. ю. н., проф. О. И. Чистякова. Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. тома д. ю. н., проф. О. И. Чистяков. М. : Юридическая литература, 1988. 431 с.
4. Кавелин К. Д. Русское гражданское уложение // Журнал гражданского и уголовного права. Ноябрь. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. С.-Пб. : Тип. Правительствующего Сената, 1882. Кн. 8. 28 с.
5. Хауке О. А. Крестьянское земельное право : Подроб. сист. пособие к изуч. действующего законодательства и практики по вопр. крестьян. землевладения. М. : тип.-лит. В. Рихтер, 1914. X, 372 с.
6. Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. В 2 т. Ленинград : Гос. изд-во, 1924. Т. 1. 499 с.
7. Бондаренко Ю. В. Особенности административно-правовой интеграции национальных окраин Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С. 8–14.
8. Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань : тип. Имп. ун-та, 1898. 128 с.
9. Змирлов К. О недостатках наших гражданских законов (второй раздел 1 ч. X т.) // Журнал гражданского и уголовного права. Книга V. Май 1883. С. 87–136.
10. Томсинов В. А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века. Статья шестая // Законодательство. 2015. № 7. С. 88–94.
11. Пахман С. В. История кодификации гражданского права : в 2 т. / [соч.] С. В. Пахмана. СПб. : [Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии], 1876. Т. 1. 1876. II, VI. 472 с.
12. Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2-х частях: По исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. Ч. 1. М. : Статут, 1997. 290 с.
13. Пахман С. В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения. С.-Петербург : Типография правительствующего сената, 1882. 32 с.
14. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. М. : Статут, 2020. 782 с.
15. Гуляев А. М. Единство гражданского права и проект Гражданского уложения. Киев : Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1903. 143 с.

REFERENCES

1. Savelyeva E. V. On some economic and social results of the Great Reforms of the 1860–1870s. // Caspian region: politics, economics, culture. 2019. No. 3 (60). P. 9–14. (In Russ.)
2. Introduction to the draft Civil Code compiled by the highest drafting commission established by the Editorial Commission // Addendum to the draft Civil Code. St. Petersburg, 1906. P. 1. (In Russ.)
3. Russian legislation of the 10th–20th century: in 9 volumes / under the general editorship of Corresponding Member. AEN RF, Dr Sci. (Law), prof. O. I. Chistyakov. Vol. 6: Legislation of the first half of the 19th century / ed. of the volume Dr Sci. (Law), prof. O. I. Chistyakov. M. : Legal literature, 1988. 431 p. (In Russ.)
4. Kavelin K.D. Russian Civil Code // Journal of Civil and Criminal Law. November. Publication of the St. Petersburg Law Society. S.-Pb. : Printing house of the Governing Senate, 1882. Book. 8. 28 p. (In Russ.)
5. Hauke O. A. Peasant land law: Detail. syst. study guide current legislation and practice on the issue. peasants land ownership. M. : Typolithography of V. Richter, 1914. X, 372 p. (In Russ.)
6. Witte S. Yu. Memoirs: The reign of Nicholas II. In 2 vols. Leningrad : State. publishing house, 1924. Vol. 1. 499 p. (In Russ.)
7. Bondarenko Yu. V. Features of administrative and legal integration of the national outskirts of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 4 (16). P. 8–14. (In Russ.)
8. Shershenevich G. F. History of the codification of civil law in Russia. Kazan : Printing House of the Imperial University, 1898. 128 p. (In Russ.)
9. Zmirlov K. On the shortcomings of our civil laws (second section 1 part Vol. 10) // Journal of civil and criminal law. Book V. May 1883. P. 87–136. (In Russ.)

10. Tomsinov V. A. Development of the draft Civil Code and the development of the science of civil law in Russia in the late 19th – early 20th century. Article six // Legislation. 2015. No. 7. P. 88–94. (In Russ.)

11. Pakhman S. V. History of the codification of civil law: in 2 volumes / [op.] S. V. Pakhman. St. Petersburg : [Printing House of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery], 1876. Vol. 1. 1876. II, VI. 472 p. (In Russ.)

12. Meyer D. I. Russian civil law. In 2 parts: According to the corrected and expanded 8th edition, 1902. Part 1. M. : Statute, 1997. 290 p. (In Russ.)

13. Pakhman S. V. To the question of the subject and system of the Russian civil code. St. Petersburg : Printing house of the Governing Senate, 1882. 32 p. (In Russ.)

14. Ioffe O. S. Selected works on civil law: From the history of civil thought. Civil legal relations. Criticism of the theory of “economic law”. 4th ed. M. : Statute, 2020. 782 p. (In Russ.)

15. Gulyaev A. M. Unity of civil law and the draft Civil Code. Kyiv : Printing House of I. N. Kushnerev & Co Partnership, 1903. 143 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Бондаренко Ю. В. – кандидат юридических наук, доцент;

Баранова Е. С. – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Bondarenko Yu. V. – Candidate of Law, Associate Professor;

Baranova E. S. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 19.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья
УДК 351.745.078:343.973(470.57)"1937/1947"

Максим Олегович Вафин
*Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск,
Россия, vafin_1992@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АППАРАТОВ БХСС (1937–1947 ГГ.)

Аннотация. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что в настоящее время имеют место факты участия сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее – ЭБ и ПК) в совершении преступлений экономической направленности.

Указанная негативная тенденция детерминирована совокупностью факторов. Одним из них выступает недостаточный учет исторического опыта организации деятельности правоохранительных органов советского периода. Базируясь на этом, результаты проведенного в статье исследования могут выступать ориентиром для дальнейшего совершенствования организации и деятельности органов внутренних дел в сфере борьбы с преступлениями экономической направленности.

В статье проанализирован процесс становления, развития и деятельности аппаратов по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (далее – БХСС) в период с 1937 по 1947 г. Автором были выделены предпосылки, которые привели к образованию данных служб, их основные направления деятельности, особенности функционирования в довоенные, военные и первые послевоенные годы. Раскрыты особенности структурного построения. В работе проанализированы предпосылки, детерминировавшие трансформацию в 1947 г. Отдела БХСС в Управление БХСС, и результаты, к которым привели указанные преобразования.

Ключевые слова: ОБХСС, УБХСС, подразделения милиции, НКВД, МВД, охрана социалистической собственности

Для цитирования: Вафин М. О. Особенности развития и деятельности аппаратов БХСС (1937–1947 гг.) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 19–25. (In Russ.)

Original article

Maxim O. Vafin
*Far Eastern Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov,
Khabarovsk, Russia, vafin_1992@mail.ru*

FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND ACTIVITY OF BKHSS APPARATUSES (1937–1947)

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that currently there are facts of participation of employees of the economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the commission of economic crimes.

This negative trend is determined by a combination of factors. One of them is insufficient consideration of the historical experience of organizing the activities of law enforcement agencies of the Soviet period. Based on this, the results of the research conducted in the article can serve as a guideline for further improvement of the organization and activities of internal affairs bodies in the fight against economic crimes.

The article analyzes the process of formation, development and activities of apparatuses to combat the theft of socialist property and speculation (hereinafter referred to as BKhSS) in the period from 1937 to 1947. The author highlighted the prerequisites that led to the formation of these services, their main areas of activity,

and operating features in the pre-war, war and first post-war years. The features of the structural construction are revealed. The paper analyzes the prerequisites that determined the transformation in 1947 of the BHSS Department into the BHSS Directorate, and the results that these transformations led to.

Keywords: OBKhSS, UBKhSS, militia units, NKVD, Ministry of Internal Affairs, protection of socialist property

For citation: Vafin M. O. Features of the development and activity of BKhSS apparatuses (1937–1947) // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 9–25.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что на современном этапе развития Российского государства преступления экономической направленности продолжают сохранять высокий уровень. На основании официальных статистических данных можно сделать вывод, что за последние несколько лет наблюдается тенденция роста зарегистрированных преступлений экономической направленности в Российской Федерации¹.

Одной из правоохранительных структур, которая нацелена на обеспечение экономической безопасности России от противоправных посягательств со стороны криминальных элементов, является узкоспециализированная служба полиции, функционирующая в системе МВД России, – подразделение экономической безопасности и противодействия коррупции². На фоне роста преступлений экономической направленности службы ЭБ и ПК МВД России и иные правоохранительные органы ведут активную борьбу с данными криминальными явлениями.

Важно подчеркнуть, что преступления экономической направленности совершались и совершаются не только в гражданских отраслях экономики страны. Имеют

место факты проявления данных видов общественно-опасных деяний и в правоохранительных органах.

Более того, указанные противоправные деяния совершаются сотрудниками тех подразделений, ведущей линией функционирования которых является борьба с такими видами преступности, в частности, работниками служб ЭБ и ПК МВД России³. Последнее приводит к подрыву имиджа, престижности и уровня доверия общественности к правоохранительным органам.

Совершение преступлений экономической направленности сотрудниками подразделений ЭБ и ПК МВД России обусловлено широким и разнообразным спектром факторов [1, с. 127–131; 2, с. 113–115]. К одному из них, на наш взгляд, следует отнести недостаточное внимание к учету исторического опыта развития органов внутренних дел советского периода.

Работа направлена на обоснование необходимости регулярного обращения, заимствования и внедрения положительного исторического опыта, что будет выступать одним из залогов дальнейшего совершенствования подразделений ЭБ и ПК МВД России и, как следствие, повышения экономической безопасности от преступного воздействия.

¹ Зарегистрировано преступлений экономической направленности // Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 01.03.2024).

² Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 16 марта 2015 г. № 340 // ЭПС «Система ГАРАНТ».

³ Уголовное дело экс-генерала Дениса Сугробова // Сетевое издание «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20171219/1511284032.html> (дата обращения: 01.03.2024); Экс-начальника отдела ОБЭП и ПК в Хабаровске приговорили к 3,5 годам лишения свободы // Сетевое издание «Информационное агентство AmurMedia» URL: <https://amurmedia.ru/news/1218203/> (дата обращения: 01.03.2024); В отношении начальника отделения полиции во Владивостоке возбудили уголовное дело за покушение на взятку // Сетевое издание «Новости Владивостока» URL: <https://www.news.vl.ru/accidents/2023/01/29/215018/> (дата обращения: 01.03.2024).

Исторический опыт становления и развития подразделений БХСС затрагивали в своих работах следующие исследователи: Р. С. Мулукаев, А. Т. Скилягин [3], С. В. Тишков, Р. Р. Алабердеев, Ю. В. Латов [4], Д. А. Ерин [5], Ю. Варенцова, Е. П. Колодеев, А. Н. Лушин [6] и др.

Методы

Настоящее исследование проведено посредством применения общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, исторический и логический методы) и специальных методов исторического познания (проблемно-хронологический и синхронный методы).

Результаты

С момента образования в 1917 г. Советского государства и на протяжении последующих двадцати лет его существования силы и ресурсы страны были направлены на формирование новой государственности [7, с. 35–38]. При этом в основе экономики страны доминирующее положение постепенно стала занимать государственная собственность. В 1930-х гг. в результате социально-экономических преобразований государственная собственность наряду с кооперативно-колхозной была синтезирована в понятие социалистической собственности, что на законодательном уровне было закреплено в Конституции СССР 1936 г.¹ К 1937 г. в производственном фонде страны социалистическая собственность стала занимать 98,7 % [8, с. 299–300]. Параллельно с этим в 1930-е гг. криминогенная обстановка находилась в обостренном состоянии. Широкие масштабы приобрела деятельность криминальных элементов, нацеленных на хищение, растраты, присвоение имущества, отнесенного к социалистической собственности, а также спекуляцию им. Закономерно, что основа экономической системы Советского Союза нуждалась в надлежащей безопасности от преступных посягательств.

В период с 1917 г. по вторую половину 1930-х гг. безопасность государственной собственности обеспечивали различные органы и службы, что говорит о постоянном поиске советским правительством наиболее эффективного механизма по борьбе с преступлениями, направленными на экономическую основу страны. В результате проведения ряда трансформаций правоохранительной системы 16 марта 1937 г. народным комиссаром внутренних дел Н. И. Ежовым был принят специальный приказ, ознаменовавший образование в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции (далее – ГУРКМ) Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) СССР Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. Позже подразделения БХСС стали формироваться в отдельных республиках, регионах и районах Советского Союза. Например, в составе рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ) Управления НКВД по Дальневосточному краю подразделения БХСС были сформированы 16 апреля 1937 г. [9, с. 106].

Аппараты БХСС являлись специализированной правоохранительной структурой, были нацелены на борьбу с преступлениями экономической направленности – преимущественно с хищениями, растратами и спекуляцией имуществом, отнесенным к социалистической собственности, а также с фальшивомонетничеством².

В организационно-структурном плане подразделения БХСС состояли из отделов, отделений и групп, которые были ориентированы на работу по определенным направлениям деятельности. Например, Отдел БХСС ГУРКМ НКВД СССР состоял из 4 отделений, каждое из которых боролось с хищениями социалистической собственности на различных объектах народного хозяйства. Вместе с тем первое отделение дополнительно было нацелено на борьбу со

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936.

² Отдел оперативной информации и специальных фондов Информационного центра УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 39. Оп. 1. Д. 41..

спекуляцией, третье – с фальшивомонетничеством, а четвертое взаимодействовало с негласным аппаратом и осуществляло производство в рамках следственных дел по фактам преступных посягательств на социалистическую собственность на объектах, находящихся в обслуживании первых трех отделений [10, с. 220]. В аналогичном ключе выстраивалась структура и периферийных подразделений БХСС.

Значительные перемены в функционировании аппаратов БХСС наступили с началом Великой Отечественной войны. В военные годы все сферы жизни общества были нацелены на обеспечение нужд фронта: оружием, боеприпасами, обмундированием, продовольствием и т. д. Перечисленное имущество являлось частью социалистической собственности, что детерминировало необходимость в еще более усиленной борьбе с преступлениями экономической направленности, которые в военные годы сохраняли свою актуальность и обладали повышенной степенью общественной опасности. Последнее обуславливалось тем, что хищения могли быть направлены на имущество, предназначенное для солдат Красной армии, что в условиях войны могло привести к нарушению снабжения и, соответственно, повлиять на ход боевых действий на фронте [11, с. 25].

В рамках Великой Отечественной войны органы внутренних дел были значительно милитаризованы и дополнительно нацелены на решение задач военного характера. Так, оперативные сотрудники БХСС наряду с противодействием экономической преступности дополнительно должны были самостоятельно либо совместно с воинскими формированиями СССР уничтожать вооруженные силы противника, его десант, устанавливать и ликвидировать диверсантов. Кроме этого, на подразделения НКВД возлагались задачи по созданию милицейских застав на дорогах в города, переведенных на военное положение [12, с. 76]. В подобном состоянии подразделения милиции функционировали на протяжении всего военного периода.

После окончания Великой Отечественной войны наступил новый этап в разви-

тии Советского Союза, связанный с переустройством большей части всех сфер жизни общества в мирное русло с параллельным восстановлением разрушенной экономики. Новые условия в стране привели к освобождению правоохранительных органов от решения военных задач и переориентации их деятельности на основные направления непосредственного функционирования. Так, оперативные работники БХСС вновь были нацелены исключительно на борьбу с хищениями социалистической собственности, спекуляцией, фальшивомонетничеством, валютничеством и контрабандой.

В условиях первых послевоенных годов руководство страны было ориентировано на совершенствование действовавшей системы государственного управления. Наступил этап масштабных трансформаций, затронувший все органы государственной власти. Так, 15 марта 1946 г. Совет народных комиссаров СССР был преобразован в Совет министров СССР, а Народные комиссариаты – в министерства, НКВД – в МВД, что выступило катализатором внутриведомственных реформ, приведших к реорганизации в январе 1947 г. Отдела БХСС Главного управления милиции (далее – ГУМ) МВД СССР в Управление БХСС ГУМ МВД СССР [13, с. 71].

Помимо трансформации НКВД в МВД, реформирование ОБХСС в УБХСС было обусловлено рядом иных факторов.

Во-первых, оформившийся в предвоенные и военные годы механизм руководства и контроля центральным Отделом БХСС за деятельностью периферийных служб БХСС являлся несовершенным и неэффективным в условиях восстановительной политики СССР второй половины 1940-х гг.

Во-вторых, в послевоенные годы криминальная обстановка в экономической сфере страны находилась в обостренном состоянии, которое усугубилось массовым голодом 1946–1947 гг. В связи с этим требовалось усиление борьбы с экономической преступностью, залогом чего являлось совершенствование аппаратов БХСС.

В-третьих, возникла объективная необходимость в приведении действовавшего

законодательства, регулирующего деятельность подразделений БХСС, в соответствии с фактическим положением дел. Относительно последнего отметим, что с момента образования данных служб оперативные работники неоднократно выявляли и пресекали факты взяточничества, сопряженные с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, несмотря на отсутствие прямой законодательной обязанности по борьбе с данным видом преступности.

В связи с этим, а также в целях совершенствования механизма борьбы со взяточничеством, масштабы которого в послевоенные годы увеличились, а способы совершения усложнились, аппараты БХСС были наделены прямой обязанностью по борьбе со взяточничеством. Последнее получило свое законодательное закрепление в рамках реформирования Отдела БХСС в Управление БХСС (далее – УБХСС).

Важно подчеркнуть, что проведенная реформа носила преимущественно организационно-управленческий и оптимизационный характер, сформировав более централизованную систему руководства между центром (УБХСС) и периферийными службами БХСС. Кроме этого, проведенные изменения привели к повышению статуса аппаратов во внутриведомственной структуре ГУМ МВД СССР. В новом реформирован-

ном качестве аппараты БХСС функционировали до второй половины 1960-х гг., где произошли новые структурные трансформации.

Заключение

Таким образом, в течение двадцати лет Советская власть пыталась сформировать наиболее эффективный механизм по борьбе с преступлениями экономической направленности. Результатом неоднократных трансформаций в правоохранительной системе стало образование в 1937 г. в структуре РКМ НКВД аппаратов БХСС, нацеленных на борьбу с преступлениями экономической направленности. В военные годы наряду с работой по основным направлениям деятельности сотрудники БХСС дополнительно были обязаны решать некоторую совокупность задач военного характера. В первые послевоенные годы в СССР сложились новые условия, приведшие к трансформации всей системы государственного управления в целом и подразделений БХСС в частности. Так, к 1947 г. возникли предпосылки, детерминировавшие трансформацию Отдела БХСС ГУМ МВД СССР в Управление БХСС ГУМ МВД СССР, что привело к постановке перед работниками подразделений новых задач, повышению статуса службы, а также совершенствованию механизма управления за деятельностью периферийных аппаратов БХСС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гиззатуллин Р. Р. Характеристика причин и профилактика совершения преступлений сотрудниками полиции // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). С. 127–131.
2. Григорьева П. В. Причины совершения коррупционных деяний в системе органов внутренних дел // Власть и общество: история, современное состояние и тенденции развития: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред. В. В. Наумкина, отв. ред. В. Н. Козлова. Абакан : Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, 2023. С. 113–115.
3. Мулукаев Р. С., Скилягин А. Т. История советской милиции. Хронологический справочник – Ленинград: НИИРИО ВПУ МВД СССР, 1976. 107 с.
4. Тишков С. В., Алабердеев Р. Р., Латов Ю. В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 1. С. 51–80.
5. Ерин Д. А. Борьба с хищениями социалистической собственности как важнейшее направление деятельности службы БХСС по обеспечению экономической безопасности Советского государства в период с 1937 по 1941 г. // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1 (38). С. 136–142.
6. Варенцова Л. Ю., Колодеев Е. П., Лушин А. Н. и др. Становление и развитие подразделений экономической безопасности МВД России. Исторический очерк (посвящается 80-летию службы

БХСС – БЭП – ЭБиПК). Н. Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. 117 с.

7. Миронов А. Л. Особенности государственного управления 1920–1930-х гг. XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 7. С. 35–38.

8. История СССР: с древнейших времен до наших дней: В 12 т. Т. 9: Построение социализма в СССР. 1933–1941 гг. / авт. И. Б. Берхин, М. А. Вылцан, Е. И. Зайцев и др.; ред. коллегия: А. П. Кучкин (отв. ред.) и др.. 1971. 552 с.

9. Вафин М. О. Формирование подразделений по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией НКВД СССР в 1937 г. // Клио. 2021. № 8 (176). С. 103–108.

10. Постников С. В. Специализированная служба по борьбе с экономическими преступлениями в системе НКВД СССР: создание, нормативная основа, особенности организации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 216–221.

11. Грунин О. А. Факторы экономической победы советского Союза в Великой Отечественной войне // ПСЭ. 2010. № 2. С. 22–25.

12. Арефьев А. Ю. Истоки оперативно-розыскного предупреждения экономических преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 73–78.

13. Беркутов А. С. Некоторые особенности развития органов БХСС в 1940–1960-е годы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 5. С. 70–72.

REFERENCES

1. Gizzatullin R. R. Characteristics of the causes and prevention of crimes committed by police officers // Bulletin of the Samara Law Institute. 2017. No. 1 (23). P. 127–131. (In Russ.)

2. Grigorieva P. V. The reasons for committing acts of corruption in the system of internal affairs bodies // Power and society: history, current state and development trends : collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference / scientific ed. by V. V. Naumkin, ed. by V. N. Kozlov. Abakan : Khakass State University named after N. F. Katanov, 2023. P. 113–115. (In Russ.)

3. Mulukaev R. S., Skilyagin A. T. The history of the Soviet militia. Chronological reference book – Leningrad : NIiRIO VPU of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1976. 107 p. (In Russ.)

4. Tishkov S. V., Alaberdeev R. R., Latov Yu. V. The history of the struggle in the USSR against the theft of socialist property (to the 70th anniversary of the OBKhSS/DEB) // Historical and economic research. 2007. Vol. 8. No. 1. P. 51–80. (In Russ.)

5. Yerin D. A. The fight against theft of socialist property as the most important activity of the BHSS service to ensure the economic security of the Soviet state in the period from 1937 to 1941 // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2016. No. 1 (38). P. 136–142. (In Russ.)

6. Varentsova L. Yu., Kolodeev E. P., Lushin A. N. et al. Formation and development of economic security units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Historical essay (dedicated to the 80th anniversary of the BHSS – ВЕР – ЭБиПК service). Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. 117 p. (In Russ.)

7. Mironov A. L. Features of public administration in the 1920s–1930s of the twentieth century // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 7. P. 35–38. (In Russ.)

8. The history of the USSR: From ancient times to the present day: In 12 vols. Vol. 9: Building socialism in the USSR. 1933–1941 / author I. B. Berkhin, M. A. Vyltsan, E. I. Zaitsev, etc.; editorial board: A. P. Kuchkin (ed.) and others. 1971. 552 p. (In Russ.)

9. Vafin M. O. Formation of units to combat theft of socialist property and speculation of the NKVD of the USSR in 1937 // Клио. 2021. No. 8 (176). P. 103–108. (In Russ.)

10. Postnikov S. V. Specialized service for combating economic crimes in the NKVD system of the USSR: creation, regulatory framework, organization features // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1 (25). P. 216–221. (In Russ.)

11. Grunin O. A. Factors of the economic victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War // PSE. 2010. No.2. P. 22–25. (In Russ.)

12. Arefyev A. Yu. The origins of operational investigative prevention of economic crimes // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1(12). P. 73–78. (In Russ.)

13. Berkutov A. S. Some features of the development of BHSS organs in the 1940s–1960s // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 5. P. 70–72. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.03.2024; одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 07.03.2024; approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья
УДК 351.741.078(470)

Сергей Николаевич Савраскин
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, savraskinsn@yandex.ru

РОЛЬ ПОЛИЦИИ В МЕХАНИЗМЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию административно-правового статуса полиции с учетом значимой роли в структуре современного государственного аппарата. Для действительной реализации и уважения материальных и нематериальных социальных благ государство создает специальный механизм, в структуру которого входят правоохранительные и правозащитные органы. Неотъемлемым атрибутом современного государства, без которого невозможно его нормальное функционирование, выступают органы внутренних дел, в частности, полиция. В завершение делается вывод, что полиция является важнейшим правоохранительным органом Российской Федерации по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, а также по осуществлению как производства по делам о большинстве административных правонарушений в рамках административной юрисдикции, так и в сфере производства по уголовным делам, предварительного следствия, в том числе производства неотложных следственных действий.

Ключевые слова: полиция, правоохранительные органы, государство, законодательство, деятельность

Для цитирования: Савраскин С. Н. Роль полиции в механизме современного государства // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 26–33.

Original article

Sergey N. Savraskin
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, savraskinsn@yandex.ru

THE ROLE OF THE POLICE IN THE MECHANISM OF THE MODERN STATE

Abstract. The article is devoted to the study of the administrative and legal status of the police, taking into account its significant role in the structure of the modern state apparatus. For the effective realization and respect of tangible and intangible social benefits, the State creates a special mechanism, the structure of which includes law enforcement and human rights bodies. The internal affairs bodies, in particular the police, are an integral attribute of the modern state, without which its normal functioning is impossible. It is concluded that the police is the most important law enforcement agency of the Russian Federation for ensuring public order and public safety, as well as for conducting both proceedings on most administrative offenses within the framework of administrative jurisdiction and in the field of criminal proceedings, preliminary investigation, including the conduction of urgent investigative actions.

Keywords: Police, law enforcement agencies, government, legislation, activities

For citation: Savraskin S. N. The role of the police in the mechanism of the modern state // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 26–33. (In Russ.)

© Савраскин С. Н., 2024

Введение

Современное государство в качестве основной цели своей деятельности признает защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Для действительной реализации и уважения материальных и нематериальных социальных благ государство создает специальный механизм, в структуру которого входят правоохранительные и правозащитные органы [1].

Основным из таких органов в настоящее время, равно как и на протяжении длительного предшествующего периода, является полиция. На нее возложены обязанности по предупреждению и пресечению административных правонарушений и преступлений; осуществление производства по административным и уголовным делам; назначение и исполнение административных наказаний в предусмотренных законом случаях; обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, а также ряд иных важнейших административных функций современного государства.

С учетом значимой роли полиции в структуре современного государственного аппарата исследование ее административно-правового статуса представляет значительный интерес.

Методы

В работе применялись всеобщий диалектический метод познания; общенаучные – анализ, синтез, обобщение, а также частнонаучные – исторический, системный, формально-юридический, логический, сравнительно-правовой, исторический и др.

Результаты

Полицейские органы имеют длительную историю своего становления и развития как в российском государстве, так и в мире в целом. Впервые этот термин появляется в древнегреческих полисах («полиция» происходит от греческого «politeia» – город) [2], тогда полиция зарождалась как управление городом – полисом. Данный термин не сразу стал использоваться в российском государстве, и первоначально полиция и ее деятельность обозначались другими понятиями.

Деятельность должностных лиц по охране общественного порядка в городах именовалась благочинием, а ее осуществление было возложено на вотчинников, помещиков, посадников, праветчиков и на других должностных лиц. Вместе с тем о появлении полицейских органов на Руси можно говорить лишь с момента создания княжеских дружин. С течением времени ситуация менялась, и осуществление функций по охране общественного порядка было возложено на наместников и волостителей, у каждого из которых в штате имелись следующие сотрудники: тиуны, на которых были возложены функции проведения судебных разбирательств; доводчики, которые призывали участников процесса к суду; праветчики, осуществлявшие функции по исполнению судебных решений [3].

О формировании постоянных органов полиции в России принято говорить применительно к эпохе правления Петра I. Он задумал полицию как орган, осуществляющий защиту прав населения государства, воплотивший в себе гарантию защиты безопасности всех и каждого. Для полицейских были разработаны обмундирование и экипировка, собственная система чинов, текст и порядок принесения присяги.

Деятельность по формированию полиции активно продолжила Екатерина II, однако ее реформы во многом были направлены на децентрализацию полиции: она учредила полицейские органы на местах, а также упразднила ранее созданную Главную полицмейстерскую канцелярию и должность генерал-полицмейстера. Уже к началу девятнадцатого столетия, когда все центральные органы полиции были упразднены практически в полном объеме, вновь встал вопрос о создании центрального полицейского органа [4; 5]. Важно отметить, что в рамках полицейской реформы Екатерина принимает Устав благочиния, который и становится основным и наиболее детальным актом регулирования деятельности органов полиции того времени.

В последующие годы назревает необходимость некоторых организационных изменений в деятельности полиции: в 1806 г.

стала очевидна необходимость распределения функций по управлению полицией по отраслям ее деятельности. В этой связи были созданы отделения: первое отделение во многом отвечало за охрану общественного порядка, в том числе при проведении массовых мероприятий, а второе – боролось с неповиновением власти, восстановлением порядка в государстве, рассматривало жалобы на полицию [6].

Существенным образом повлияла на дальнейшее развитие полиции реформа Земской полиции 1837 г. Тогда обязанности полиции стали делиться на две части: исполнительную и судебно-полицейскую. В 1859 г. были учреждены должности судебных следователей, осуществлявших предварительное расследование по делам, в то время как ранее данная функция была приписана полиции [7].

Реформация российской полиции начинается в 1880 г. с создания Верховной распорядительной комиссии по охране государственного и общественного порядка, во главе которой был назначен М. Т. Лорис-Меликов. Указом от 3 марта 1880 г. III отделение передавалось М. Т. Лорис-Меликову, а 4 марта ему был подчинен Отдельный корпус жандармов.

В скором времени Лорис-Меликова назначили министром внутренних дел, затем последовала ликвидация III отделения канцелярии и его функции были переданы Департаменту государственной полиции. После всех преобразований и реформ МВД заняло главенствующее место в государственном механизме, включив в себя 20 подразделений помимо Департамента полиции [8].

Дальнейшие изменения административно-правового статуса полиции были связаны с приходом к власти большевиков. В 1917 г. создается милиция, имеющая статус органа охраны социалистического общественного

порядка. Функции этого органа были крайне широки: надзор за движением на улицах, выдача удостоверяющих документов населению, оперативно-розыскная деятельность, участие в предварительном расследовании и оказание содействия в исполнении приговоров.

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 г.¹ государство усмотрело необходимость в существенной реформе деятельности полиции в соответствии с новыми ценностями государства, признающего в качестве приоритетной задачи охрану прав и свобод человека и гражданина [9; 10; 11; 12]. Однако данные меры на нормативном уровне реализовались только в 2010 г. Тогда был принят новый федеральный закон, по которому милиция переименовывалась в полицию [13].

Таким образом, государственный механизм России всегда нуждался в полицейских органах, однако первоначально для обеспечения общественного порядка достаточно было лишь учреждения отдельных должностей, а впоследствии для осуществления функций по охране общественного порядка – отдельных подразделений.

В целях регулирования деятельности полиции и в связи с проведенной в Российской Федерации реформой был принят Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»² (далее – ФЗ «О полиции»). Если обратиться к ст. 1 указанного закона, то можно обратить внимание на то, что именно защита прав человека и гражданина является основным предназначением современной полиции. Помимо прочего, полиция осуществляет охрану общественного порядка, защиту собственности, обеспечение общественной безопасности, а также противодействие преступности.

Что касается организационных основ деятельности полиции, то им посвящены положения Указа Президента Российской

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. от 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

² О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Российская газета. 2011. 10 февраля.

Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции»¹. В п. 1 данного Указа обозначены основные функции полиции, которые и определяют ее структуру.

Понятие «правоохранительный орган» в настоящее время полностью исключено из законодательства Российской Федерации, поскольку попытки ученых исчерпывающим образом определить данное понятие не дали результата – исследователи так и не сошлись во мнении о тех признаках, которые позволят отграничить правоохранительный орган от правозащитного и иных органов в составе государственного аппарата Российской Федерации.

Тем не менее, именно в отношении полиции не возникает сомнений относительно правоохранительной направленности ее деятельности. По мнению А. А. Чувилева, «правоохранительные органы – это специальные органы, чьей основной целью являются защита права от нарушений, выявление, пресечение и предупреждение правонарушений, применение к нарушителям мер принуждения» [14]. С учетом ранее проанализированных норм ФЗ «О полиции» о назначении и направлениях ее деятельности можно заключить, что полиция является правоохранительным органом. Косвенное доказательство тому содержится и в самом законе². В ч. 1 ст. 10 ФЗ «О полиции» говорится, что полиция взаимодействует с иными правоохранительными органами, а значит, законодатель относит полицию к числу таких органов.

Поскольку правоохранительная деятельность связана, прежде всего, с защитой граждан от административных правонарушений и преступлений, выявлением таких посягательств, рассмотрением дел в связи с их совершением, то важно оценить роль по-

лиции в осуществлении именно этих функций современного государства.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях³ (далее – КоАП РФ) закрепляет общие положения об осуществлении производства по административным делам, процессуальные нормы, а также материальные нормы, закрепляющие конкретные составы административных правонарушений. Среди прочего, положения КоАП РФ определяют органы, уполномоченные возбуждать дела об административных правонарушениях и рассматривать их, в том числе назначать административные наказания.

Анализ ст. 23.3 КоАП РФ, определившей составы административных правонарушений, которые подлежат рассмотрению органами внутренних дел (полицией), позволяет сделать вывод о том, что именно на эти органы во многом возложено производство по абсолютному большинству дел об административных правонарушениях. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что выявление и пресечение административных правонарушений во многом возложено именно на полицию в российском государстве.

Важнейшая роль принадлежит полиции в сфере выявления и расследования преступлений, поскольку на нее возложено осуществление дознания по уголовным делам. Так, в ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УПК РФ) указывается, что органы внутренних дел (полиция) являются органом дознания (ч. 1). А в соответствии с ч.ч. 2 и 3 ст. 40 УПК РФ на органы дознания возложено осуществление предварительного расследования по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, а также осуществление неот-

¹ Вопросы организации полиции: Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 (ред. от 30.09.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 10 февраля.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ложных следственных действий.

Таким образом, полиция является важнейшим правоохранительным органом Российской Федерации. Она осуществляет производство по делам о большинстве административных правонарушений, что позволяет признать полицию основным административно-юрисдикционным органом Российской Федерации. Важнейшая роль принадлежит полиции в сфере уголовного судопроизводства: она отнесена законом к числу органов дознания, осуществляющих производство по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, а также неотложные следственные действия.

Правовой статус любого органа определяется следующими основными элементами: полномочия (т. е. права и обязанности), ответственность и место в структуре иных государственных органов. Положение полиции в государственном аппарате было определено ранее. В рамках данного раздела работы будет уделено внимание правам и обязанностям полиции.

Данным вопросам посвящены ст.ст. 12 и 13 ФЗ «О полиции». И права, и обязанности полиции прямо вытекают из тех основных направлений деятельности, которые обозначены в ст. 2 того же закона. Полиция – это орган, непосредственно взаимодействующий с гражданами и организациями, а потому среди названных в вышеуказанных статьях прав и обязанностях крайне мало организационных и служебных полномочий – абсолютное большинство из них непосредственно направлены на обеспечение общественной безопасности, охрану общественного порядка, противодействие преступности и т. д.

Надо сказать, что осуществление одного направления деятельности может быть возложено на различные подразделения, а потому каждое направление конкретизируется целым рядом прав и обязанностей полиции.

Так, например, в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности полиция осуществляет патрулирование улиц, в том числе в период проведения массовых мероприятий,

предпринимает меры по организации дорожного движения и надзирает за исполнением всеми участниками правил дорожного движения, выявляет причины административных правонарушений и преступлений, а также принимает меры для их устранения в целях пресечения новых противоправных посягательств [15].

Деятельность полиции по производству административных дел и исполнению административных наказаний предопределяет отнесение к числу обязанностей полиции осуществление административного надзора, деятельность изоляторов временного содержания, конвоирования и проч.

Поскольку в сфере уголовного судопроизводства на полицию возложены отдельные функции, то к числу обязанностей отнесено и осуществление предварительного расследования в пределах ее полномочий в соответствии с УПК РФ, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Права полиции во многом направлены на возможность осуществления возложенных на нее обязанностей. В частности, полиция вправе применять меры принудительного характера для пресечения административных правонарушений и преступлений, обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и т. д.

Таким образом, права и обязанности, закрепленные за полицией ст.ст. 12 и 13 ФЗ «О полиции» детализируют ее административно-правовой статус, наиболее точно определяют содержание деятельности. Обязанности в большей степени направлены на детализацию основных направлений деятельности полиции, выделение их основных составляющих. Права полиции, в свою очередь, предоставляются ей для того, чтобы исполнение обязанностей сотрудниками стало возможным и в полной мере было основано на законе, как того требуют основные принципы деятельности данного органа в Российской Федерации.

Государственный механизм России всегда нуждался в полиции, однако первоначально для обеспечения общественного порядка достаточно было лишь учрежде-

ния отдельных должностей, а впоследствии для осуществления функций по охране общественного порядка было создано целое подразделение. Надо сказать, что, помимо охраны общественного порядка, полиция осуществляла множество иных административных функций, в связи с чем в состав МВД России были включены отраслевые подразделения. В советский период созданная милиция была существенно политизирована, а с принятием новой Конституции Российской Федерации возникла необходимость реформирования милиции, прежде всего, с целью ее ориентации на защиту прав и свобод человека и гражданина. С 2011 г. в Российской Федерации вновь действует полиция, руководство деятельностью которой осуществляет МВД России¹ – федеральный орган исполнительной власти.

Административно-правовой статус полиции определяется теми основными видами государственной деятельности, которые возложены законом на полицию. Среди ее основных функций можно назвать следующее: защиту прав и законных интересов граждан, предупреждение и пресечение административных правонарушений и преступлений, осуществление производства по делам об административных правонарушениях и исполнение административных наказаний, охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Указанные направления деятельности не оставляют сомнений в том, что полиция по характеру своей деятельности является

правоохранительным органом Российской Федерации.

Заключение

В заключение можно сделать следующий вывод. Полиция является важнейшим правоохранительным органом Российской Федерации. Она осуществляет производство по делам о большинстве административных правонарушений, что позволяет признать полицию основным административно-юрисдикционным правоохранительным органом в системе органов исполнительной власти Российской Федерации. Важнейшая роль принадлежит полиции в сфере уголовного судопроизводства: она отнесена законом к числу органов дознания, которые, в свою очередь, осуществляют производство по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, а также неотложные следственные действия.

Права и обязанности, закрепленные за полицией ст.ст. 12 и 13 ФЗ «О полиции» детализируют ее административно-правовой статус, наиболее точно определяют содержание деятельности. Обязанности в большей степени направлены на детализацию основных направлений деятельности полиции, выделение их основных составляющих. Права полиции предоставляются для того, чтобы исполнение обязанностей сотрудниками полиции стало возможным и в полной мере было основано на законе, как того требуют основные принципы деятельности полиции в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маздогова З. З., Макоева Е. Р. Полиция в механизме современного государства // Образование и право. 2022. № 9. С. 30–33.
2. Полякова С.В. . Институт полиции в России: опыт истории и современность // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 1-3 (13). С. 166–169.
3. Шитова Т. В. История формирования полиции в Российской Федерации: краткий анализ // Эпоха науки. 2019. № 2. С. 45.
4. Моисеев И. А. Становление и развитие полиции России: основные этапы // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 105.

¹ Вопросы организации полиции : Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 (ред. от 30.09.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Румянцев Н. В. Российская полиция: историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 126–129.
6. Герман Р. С. Развитие полиции в России: историко-правовая ретроспектива // Юристь–Правоведь. 2021. № 3. С. 142.
7. Нижник Н. С., Бялт В. С. Полиция России: основные этапы становления и развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1. С. 132.
8. Шелудько В. О. Из истории полиции... // Россия и АТР. 2000. № 6. С. 63.
9. Пожарский Д. В. Российское государство и полиция в системе конституционных ценностей // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 7–13.
10. Мирзаева Д. М., Мирзаев М. А. Место и роль полиции в системе правоохранительных органов Российской Федерации // Закон и право. 2022. № 2. С. 68–70.
11. Денисович В. В. К вопросу о месте полиции в современной системе правоохранительных органов Российской Федерации // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 4 (49). С. 21–25.
12. Пожарский Д. В. Юридические основы функционирования милиции и полиции Российской Федерации в фокусе конституционного развития // Российское государство и вызовы XXI века. Права и обязанности личности: в поисках гражданского согласия : сборник статей Международной конференции к 30-летию Конституции Российской Федерации и 40-летию кафедры государственно-правовых дисциплин. М. : Академия управления МВД России, 2023. С. 8–10.
13. Романов А. К. Полиция вместо милиции // ЭЖ-Юрист. 2010. № 35. С. 1–3.
14. Чувилев А. А. Правоохранительные органы: учебное пособие / под ред. А. А. Чувилев. М. : Норма-М, 2019. 256 с.
15. Куянова А. В. Юрицин А. Е. Полиция в РФ: понятие и правовое регулирование её деятельности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 4 (49). С. 70–75.

REFERENCES

1. Mazdogova Z. Z., Makoeva E. R. Police in the mechanism of the modern state // Education and law. 2022. No. 9. P. 30–33. (In Russ.)
2. Polyakova S. V. Police Institute in Russia: historical experience and modernity // Symbol of Science: international scientific journal. 2016. No. 1-3 (13). P. 166–169. (In Russ.)
3. Shitova T. V. History of the formation of the police in the Russian Federation: a brief analysis // The Age of Science. 2019. No. 2. P. 45. (In Russ.)
4. Moiseev I. A. Formation and development of the Russian police: main stages // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4. P. 105. (In Russ.)
5. Rumyantsev N. V. Russian police: historical and legal analysis // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1. P. 126–129. (In Russ.)
6. German R. S. Development of the police in Russia: historical and legal retrospective // Lawyer-Pravoved. 2021. No. 3. P. 142. (In Russ.)
7. Nizhnik N. S., Byalt V. S. Police of Russia: main stages of formation and development // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1. P. 132. (In Russ.)
8. Sheludko V. O. From the history of the police... // Russia and the Asia-Pacific region. 2000. No. 6. P. 63.
9. Pozharsky D. V. The Russian state and the police in the system of constitutional values // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (49). P. 7–13. (In Russ.)
10. Mirzaeva D. M., Mirzaev M. A. The place and role of the police in the system of law enforcement agencies of the Russian Federation // Law and Law. 2022. No. 2. P. 68–70. (In Russ.)
11. Denisovich V. V. On the question of the place of the police in the modern system of law enforcement agencies of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2019. No. 4 (49). P. 21–25. (In Russ.)
12. Pozharsky D. V. Legal foundations of the functioning of the militia and police of the Russian Federation in the focus of constitutional development // Russian state and challenges of the 21st century. Rights and responsibilities of the individual: in search of civil consent: a collection of articles of the International Conference for the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 40th anniversary of

the Department of State Legal Disciplines. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 8–10. (In Russ.)

13. Romanov A. K. Police instead of police // EZh-Lawyer. 2010. No. 35. P. 1–3. (In Russ.)

14. Chuvilev A. A. Law enforcement agencies : textbook. M. : Norma-M, 2019. 256 p. (In Russ.)

15. Kuyanova A. V., Yuritsin A. E. Police in the Russian Federation: concept and legal regulation of its activities // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2016. No. 4 (49). P. 70–75. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 19.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 21.03.2024.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.140.02:004.63(470)

Ранис Ришатович Абдраязпов
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, ranis_a2009@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты выявления и документирования цифровых следов в ходе расследования уголовных дел. Проанализированы особенности использования цифровых следов при расследовании уголовных дел, описаны проблемные моменты, которые необходимо учитывать при работе с ними. В частности, указаны сложности выявления, документирования цифровых следов, опасность утраты следов в результате их удаления, перемещения. Предложен алгоритм действий по документированию цифрового следа, проведен анализ уголовно-процессуального законодательства в части определения места цифрового документа в числе доказательств. Рассматривая различные точки зрения, автор приходит к выводу о необходимости дополнения ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации новым доказательством в виде цифрового документа.

Ключевые слова: преступление, уголовное дело, уголовный процесс, цифровые следы, цифровые доказательства, доказывание

Для цитирования: Абдраязпов Р. Р. Отдельные вопросы использования цифровых следов в доказывании по уголовным делам // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 34–40.

Original article

Ranis R. Abdrazyapov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, ranis_a2009@mail.ru

SEPARATE ISSUES OF THE USE OF DIGITAL TRACES IN PROVING CRIMINAL CASES

Abstract. The article discusses some aspects of the identification and documentation of digital traces during the investigation of criminal cases. The features of the use of digital traces in the investigation of criminal cases are analyzed, the problematic points that need to be taken into account when working with them are described. In particular, the difficulties of identifying and documenting digital traces, the danger of losing traces as a result of their removal and relocation are indicated. An algorithm of actions for documenting a digital trace is proposed, an analysis of criminal procedure legislation is carried out in terms of determining the place of a digital document among the evidence. Considering various points of view, the author comes to the conclusion that it is necessary to supplement Part 2 of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with new evidence in the form of a digital document.

Keywords: crime, criminal case, criminal procedure, digital traces, digital evidence, proof

For citation: Abdrazyapov R. R. Separate issues of the use of digital traces in proving criminal cases // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 34–40. (In Russ.)

Введение

Развитие современных технологий и техники, таких как дистанционное банков-

ское обслуживание, сотовая связь пятого поколения, широкополосный Интернет, смарт-

© Абдраязпов Р. Р., 2024

фоны, которые уже сейчас не уступают персональным компьютерам, с одной стороны, облегчают повседневную жизнь населения нашей страны, но с другой стороны, они же способствуют появлению новых видов и способов совершения преступлений, о которых еще около 10 лет назад ничего не было известно. В этой связи государство в лице законодательных и исполнительных органов, понимая важность, сложность и необходимость борьбы с преступлениями, совершаемыми дистанционным способом, вводит в действующее уголовное законодательство новые составы преступлений, разрабатывает методики их раскрытия, создает различного рода и вида специализированные учеты и базы данных [1, с. 39].

Немаловажной проблемой является то обстоятельство, что в результате подобных преступных действий населению причиняется колоссальный материальный ущерб, исчисляемый миллиардами рублей. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что преступность в данном направлении развивается намного быстрее, появляются все новые и новые способы хищений денежных средств, а государство в этом плане отстает и находится в позиции «догоняющего».

Тем не менее, преследуя цель консолидации, соединения всех усилий и возможностей по противодействию указанной категории преступлений, Министерство внутренних дел Российской Федерации в октябре 2022 г. в структуре центрального аппарата создало специализированное Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. Оно призвано реализовывать функции головного подразделения в области борьбы с преступлениями в указанной сфере, а также противодействия распространению противоправной информации в сети Интернет. Кроме того, начиная с 2019 г. в структуре Министерства внутренних дел на региональном уровне создаются аналогичные специализированные подразделения.

Стоит также отметить, что раскрытие указанного вида преступлений в свете проведения нашей страной специальной военной операции на территории Украины стало особенно актуальным и требует практически ежедневного контроля и внимания.

Так, если в конце февраля – начале марта 2022 г., после начала проведения Специальной военной операции, количество зарегистрированных преступлений, совершаемых дистанционным способом, снизилось, что объяснялось необходимостью некоторого периода времени для передислокации так называемых «колл-центров» (место, где находятся злоумышленники, занимающиеся обзвоном населения под видом сотрудников службы безопасности банков, правоохранительных и иных органов), которые в основном располагаются на территории Украины, то уже с середины апреля регистрация преступлений вернулась на прежний уровень. По таким составам преступлений, как мошенничество с использованием сети Интернет и средств мобильной связи на протяжении нескольких месяцев наблюдался хоть и незначительный, но стабильный рост [2, с. 228].

За 2022 г. на территории Республики Башкортостан зарегистрировано 13 329 преступлений рассматриваемой категории, что на 662 больше по сравнению с 2021 г., приостановлено 9 686 преступлений, окончено всего лишь 3 245. Для сравнения: всего на территории Республики Башкортостан за указанный выше период зарегистрировано 50 751 преступление¹; доля преступлений, совершаемых дистанционным способом, составляет 26,2 %, то есть фактически каждое 4 преступление.

Среди вопросов расследования хищений, совершаемых дистанционным способом, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел, наиболее актуальным является проблема раскрытия дистанционных хищений. Сложность раскрытия заключается в отсутствии прямого контакта потерпевшего с преступником, невозможности надлежащей идентификации пользователя, а также в срав-

¹ Данные информационного центра МВД по Республике Башкортостан.

нительно быстром переводе безналичных денежных средств на дальние расстояния, в том числе и за границу.

Несмотря на различие способов хищений, совершаемых дистанционно, механизм следообразования имеет свою общую специфику. В первую очередь он обусловлен действиями преступника по сокрытию своих следов в сети Интернет: замена адреса пользователя, применение возможностей сервиса подменных номеров с использованием SIP-телефонии и т. д. Технологии подменных номеров позволяют злоумышленнику звонить потерпевшему с любого абонентского номера, в том числе с общеизвестных номеров, которые закреплены за правоохранными, государственными, надзорными и иными контролирующими органами [3, с. 23]. В результате у потерпевшего создается впечатление добропорядочности звонящего.

В этой связи наибольшее значение для следователя приобретает выявление цифровых следов. В настоящее время они повсеместно используются в раскрытии и расследовании преступлений. Например, при расследовании преступлений, совершенных посредством сети Интернет, следователю необходимо выявить и изъять цифровые следы, оставленные преступником при совершении противоправного деяния. В настоящее время имеется возможность отслеживать действия пользователя в информационном пространстве, разрушая его предполагаемую скрытность и анонимность действий.

Возможность использования цифрового следа в доказывании по уголовным делам явилась темой исследования различных ученых-процессуалистов, таких как В. Ф. Васюков, Е. А. Семенов [4, с. 204], В. В. Поляков [5, с. 101], О. Г. Иванова, П. П. Недбайлов [6, с. 146], М. С. Смолин [7, с. 96] и др.

Методы

Методологическую базу исследования определяют такие общенаучные теоретические приемы (методы) исследования, как

обобщение, анализ, синтез и др. Материалами исследования являются нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и иные документы, посвященные тематике исследования, различные статистические данные, практика деятельности правоохранительных органов, а также иные материалы.

Результаты

Несмотря на очевидную востребованность в использовании цифровых следов, необходимо учитывать определенные аспекты:

Во-первых, особенностью подобных следов, находящихся в оперативной памяти устройства, на различных электронных носителях информации, а также в сети Интернет, является то, что они легко могут быть изменены, уничтожены либо распространены и иным образом трансформированы. В результате при выявлении цифровых следов следователь сталкивается с проблемой установления изначальной информации.

Однако любые уничтоженные либо измененные данные могут быть восстановлены. Это возможно в ходе производства судебных экспертиз.

Во-вторых, уголовно-процессуальный закон не содержит понятия «цифровой след». Вместе с тем, несмотря на отсутствие правовой регламентации, цифровые следы отражают событие совершенного преступления в информационной среде и имеют зачастую важное доказательственное значение.

Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу признаются «любые сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу обстоятельств, а также иных имеющих значение для уголовного дела обстоятельств»¹. Кроме того, уголовно-процессуальный закон содержит перечень доказательств, к числу которых относится категория «иные документы».

Несмотря на широкое использование в доказывании цифровой информации,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УПК РФ не дает ей определения. Указанный недостаток нормативного регулирования отрицательно сказывается на качестве деятельности органов предварительного расследования, которая по большей части является правоограничительной, а значит, не допускает вольной трактовки понятий, которые в той или иной степени затрагивают права и свободы участников уголовного процесса.

В этой связи представляется целесообразным предложение ряда ученых-процессуалистов, предлагающих дополнить УПК РФ таким понятием, как «цифровое доказательство» или «электронное доказательство» [8, с. 134].

Так, И. В. Чадаев и А. В. Извеков отмечают, что ст. 178 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации использует понятие «цифровые данные», имеются принятые стандарты, которые также апеллируют понятием «цифровые данные», однако уголовно-процессуальный закон такое понятие не использует. Вместе с тем авторы в своей работе констатируют, что цифровые данные подпадают под положения п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, которые по сути выполняют функцию собирания всех потенциальных доказательств, не подпадающих под конкретно регламентированные случаи свидетельских, экспертных и документальных доказательств [9, с. 184].

Практика свидетельствует и о том, что некоторые суды относят электронные носители информации к категории иных документов¹.

В связи с тем, что рассматриваемый вопрос однозначно не решен ни на законодательном уровне, ни в практике судов, ни в доктрине, то правоприменитель сам решает, к какому источнику доказательств относить цифровые следы. Для этого он оценивает полученную доказательственную информацию, определяет ее значение для расследования преступления.

Отсутствие законодательного определения понятия «цифровое доказательство» не позволяет единообразно и четко определить сущность рассматриваемого понятия, а также перечень объектов, относящихся к нему, что в конечном итоге затрудняет практику применения цифровых следов в доказывании по уголовным делам. По мнению Ю. В. Гаврилина, «следует сформулировать определение термина так, чтобы исключить на практике его произвольную интерпретацию и подмену. Добиться этого возможно не техническим описанием понятия, а указанием на значимую для дела составляющую таких источников доказательств» [10, с. 48]. Данное высказывание имеет свою практическую значимость, однако если речь идет о «цифровом доказательстве» и оно выделяется законодателем в отдельную категорию, то все же технические понятия должны учитываться при производстве процессуальных и следственных действий.

Проведя анализ информации по исследуемой тематике, считаем, что для использования в доказывании по уголовному делу цифровые следы должны обладать следующими основными признаками:

- значимость информации для расследования конкретного уголовного дела;
- достоверность источника, из которого получена информация (возможность проверки данного источника);
- доступность информации для восприятия участниками процесса (видеозапись, скриншот сайтов и т. д.);
- фиксация (изъятие) информации в строгом соответствии с уголовно-процессуальным порядком, закрепленным действующим законодательством [11, с. 288].

Споры среди ученых-процессуалистов вызывают вопрос о месте цифровых доказательств в системе доказательств по уголовным делам. Это связано с тем, что уголовно-процессуальный закон не относит

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2012 г. № 814-О // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 27.04.2023); Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2013 г. № 41-АПУ13-13сп // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/regular/doc>. (дата обращения: 05.10.2023).

их к какому-либо конкретному источнику доказательств из перечня, указанного в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. По мнению одних ученых, цифровые доказательства следует относить к иным документам, другие – признают их отдельным видом доказательств.

Считаем обоснованным мнения тех ученых-процессуалистов, которые предлагают выделить цифровые следы в отдельную категорию доказательств, дополнив таким образом ч. 2 ст. 74 УПК РФ еще одним пунктом.

Как отмечает в своей работе Е. А. Гамбарова, цифровые следы обладают специфическими свойствами, что не позволяет их отнести к доказательствам, которые исходят от материальных либо идеальных носителей. В этой связи цифровые следы представляют собой отдельный самостоятельный вид уголовно-процессуального доказательства [12, с. 16].

В-третьих, возникает необходимость выявления и фиксации цифровых следов, которые представлены в электронном виде и зачастую хранятся не в памяти установленного компьютера либо ином носителе информации, а на другом носителе, который может находиться не в юрисдикции Российской Федерации и доступ к нему может отсутствовать [13, с. 148–153].

В настоящее время не существует единой практики фиксации информации, представленной в электронном виде, в материалах уголовного дела [14, с. 3]. Здесь стоит предложить следующий порядок действий: 1) проведение осмотра, например, страницы в сети Интернет посредством проверки предметов, где на компьютере выводится необходимая страница; 2) к протоколу прилагаются электронные носители информации, на которые скопирована интересующая информация с других источников, либо

фиксация посредством скрин-копий страниц Интернета, видео и фотосъемки; 3) приобщение к материалам дела иных документов, полученных от операторов сотовых компаний, интернет-провайдеров.

В-четвертых, для надлежащего выявления, фиксации и изъятия цифровых следов обязательным является привлечение соответствующего специалиста, область познаний которого должна быть достаточно широка: в сфере компьютерных устройств и программирования, в области сетевого взаимодействия и эксплуатации сетевой инфраструктуры и т. п. Либо следует привлекать нескольких специалистов с углубленными познаниями в определенных областях компьютерно-информационных технологий [15, с. 182]. В этой связи следователю также необходимо обладать познаниями о работе компьютерных устройств, возможностях программирования, модификации и копировании информации.

Заключение

В заключение отметим, что цифровые следы повсеместно выявляются и изымаются в ходе расследования уголовных дел, совершенных в информационной среде, благодаря чему формируются цифровые или электронные доказательства. Складывающаяся практика использования в доказывании цифровых следов указывает на необходимость процессуальной регламентации данного процесса, так как отсутствие понятийного аппарата и установленного порядка их документирования негативно сказывается на правильности оценки правоприменителем выявленных данных. В этой связи представляется целесообразным проведение научно-исследовательских работ по указанной тематике с целью устранения пробела в уголовно-процессуальном законе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Койнов М. Ю. Развитие и внедрение современных информационно-телекоммуникационных технологий и систем в повседневную деятельность органов внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2018. № 2 (11). С. 38–43.
2. Ройтберг Л. А. Телефонное мошенничество: актуальность проблемы // Право и правопорядок в фокусе научных исследований : сборник научных трудов. Выпуск 4. Хабаровск : Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2023. С. 226–230.

3. Давыдов В. О., Тишутина И. В. Цифровые следы в расследовании дистанционного мошенничества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. С. 20–27.
4. Васюков В. Ф., Семенов Е. А. Некоторые проблемы получения и использования цифровой информации при расследовании уголовных дел // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 203–210.
5. Поляков В. В. Анализ судебной практики алтайского края по преступлениям в сфере компьютерной информации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 10. № 1. С. 99–103.
6. Иванова О. Г., Недбайлов П. П. Цифровая информация и ее место в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 144–149.
7. Смолин М. С. Аспекты собирания и использования в доказывании цифровых следов // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий : материалы международной научно-практической конференции. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 96–100.
8. Маслов А. В. К вопросу о статусе цифровых доказательств и электронной информации в уголовном процессе // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 8 (134).
9. Чаднова И. В., Извеков А. В. Цифровые следы как доказательство в уголовном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / научные редакторы: О. И. Андреева, Т. В. Трубникова; отв. секретарь И. В. Чаднова. Томск, 2019. С. 181–188.
10. Гаврилин Ю. В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (44). С. 45–50.
11. Орлова А. А. Место электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). С. 287–289.
12. Гамбарова Е. А. Изъятие цифровых следов из сети интернет и использование их в доказывании: уголовно-процессуальные аспекты // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (54). С.13–19.
13. Демин К. Е., Васильев А. А. Криминалистические аспекты получения доказательственной информации с электронных носителей данных // Публичное и частное право. 2011. № 3(11). С. 147–161.
14. Долженко Н. И., Черкасова А. П. Цифровые следы в криминалистике: понятие и значение в расследовании преступлений, особенности обнаружения, изъятия и фиксации // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. № 2-4. С. 249–255.
15. Семикаленова А. И., Рядовский И. А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 178–184.

REFERENCES

1. Koinov M. Yu. Development and implementation of modern information and telecommunication technologies and systems in the daily activities of internal affairs bodies // Bulletin of Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (11). P. 38–43. (In Russ.)
2. Roytberg L. A. Telephone fraud: relevance of the problem // Law and order in the focus of scientific research : collection of scientific papers. Issue 4. Khabarovsk : Far Eastern State Transport University, 2023. P. 226–230. (In Russ.)
3. Davydov V. O., Tishutina I. V. Digital traces in the investigation of remote fraud // News of Tula State University. Economic and legal sciences. 2020. No. 3. P. 20–27. (In Russ.)
4. Vasyukov V. F., Semenov E. A. Some problems of obtaining and using digital information in the investigation of criminal cases // News of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. No. 3-2. P. 203–210. (In Russ.)
5. Polyakov V. V. Analysis of judicial practice of the Altai region on crimes in the field of computer information // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 99–103. (In Russ.)
6. Ivanova O. G., Nedbailov P. P. Digital information and its place in criminal procedural evidence // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (47). P. 144–149. (In Russ.)

7. Smolin M. S. Aspects of collection and use in proving digital traces // Combating cybercrimes and crimes in the field of high technologies: Proceedings of the international scientific and practical conference. M. : Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022. P. 96–100. (In Russ.)
8. Maslov A. V. On the issue of the status of digital evidence and electronic information in criminal proceedings // International scientific research journal. 2023. No. 8 (134). (In Russ.)
9. Chadnova I. V., Izvekov A. V. Digital traces as evidence in criminal proceedings // Legal problems of strengthening Russian statehood : collection of articles / Scientific editors: O. I. Andreeva, T. V. Trubnikova. Exec. Secretary I. V. Chadnova. Tomsk, 2019. P. 181–188. (In Russ.)
10. Gavrilin Yu. V. Electronic media in criminal proceedings // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (44). P. 45–50. (In Russ.)
11. Orlova A. A. The place of electronic storage media in the system of evidence in criminal cases // Young scientist. 2017. No. 15 (149). P. 287–289. (In Russ.)
12. Gambarova E. A. Removal of digital traces from the Internet and their use in proof: criminal procedural aspects // Vector of science of Togliatti State University. Series: Legal sciences. 2023. No. 3 (54). P. 13–19. (In Russ.)
13. Demin K. E., Vasiliev A. A. Forensic aspects of obtaining evidentiary information from electronic data carriers // Public and private law. 2011. No. 3 (11). P. 147–161. (In Russ.)
14. Dolzhenko N. I., Cherkasova A. P. Digital traces in forensics: concept and significance in the investigation of crimes, features of detection, seizure and recording // Scientific almanac of the Central Chernozem Region. 2022. No. 2-4. P. 249–255. (In Russ.)
15. Semikalenova A. I., Ryadovsky I. A. The use of special knowledge in detecting and recording digital traces: analysis of modern practice // Current problems of Russian law. 2019. No. 6 (103). P. 178–184. (In Russ.)

Информация об авторе:

Абдраязпов Р. Р. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Abdrazyapov R. R. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья
УДК 343.6(470+100)

Анастасия Валерьевна Алёшина
Воронежский институт МВД России, Воро-
неж, Россия, *aleshinaav02@yandex.ru*

О ПОНЯТИИ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В настоящее время преследование (сталкинг) является одним из самых быстрорастущих видов преступной деятельности, который не предусмотрен российским уголовным законом. Автор предпринимает попытку определить это явление и обосновать необходимость его криминализации.

Ключевые слова: преследование, сталкинг, сталкер, запрещенное деяние, жертва, уголовная ответственность, предупреждение, криминализация

Для цитирования: Алёшина А. В. О понятии преследования в российском законодательстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 41–48.

Original article

Anastasia V. Aleshina
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Voronezh, Russia, *aleshinaav02@yandex.ru*

ON THE CONCEPT OF PERSECUTION IN RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. Currently, persecution (stalking) is one of the fastest growing types of criminal activity that is not provided for by Russian criminal law. The author attempts to define this phenomenon and justify the need for its criminalization.

Keywords: persecution, stalking, stalker, prohibited act, victim, criminal liability, prevention, criminalization

For citation: Aleshina A. V. On the concept of persecution in Russian legislation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 41–48. (In Russ.)

Введение

Преступления против личности являются главным направлением уголовно-правовой политики России. Посягательства, направленные на жизнь и здоровье человека, традиционно регламентированы Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, что, однако, не исключает наличия актуальных вопросов применения данных норм, особенно в части воздействия на психическое здоровье человека. Отечественное законодательство страны четко описывает такие формы преступного насилия, как изнасилование, причинение вреда здоровью, лишение жизни и т. п., тем самым подразумевая физическое воздействие на человека.

Однако в Уголовном кодексе Российской Федерации насчитывается около 50 составов преступлений, отличительной особенностью которых является психическая угроза. Развитие информационной среды и технологический прогресс привели к общедоступности средств связи, сети Интернет, и таким образом появились новые доступные и опасные формы свободного и анонимного оказания давления на личность, реальный потенциал которых не в полной мере исследован наукой и регламентирован правом. Поведение, основанное на психологическом механизме агрессии и насилия, обусловлено разрушением традиций, ценностей и жизненных установок, которые воспринима-

ются социумом как условия, при которых можно выжить путем удовлетворения потребностей и решения своих проблем. Ведь цель любого насилия – это подавление потерпевшего, активное воздействие на психику и склонение к действиям, выгодным для насильника.

В момент, когда насильственные формы поведения воздействуют на психологическую сферу, и появляется новый вид давления на человека, который называют преследованием.

Авторы, уделившие внимание проблеме stalking (преследования), определяют это явление как сравнительно новое и требующее детального обсуждения, так как бездействие нашего законодательства в части отражения психического насилия и угрозы снижает его эффективность в плане борьбы с таким явлением, как преследование.

В современном уголовном законодательстве Российской Федерации не предусмотрено статьи за преследование. Подобное определение не закреплено в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и, соответственно, не трактуется как конкретное преступное деяние. Однако специалистам других областей знаний, а именно социологии, психологии, психиатрии термин «преследование» хорошо известен. Преследование как социальный феномен является предметом бурных обсуждений в научных кругах, поскольку сущность преследования в достаточной степени не изучена и находится на начальной стадии исследования. Специалистов волнует, что именно побуждает к преследованию, к слежке за жертвой, к вторжению в чужое личное пространство, к наведению смуты и беспорядка в личной жизни преследуемого. Жертвы преследователя сталкиваются с насилием психологическим, физическим, а иногда и сексуальным, что, безусловно, демонстрирует и общественную опасность преследования.

Сущность преследования определяется признаками, которые поверхностно определяют насилие в целом, но ввиду того, что единая дефиниция определения преследования отсутствует, это понятие возможно

установить через объективные и субъективные характеристики, поэтому первоначально выясним, что представляет собой термин «преследование».

Словарь определяет глагол «преследовать», давая ряд значений, происходящих от первоначального термина – «неотступно следовать или гнаться за кем-нибудь, имея цель захвата или нанесения вреда». К нему относятся значения: 1) гонения, притеснения (насмехаться над кем-то); донимать (мучить, имея ввиду чувства); 2) в официальной трактовке – «предавать суду», «подвергать суду». В толковом словаре Д. Н. Ушакова дано следующее значение глагола «преследовать» – «добиваться осуществления чего-нибудь», «стремиться к удовлетворению чего-нибудь».

В законодательстве зарубежных стран данное явление называется stalking. Сам термин «stalking» – «преследование» происходит от английского «to stalk», что дословно определяется как: ходить определенным образом, осматривательно и крадучись. Термин тесно связан с охотой и определяется как «выслеживание кого-либо» [1, с. 278–281], применяясь в отношении лиц, занимающихся охотой, бродяг и браконьеров; дословно означал «донимать» и «следовать». Средства массовой информации США в XX веке stalkерами стали называть лиц, которые настойчиво преследовали знаменитостей. Также в работе французского психиатра Гаэтан Гасьен де Клэрамбо в 1921 г. было упоминание понятия «stalking» в работе «Любовный психоз», которое употреблялось как тяжелое состояние, которое переживает человек под действием неудачных отношений [2]. Впоследствии stalking стали понимать как цикл поведения, направленный на определение человека, который включает в себя ряд запугиваний, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, и может привести к летальному исходу преследуемого [3, с. 46–59]. Таким образом, stalking обрел свое современное содержание – настойчивое проявление навязчивого внимания к человеку, способное повлечь психическое

расстройство и (или) физические травмы или иной вред здоровью потерпевшего.

Преследование (сталкинг) подразделяется на две фазы: активную и пассивную. Активная фаза проявляется в том, что преследователь относительно жертвы совершает открытые действия (высказывание угроз, проникновение в жилище и др.). Пассивная фаза реализуется в том, что действия преследователя латентны, так называемая «выжидательная фаза» (изучение, наблюдение и др.).

В основе преследования (сталкинга) могут лежать навязчивые идеи stalkера, которые затрагивают его любовные переживания, оттеняют его интимные отношения либо имеют корыстную мотивацию. Фактическое проявление преследования может выражаться в навязчивых (непрекращающихся) письмах (отправлениях) своей жертве, причем в любой форме – как рукописных сообщений (писем), так и электронных сообщений (СМС-, ММС-сообщений, электронных писем, в том числе и непристойного содержания, например, фотографии половых органов, так называемые «дикпикки»), в угрозах различного характера, в «подкарауливании у подъезда» дома, офиса и др. Подобная «гиперопека» со стороны stalkера, его навязчивое тотальное внимание и попытки контролировать жертву порождают у последней, как представляется, не самые лучшие ощущения и переживания. Сталкинг предполагает контроль над другим человеком, когда жертва не может противостоять преследователю, не может дать ему отпор, будучи деморализованной страхом, в котором и состоит цель преследователя.

Психологами были выделены основные черты, присущие преследователям: наличие психических заболеваний, низкая самооценка, нарциссизм, травмы из детства, неконтролируемое импульсивное поведение.

Часто преследование (сталкинг) является предварительным этапом совершения другого, более тяжкого преступления, например, причинения вреда здоровью различной степени тяжести, изнасилования или убийства. Одним из самых известных примеров

преследования, впоследствии переросшего в причинение тяжкого вреда здоровью, стала страшная трагедия, произошедшая более 20 лет назад в г. Сочи. 17-летняя Элеонора Кондратюк была облита серной кислотой 2 сентября 1999 г. по приказу местного криминального авторитета Рубена Григоряна. Неприятие Элеонорой «ухаживаний» Рубена в виде навязчивых знаков внимания и ее «нежелание» оценить их послужили для отвергнутого преследователя толчком для совершения тяжкого преступления [4].

Зарубежный законодатель гораздо раньше столкнулся с подобным явлением и среагировал на него. Так, например, законодательными органами США в 1990 г. было сформулировано определение преследования как противоправного, социально опасного явления, согласно которому оно представляет собой регулярно повторяющееся причинение беспокойства третьему лицу, сознательно совершаемое при наличии злого умысла [5]. Уголовный кодекс Германии использует понятие «сталкинг» как синоним словосочетанию «психологический террор». От других видов преступных посягательств преследование отличает то, что преследователь против воли проявляет навязчивое поведение к человеку, который не хочет проявления данного отношения к себе. Зарубежным законодательством после 2007 г. было принято решение ввести в уголовный кодекс ответственность за сталкинг в таких странах, как Германия, Польша, США и др. В 2010 г. закон о сталкинге был принят в Шотландии. В течение двух лет действия этого закона за преследования были осуждены 443 лица, в то время как до появления закона за аналогичное деяния были осуждены лишь 70 человек, что, безусловно, свидетельствует об эффективности данных мер уголовно-правового регулирования.

Одним из примеров уголовной ответственности за сталкинг является гл. 25 раздела 7а Уголовного кодекса Финляндии, в которой указано, что «человек, который постоянно угрожает, наблюдает, контактирует или иным сопоставимым образом необоснованно преследует человека так, что это

ведет к развитию страха или беспокойства у преследуемого человека, наказывается за преследование штрафом или лишением свободы на срок до двух лет» [6].

Уголовный кодекс штата Новый Южный Уэльс (Австралия) определяет stalking как следование за лицом, приближение и частое посещение места жительства или работы (т. е. тех мест, которые преследуемый человек чаще всего посещает), предоставляющее преследователю возможность приблизиться к своей жертве, используя средства информационных технологий и другие средства связи.

Штат Делавэр США определил stalking как поведение, которое направлено против конкретного лица, в том случае, когда жертве может быть нанесен физический вред, она страдает от психических расстройств, которые могут привести к медицинскому вмешательству. Поведение в данном случае означает неоднократное преследование – действия (три и более раза) в прямом смысле или при помощи третьих лиц, которые ставят под угрозу повседневную жизнь человека (контроль, наблюдение, угрозы и др.).

Зарубежные ученые, представители социально-гуманитарных наук под stalking понимают, с одной стороны, специфическую разновидность преследования, выражающуюся в одержимом и повторяющемся поведении, которое включает в себя регулярное домогательство другого лица, чувствующего сильнейшее беспокойство, которое значительно понижает качество его жизни [7]. С другой стороны, на их взгляд, категория stalking определяется как предпринятие неоднократных стимулов, которые направлены на следующие цели: поиск контакта и его установление с лицом, которое этого не желает (например, систематические подкарауливания жертвы около подъезда его жилого дома) [8]. Существует еще одно мнение, согласно которому stalking является одной или несколькими моделями поведения, характеризующимися многообразными, навязчивыми, повторяющимися действиями в отношении конкретного лица, преследующими цель спровоцировать страх

и подавленное эмоциональное состояние у жертвы [9].

Методы

В данной статье использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования: анализ и синтез, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический. Методы анализа и синтеза изучения ситуаций, связанных с предупреждением преследования, а также об общественно опасных формах преследования как феномена. Формально-юридический метод применялся для квалификации и разграничения преследования в части правонарушений и преступлений. С помощью сравнительно-правового метода рассмотрены зарубежные подходы криминализации преследования (stalking) и правоприменительные проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой преследования в Российской Федерации. Системный метод использовался для исследования преступных проявлений преследования как разновидности психического насилия.

Результаты и обсуждение

В 2019 г. в США было проведено Национальное обследование виктимизации преступности, где был представлен отчет, в котором были отражены сведения о лицах, достигших 16-летнего возраста и старше, подвергавшихся преследованию в 2019 г., а также характеристики, относящиеся к виктимизации при преследовании. Это касалось взаимоотношений жертвы и правонарушителя, количества обращений жертвы в правоохранительные органы, действий при самообороне, демографическая характеристика жертвы и иных факторов. Данные исследования по виктимизации позволили оценить количественно лиц, подвергавшихся преследованию: 1) 3,4 млн граждан стали жертвами преследователя в 2019 г. (около 1,3 %); 2) меньше трети обследованных лиц – жертв – обратились в правоохранительные органы с соответствующим заявлением о фактах преследования (29 %); 3) женский пол (1,8 %) в 2 раза чаще подвергается преследованию, чем мужской пол (0,8 %); 4) 67 % жертв преследования опасались за свою жизнь и причинение физического вреда здоровью [10].

Обобщая эти и иные понятия, можно сказать, что преследование (сталкинг) характеризуется серией действий, которые совершаются в течение определенного времени и не всегда прямо связаны с физическим или психологическим насилием со стороны партнера. Это может быть общение, которое уже само по себе причиняет дискомфорт. К примеру, преподавателя может stalkерить ученик, желающий получить оценку выше той, которую заслужил, донимая навязчивыми звонками; женщину stalkерит бывшая подруга путем вмешательства и собирания информации о личной жизни. Даже работодатель, сильно заинтересованный в определенном специалисте, может стать stalkером, если верить сайту вакансий о работе «Headhunter».

В УК РФ все еще отсутствует самостоятельный состав уголовно наказуемого преследования. Телефонные звонки, слежка и запугивание жертвы – факторы, которые предполагают преследование, будут иметь правовые последствия в том случае, когда происходила угроза убийством или совершались попытки понуждения к действиям сексуального характера, в силу чего преследователь привлекался к ответственности по ст.ст. 119, 133 УК РФ. Однако преследование может быть и без подобных явных угроз, что подтверждается неоднократными случаями из практики, и психологическое насилие законодателем в данном случае предусмотрено не было.

Представляется очевидным, что данные проблемы в уголовном законодательстве России являются существенным недочетом в правовом поле, и лица, совершающие подобные деяния, с большой степенью вероятности повторят их снова, а также создают почву для совершения более серьезных преступлений. Поэтому необходимым представляется рассмотрение перспектив криминализации преследования.

10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций была принята Всеобщая декларация прав человека, в соответствии с положениями которой каждый человек имеет право на

жизнь, свободу и личную неприкосновенность (ст. 3), никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции, честь и репутацию (ст. 12), при осуществлении своих прав и свобод человеку необходимо подвергаться ограничениям, установленным законом (ст. 29) [11].

Уголовный закон Российской Федерации предусматривает ответственность за «Нарушение неприкосновенности частной жизни» (ст. 137 УК РФ). В этой норме речь идет только о собирании виновным лицом информации, относящейся к категории личной или семейной тайны. Преследование обычно и начинается со сбора информации о своей жертве. Никто, кроме самого человека, не имеет права собирать, хранить, использовать или распространять сведения о его частной жизни, так как эта информация является конфиденциальной [12].

В российской теории права частная жизнь понимается как сфера частного общения, к примеру, с адвокатами, нотариусами, врачами, священниками, а также внутренний мир человека (его домашние привычки, досуг, убеждения и др.), семейные традиции и религия [10, с. 15–27] и те грани личной жизни лица, о которых он никому не хочет сообщать. Это своеобразный суверенитет личности, означающий неприкосновенность ее среды обитания [11, с. 318–321]. Тем самым все сферы человеческой жизни (физическая, духовная, религиозная и др.) являются частной жизнью лица и не подлежат огласке (исключение – нарушение закона самим человеком или членом его семьи).

Думается, что действия, направленные на сбор информации, могут предшествовать осуществлению преследования (сталкинга), совершению новых преступлений, посягающих на жизнь и здоровье. Считаем, что социальные сети, мессенджеры и другие современные средства связи очень помогают stalkеру осуществлять наблюдение и сбор информации за человеком и тем самым

нарушать личные границы. В информационном пространстве постоянно появляются новости о том, что были похищены чьи-то персональные данные. Одно из громких таких событий – кража клиентской базы пользователей интернет-приложения «Яндекс.Еда» в марте 2022 г. С такой базой стalker без труда установит местоположение своей жертвы и осуществит задуманное.

В 2017 г. Анной Акатовой в сети Интернет (change.org) была создана петиция, адресованная в Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации с просьбой ввести уголовную ответственность за сталкинг. На момент подготовки автором статьи петицию подписали 78 296 человек. Анна не понаслышке знает, что такое «сталкинг», она подвергается преследованию со стороны бывшего мужа, который донимает ее лично, близких и родственников звонками с разных номеров, подкарауливает у дома, угрожает и оскорбляет в различных формах как лично, так и в социальных сетях, создает аварийные ситуации на личном автотранспорте в процессе преследования экс-супруги и др. Результатом регулярных обращений Анны в полицию являются лишь отписки, носящие формальный характер, реально привлечь бывшего мужа-преследователя возможно лишь по ст. 128.1 (в случае распространения ложной информации о потерпевшем); ст. 119 (угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью); ст. 137 (незаконный сбор и распространение сведений о частной жизни лица); ст. 138 (нарушение тайны переписки и переговоров по телефону, хищение переписки, прослушивание телефонных переговоров и т. д.). Тем самым

правоохранительные органы ввиду отсутствия уголовно-правового регулирования не могут должным образом среагировать на подобное поведение. Анна пребывает в состоянии психотравмирующей ситуации, опасается за свою жизнь и здоровье близких ей людей, боится выходить из дома и передвигаться по улицам, отвечать на телефонные звонки с неизвестных номеров. В настоящий момент петиция находится на этапе общественной инициативы и не имеет поддержки со стороны государства [13, с. 15–27].

Заключение

Игнорирование пробелов уголовно-правового регулирования преследования (сталкинга) в век развития цифровых технологий недопустимо. В зарубежных странах сталкинг давно признан поведением, за которое предусмотрена уголовная ответственность. Поэтому оценка ситуации в России и за рубежом позволяет полагать, что факт существования преследования (сталкинга), по мнению специалистов – как теоретиков, так и практиков – остается неоспоримым и данное явление необходимо криминализовать. Имеющиеся трудности в квалификации указанного деяния, относительно ст. 137 УК РФ, не будут иметь практического значения, поскольку цель преследователя – оказать морально-психологическое давление на жертву, фактически не предпринимая никаких действий. Существующие в УК РФ нормы не позволяют защитить жертв от преследований, в связи с чем представляется необходимым криминализовать преследование как самостоятельный состав преступления в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сторублёнкова Е. Г., Самуткин В. Л. Сталкинг: синдром навязчивого преследования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 278–281.
2. Литвинова А. С. О внесении в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи, предусматривающей ответственность за «сталкинг» // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ : материалы XV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Барнаул : Типография управления делами Администрации Алтайского края, 2022. С. 210–212.

3. Голонка А. Упорное преследование как новый тип запрещенного деяния // Уголовное право и современность : сборник статей. Вып. 4. Том 2. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа Экономики» : Издательство «Юрист», 2012. С. 46–59.
4. Юрченко И. А. Сталкер как субъект уголовной ответственности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). С. 53–61.
5. Рыжова О. А., Корнишина Ю. С. Об ответственности за stalking в Российской Федерации и в зарубежных странах // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. № 4.
6. Зебницкая А. К. Stalking (преследование): перспективы регулирования в правовом поле Российской Федерации // Адвокатская практика. 2020. № 3. С. 50–54.
7. Мюллен П. Организация помощи сталкерам // Обзор современной психиатрии. 2003. № 18. 102 с.
8. Meloy J. R. The psychology of stalking. San Diego. California. Academy press, 1998.
9. Mullen Paul E., M.B.B.S., D.Sc., F.R.C.Psych., Michele Pathe, M.B.B.S., F.R.A.N.Z.C.P., Rosemary Purcell, B.A., M. Psych., and Geoffrey W. Stuart, B.A., B.Sc.(Hons.), Ph.D. Study of Stalkers. American Psychiatric Association 1999. Reprinted by permission. // Обзор современной психиатрии. 2001. No. 9.
10. Шутова Ю. А. Основания криминализации некоторых современных форм психического насилия (на материалах конкретного социологического исследования) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 138–142.
11. Бучина А. Е., Клемин А. А. Уголовно-правовая регламентация «сталкинга» в России // Актуальные вопросы современной науки. Юридические и общественные науки. Актуальные проблемы современной науки : сборник статей Международных научно-практических конференций. Томск : ИП Шелистов Денис Александрович (Издательский центр «Quantum»). 2022. С. 53–62.
12. Барышева К. А. Уголовно-правовая защита частной жизни в России и за рубежом // Закон. 2017. № 12. С. 151–162.
13. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке // Гражданин и право. 2016. № 4. С. 15–27.
14. Баглай М. В., Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» 9-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2011. – 767 с.
15. Филиппова В. С. Stalking: причины, общественная опасность и необходимость его предупреждения // Государство и право : материалы 59-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2021. С. 375–376.

REFERENCES

1. Storublenkova E. G., Samutkin V. L. Stalking: obsessive harassment syndrome // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 6. P. 278–281. (In Russ.)
2. Litvinova A. S. On the introduction of an article in the Criminal Code of the Russian Federation providing for liability for “stalking” // Russia in the XXI century: strategy and tactics of socio-economic, political and legal reforms : materials of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists. Barnaul: Printing House of the Department of Affairs of the Administration of the Altai Territory, 2022. P. 210–212. (In Russ.)
3. Golonka A. Persistent persecution as a new type of prohibited act // Criminal law and modernity. Collection of articles. Issue 4. Volume 2. M. : National Research University Higher School of Economics: Yurist Publishing House, 2012. P. 46–59. (In Russ.)
4. Yurchenko I. A. Stalker as a subject of criminal responsibility // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2018. № 12 (52). P. 53–61. (In Russ.)
5. Ryzhova O. A., Kornishina Y. S. On responsibility for stalking in the Russian Federation and in foreign countries. Electronic scientific journal «Science. Society. The state». 2018. Vol. 6. No. 4. (In Russ.)
6. Zebnitskaya A. K. Stalking (stalking): prospects of regulation in the legal field of the Russian Federation // Law practice. 2020. No. 3. P. 50–54. (In Russ.)
7. Mullen P. Organization of assistance to stalkers // Review of modern psychiatry. 2003. No. 18. 102 p. (In Russ.)

8. Meloy J. R. The psychology of stalking. San Diego. California. Academy press, 1998.
9. Mullen Paul E., M.B.B.S., D.Sc., F.R.C.Psych., Michele Pathe, M.B.B.S., F.R.A.N.Z.C.P., Rosemary Purcell, B.A., M. Psych., and Geoffrey W. Stuart, B.A., B.Sc.(Hons.), Ph.D. Study of Stalkers. American Psychiatric Association 1999.Reprinted by permission.// Review of modern psychiatry. 2001. No. 9.
10. Shutova Yu. A. Grounds for criminalization of some modern forms of mental violence (based on the materials of a specific sociological study) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3 (95). P. 138–142. (In Russ.)
11. Buchina A. E., Klemin A. A. Criminal law regulation of «stalking» in Russia // Actual issues of modern science. Legal and social sciences. Actual problems of modern science : collection of articles of International scientific and practical conferences. Tomsk : IP Shelistov Denis Alexandrovich (Quantum Publishing Center), 2022. P. 53–62. (In Russ.)
12. Barysheva K. A. Criminal and legal protection of private life in Russia and abroad // Law. 2017. No. 12. P. 151–162. (In Russ.)
13. Romanovsky G. B. The right to privacy in constitutions, law and legal science // Citizen and Law. 2016. No. 4. P. 15–27. (In Russ.)
14. Baglay M. V., Baglay M. V. Constitutional law of the Russian Federation : textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty «Jurisprudence». 9th ed., ed. and add. M. : Norma, 2011. 767 p. (In Russ.)
15. Filippova V. S. Stalking: causes, public danger and the need to prevent it // State and law : materials of the 59th International Scientific Student Conference. Novosibirsk : Novosibirsk National Research State University, 2021. P. 375–376. (In Russ.)

Информация об авторе:

Алёшина А. В. – адъюнкт.

Information about the author:

Aleshina A. V. – adjunct.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 21.03.2024.

Научно-теоретическая статья
УДК 343.71:343.234.4(470)

Павел Александрович Кабанов¹, Дмитрий Альбертович Исмаилов²

^{1, 2} Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

¹ baklushina05@rambler.ru

² ismaskoldism@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУТА МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИИ

Аннотация. В данной статье авторы исследуют понятие и историческое развитие института малозначительности в период советской власти. Рассматриваются отдельные варианты определения данного института с точки зрения доктринального подхода, анализируются его становление на протяжении длительного времени. Авторы считают целесообразным и обоснованным применение термина «малозначительность» по делам, предусматривающим ответственность за нарушение прав собственности. По их мнению, институт малозначительности, несмотря на историю своего развития и становления, играет важную роль в достижении баланса между привлечением к уголовной ответственности за хищение имущества и учетом незначительных нарушений, не требующих строгого наказания. Настоящее исследование представляет собой значительный вклад в область уголовного права и может стать полезным для специалистов, занимающихся рассмотрением дел о хищении. Авторами обосновывается необходимость его адаптации к современным реалиям и социальным потребностям с целью последующего обеспечения справедливости и эффективного функционирования российской правовой системы.

Ключевые слова: малозначительность деяния, хищение в уголовном праве, малозначительность хищения, институт малозначительности, ретроспектива малозначительности, история малозначительности, понятие малозначительности, малозначительность уголовного права

Для цитирования: Исмаилов Д. А., Кабанов П. А. К вопросу о понятии, историческом развитии и становлении института малозначительности деяния по делам о хищении // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 49–55.

Original article

Pavel A. Kabanov¹, Dmitry A. Ismailov²

^{1, 2} Togliatti State University, Togliatti, Russia

¹ baklushina05@rambler.ru

² ismaskoldism@yandex.ru

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT, HISTORICAL DEVELOPMENT AND FORMATION OF THE INSTITUTION OF INSIGNIFICANCE OF THE ACT IN CASES OF EMBEZZLEMENT

Abstract. In the conducted scientific research, the authors explore the concept and historical development of the institution of insignificance during the Soviet period. Separate variants of the definition of this institution are considered from the point of view of the doctrinal approach, and its formation has been analyzed for a long time. In addition, to the term ‘insignificance’, the authors consider it appropriate and justified to use it in cases involving liability for violation of property. In conclusion, the authors believe that the institution of insignificance, despite the history of its development and formation, plays an important role in achieving a balance between criminal prosecution for theft of property and taking into account minor violations that do not require strict punishment. This study represents a significant contribution to the field of criminal law and may

© Кабанов П. А., Исмаилов Д. А., 2024

be useful for specialists involved in the consideration of cases of embezzlement. The authors substantiate the need for its adaptation to modern realities and social needs, in order to further ensure the fairness and effective functioning of the Russian legal system.

Keywords: insignificance of an act, theft in criminal law, insignificance of theft, institution of insignificance, retrospective of insignificance, history of insignificance, concept of insignificance, insignificance of criminal law

For citation: Ismailov D. A., Kabanov P. A. On the question of the concept, historical development and formation of the institution of insignificance of the act in cases of embezzlement // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 49–55. (In Russ.)

Введение

Квалификация преступлений является одним из ключевых аспектов уголовного правосудия, поскольку определяет характер и меру ответственности лица, совершившего противоправные действия. Однако в последние годы наблюдается актуальная проблема малозначительности квалификации преступлений, которая может оказывать негативное влияние на эффективность борьбы с преступностью и общий уровень безопасности общества.

В теории и практике уголовного права возникают проблемы с квалификацией малозначительности деяния и хищения. Одной из основных причин таких проблем является отсутствие четкой регламентации понятия «малозначительность деяния» в российском законодательстве, несмотря на то, что данное понятие формально упоминается в ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Понятие «малозначительность деяния» предполагает, что деяние является незначительным с точки зрения общественной опасности и не требует применения уголовной ответственности в полном объеме. Однако законодатель не конкретизирует критерии и условия, по которым возможно признание деяния малозначительным.

Методы

Методологическую основу проведенного научного исследования составили следующие элементы: разработка проблемы и постановка цели исследования, в частности, определение и формулировка основной проблемы, связанной с интерпретацией малозначительности деяния по делам о хищении; изучение изменений в понятии и

развитии института малозначительности по делам о хищении в исторической ретроспективе. Особое место среди всех методов занимает сравнительный и исторический анализ, выражающийся в изучении ранее подготовленного научного материала по данной теме, обобщение существующих подходов, выявление потенциальных источников для исследования.

Результаты

Н. Н. Щавелева и Т. В. Круглова справедливо отмечают, что термин «хищение» и его использование в юриспруденции не возникли самым непосредственным образом, а стали частью правовой терминологии после длительного исторического развития [1, с. 127]. Действительно, история права изобилует различными институтами и понятиями, которые с течением времени развивались и изменяли свою суть. Одним из таких институтов, важность и значение которого были долгое время недооценены, является институт малозначительности деяния в делах о хищении. Этот институт имеет давние истоки и связан с развитием социальных отношений и норм права в обществе. Становление рассматриваемого института в российском законодательстве прошло несколько этапов.

Изначально институт малозначительности деяния возник в средневековой Европе в связи с проблемой хищения имущества. В то время кража была строго наказуемым преступлением. Однако обычно суды и власти оказывались занятыми более серьезными правонарушениями и не имели возможности эффективно бороться с каждым случаем кражи. Поэтому был разработан принцип малозначительности деяния, который

предусматривал более мягкое наказание или даже его отсутствие в случаях, когда ущерб был незначительным [2, с. 155].

Первые упоминания о такой концепции относятся к древним временам. В доктринальном аспекте разговор о малозначительности преступления велся вплоть до классической криминологии, однако тогда этот институт был в тени других вопросов, таких как уголовная ответственность и наказание. С развитием уголовного права и общества в целом институт малозначительности деяния приобретает все большую актуальность. Концепция малозначительности деяния была отмечена в правовых источниках различных стран уже с середины XIX в. [3, с. 330–331].

Однако развитие института малозначительности деяния по делам о хищении в российском праве принято относить к периоду становления советской власти. Так, в первые годы Советской России, с 1917 по 1921 г., был принят ряд декретов, направленных на борьбу с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям. Однако этот период был скорее этапом научной разработки понятия «хищение» [4, с. 264]. Первое законодательное закрепление формы хищения произошло в 1922 г. с принятием Указа Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям»¹. В этом Указе были указаны такие формы хищения, как кража, растрата, присвоение и др. В 1947 г. в правовые акты были внесены изменения, которые указывали на открытые перечни форм хищения [5, с. 5]. Таким образом, объектом хищения могло являться различное имущество, включая кооперативное, государственное, колхозное и иное

общественное имущество. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. предусматривал ответственность за хищение социалистической собственности, т. е. имущества, принадлежащего государству или коллективу². С развалом Советского Союза и переходом к рыночной экономике в России в 1990-х гг. законодательство было изменено. Термин «хищение» остался, но был уточнен и дополнен для учета новых видов преступлений, связанных с экономической деятельностью. Например, УК РФ 1996 г. уже содержал статьи, касающиеся хищения государственной и иной собственности [6, с. 201].

Однако с течением времени и развитием общества понятие и институт малозначительности деяния претерпели изменения. В связи с изменениями в социальной и экономической сферах стандарты и представления о значимости ущерба в делах о хищении изменились [7, с. 136]. Следовательно, история становления термина «малозначительность деяния» в российском законодательстве прошла через несколько этапов: с дореволюционного периода и до современности с учетом изменений в общественно-экономических условиях страны.

А. А. Пионтковский стал первым, кто рассматривал термин «хищение». В своих работах автор высказывал точку зрения о том, что его необходимо использовать для описания преступления, являющегося формой незаконного обогащения преступного лица, переводящего какое-либо имущество в свою собственность [8, с. 307]. Подобное определение преступления учитывает социально-экономические аспекты и мотивацию лиц, совершивших преступления, что может быть полезно для разработки более эффективных стратегий предотвращения и борьбы с такими преступлениями. На современном этапе развития законодательства и юридической доктрины К. А. Суркова считает, что в УК РФ

¹ О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям : декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров РСФСР от 1 июня 1921 г. // Известия ВЦИК. 1921. № 120.

² Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

хищение должно обладать признаками изъятия, завладения или обращения имущества [9, с. 33]. Отметим, что предложение уточнить законодательное определение хищения может способствовать более четкому применению законов и предотвращению различных интерпретаций. Однако реформирование уголовного законодательства – сложная задача. Ю. Н. Шаповалов и В. И. Рудик предлагают интерпретировать понятие «хищение» как «деяние лица, совершенное из корыстных мотивов и повлекшее для собственника или иного владельца ущерб, посредством изъятия чужого имущества» [10, с. 336]. Предложенная Р. Р. Мусиной концепция обладает широким содержанием благодаря определению характеристик и действий, направленных на безвозмездное присвоение имущества других лиц в свою собственность либо третьих лиц, что в результате причиняет владельцу имущества материальный ущерб и финансовые трудности [11, с. 68]. В современном российском законодательстве существуют определенные характеристики, которые устанавливаются для квалификации хищения как уголовного преступного деяния. Эти признаки включают противоправность и безвозмездность действий, преследование личной выгоды и умысел изъятия или использования похищенного имущества в личных целях или третьих лиц [12, с. 20]. УК РФ 1996 г. содержит нормы, которые определяют различные формы хищения и наказания за него, включая случаи хищения чужого имущества и государственных средств¹. Это свидетельствует о том, что хищение остается актуальным преступлением в российском законодательстве. Однако А. В. Боровиков считает, что понятие «хищение» в настоящее время только лишь усугубляет использование термина в правоприменительной практике по преступлениям против собственности и доктрине уголовного права, в связи с чем предлагает исключить

примечание ст. 158 УК РФ, закрепляющее понятие «хищение» [13, с. 46–47]. В целом действия ученых, направленные на анализ и обсуждение законодательства, полезны для развития нашей правовой системы. Оценка действий требует учета контекста и того, насколько предложения способствуют справедливости и соблюдению прав граждан.

После принятия Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» установлено действие института малозначительности в уголовном праве. В ч. 2 ст. 14 УК РФ было введено положение, которое создало правовой механизм для исключения уголовной ответственности или назначения менее строгих наказаний в случаях, когда совершенное преступление имеет незначительное общественное значение или наносит незначительный ущерб². Это обеспечивает возможность более гибкого подхода к правосудию и справедливое рассмотрение дел в соответствии с общественными интересами. В. Н. Винокуров предполагает, что институт малозначительности применяется исключительно в том случае, когда совершенные действия лишены опасности и не имеют определенных последствий [14, с. 76]. Мы считаем, что точка зрения В. Н. Винокурова относительно необоснованная, поскольку институт малозначительности не обязательно должен быть связан с отсутствием опасности или определенных последствий совершенных действий. По нашему мнению, важно установить, что преступление имеет несущественное общественное значение или наносит незначительный ущерб. В своих работах Р. Т. Гамидов поддерживает использование количественного фактора. В случае если объем совершенных действий не достигает установленных законом критериев для определенного преступления, то

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ (ред. от 08.12.2003) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 26. Ст. 3012.

это может привести к отсутствию уголовного преследования и соответствующих правовых последствий [15, с. 82].

Таким образом, соотношение малозначительности деяния и хищения в уголовном праве заключается в следующем: если ущерб, причиненный потерпевшему, является незначительным или не превышает установленную законом границу в денежном эквиваленте, то деяние может квалифицироваться как мелкое хищение, предусмотренное ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹. В данном случае нарушитель может быть привлечен к менее строгим наказаниям, чем при совершении обычного хищения. Однако стоит отметить, что малозначительность деяния не является основанием для полного освобождения от уголовной ответственности. В силу того, что в настоящее время законодательная база и судебная практика совершенствуются и изменяются в соответствии с современными вызовами и требованиями правопорядка, Конституционный суд Российской Федерации занял позицию, что примечание ст. 158 УК РФ закрепляет только общее понятие хищения, что позволяет применить разные меры наказаний при хищении одной и той же суммы². Одной из основных проблем при рассмотрении института малозначительности деяния в уголовном праве принято счи-

тать отсутствие четкого определения понятия «малозначительность деяния», критериев малозначительности, соответствия наказания для данной категории преступлений.

Заключение

В современном правовом пространстве институт малозначительности деяния по делам о хищении остается актуальным и играет определенную роль. Его суть заключается в поиске оптимального баланса между необходимостью привлечения к ответственности за хищение имущества и признанием некоторых проступков незначительными, не требующими строгого наказания. Институт малозначительности имеет давнюю историю и является результатом общественных и правовых преобразований. Важно постоянно адаптировать его к современным реалиям и социальным потребностям с целью последующего обеспечения справедливости и эффективного функционирования российской правовой системы. Малозначительность квалификации преступлений является серьезной проблемой, которая требует немедленного внимания со стороны законодателей, правоохранительных органов и общества в целом. Только путем устранения причин и последствий этой проблемы можно достичь эффективной борьбы с преступностью и обеспечить безопасность всего общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Щавелева Н. Н., Круглова Т. В. Понятие и сущность хищения // Молодой ученый. 2021. № 11 (353). С. 127–129.
2. Стельмах В. Ю. Малозначительность деяния как частный случай отсутствия состава преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 153–159.
3. Потетин В. А. О понятии малозначительности деяния в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ и критерии оценки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4 (39). С. 329–337.
4. Раевский С. Э. История категории «малозначительность деяния» в отечественном уголовном законодательстве // Молодой ученый. 2019. № 19 (257). С. 263–266.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2022 г. № 53-П // Собрание законодательства Российской Федерации. № 51. Ст. 9343.

5. Анисимов В. Ф. Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому уголовному кодексу // Вестник Югорского государственного университета. 2008. № 4 (11). С. 5–8.
6. Вершинина Ю. А. Развитие уголовного законодательства об ответственности за хищение // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 198–203.
7. Соктоев З. Б. О законодательной конструкции малозначительности формально преступного деяния // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 136–138.
8. Курс советского уголовного права. В 6 т. : часть особенная. Т. 4 / А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе. М. : Наука, 1970. 431 с.
9. Суркова К. А. Некоторые проблемы законодательной регламентации понятия хищения в УК РФ // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2019. № 2. С. 32–34.
10. Шаповалов Ю. Н., Рудик В. И. Признаки объективной стороны хищения // Современный ученый. 2020. № 6. С. 335–339.
11. Мусина Р. Р. К вопросу о развитии уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России // Oeconomia et Jus. 2019. № 1. С. 64–72.
12. Насыбуллин Л. И., Пирогов П. П. Проблемы определения понятия и признаков хищения чужого имущества в уголовном законодательстве Российской Федерации // Sciences of Europe. 2021. № 84-2 (84). С. 15–21.
13. Боровиков А. В. Понятие и признаки хищения // Юридический факт. 2020. № 122. С. 45–49.
14. Винокуров В. Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4 (208). С. 74–83
15. Гамидов Р. Т. Малозначительность деяния и уголовный проступок в российском уголовном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 13. № 1. С. 79–83.

REFERENCES

1. Shchhaveleva N. N., Kruglova T. V. The concept and essence of theft // Young scientist. 2021. No. 11 (353). P. 127–129. (In Russ.)
2. Stelmakh V. Yu. The insignificance of an act as a special case of the absence of corpus delicti // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. P. 153–159. (In Russ.)
3. Potetinov V. A. On the concept of insignificance of an act in the criminal legislation of Russia: historical and legal analysis and evaluation criteria // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2019. No. 4 (39). P. 329–337. (In Russ.)
4. Raevsky S. E. The history of the category «insignificance of an act» in the domestic criminal legislation // Young scientist. 2019. No. 19 (257). P. 263–266. (In Russ.)
5. Anisimov V. F. Responsibility for theft of socialist property under the Soviet Criminal Code // Bulletin of the Yugra State University. 2008. No. 4 (11). P. 5–8. (In Russ.)
6. Verшинina Yu. A. Development of criminal legislation on liability for embezzlement // Young Scientist. 2020. No. 49 (339). P. 198–203. (In Russ.)
7. Soktoev Z. B. On the legislative structure of the insignificance of a formally criminal act // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 3. P. 136–138. (In Russ.)
8. The course of Soviet criminal law. In 6 volumes : a special part. Vol. 4 / A. A. Piontkovsky, P. S. Romashkin, V. M. Chkhikvadze. M. : Nauka, 1970. 431 p. (In Russ.)
9. Surkova K. A. Some problems of legislative regulation of the concept of embezzlement in The Criminal Code of the Russian Federation // Topical issues of combating crimes. 2019. No. 2. P. 32–34. (In Russ.)
10. Shapovalov Yu. N., Rudik V. I. Signs of the objective side of theft // A modern scientist. 2020. No. 6. P. 335–339. (In Russ.)
11. Musina R. R. On the issue of the development of criminal liability for crimes against property in the legislation of Russia // Oeconomia et Jus. 2019. No. 1. P. 64–72. (In Russ.)
12. Nasybullin L. I., Pirogov P. P. Problems of defining the concept and signs of theft of other people's property in the criminal legislation of the Russian Federation // Sciences of Europe. 2021. No. 84-2 (84). P. 15–21. (In Russ.)
13. Borovikov A. V. The concept and signs of theft // Legal fact. 2020. No. 122. P. 45–49. (In Russ.)

14. Vinokurov V. N. Insignificance of an act in criminal law: signs and forms // Journal of Russian Law. 2014. No. 4 (208). P. 74–83. (In Russ.)

15. Gamidov R. T. Insignificance of an act and criminal misconduct in Russian criminal law // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2015. Vol. 13. No. 1. P. 79–83. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кабанов П. А. – кандидат юридических наук, доцент;

Исмаилов Д. А. – без ученой степени.

Information about the authors:

Kabanov P. A. – Candidate of Law, Associate Professor;

Ismailov D. A. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 19.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.3/.7:004.77(470)

Роман Александрович Кокорев
Московский областной филиал Московского
университета МВД России имени В. Я. Кикотья,
Руза, Россия, Kokorev_Roman@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается классификация ключевых элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. Приведен анализ взглядов исследователей в отношении следов преступления и личности преступника. Предложена дифференциация этапов совершения преступлений с использованием информационных технологий. Обращено внимание на вопросы совершенствования методики расследования рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: компьютерные преступления, киберпреступления, информационные технологии, криминалистическая характеристика, преступления в сфере информационных технологий, методика расследования преступлений

Для цитирования: Кокорев Р. А. Актуальные аспекты методики расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 56–64.

Original article

Roman A. Kokorev
Moscow regional branch of Moscow University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia named
after V. Ya. Kikotya, Ruza, Russia, Kokorev_
Roman@mail.ru

CURRENT ASPECTS OF THE METHODOLOGY FOR INVESTIGATING CRIMES COMMITTED USING INFORMATION TECHNOLOGY

Abstract. The article discusses the classification of key elements of the forensic characteristics of crimes committed using information technology. An analysis of the views of researchers regarding the traces of a crime and the identity of the criminal is presented. A differentiation of the stages of crimes committed using information technology is proposed. Attention is drawn to the issues of improving the methodology for investigating the crimes under consideration.

Keywords: computer crimes, cybercrimes, information technology, forensic characteristics, crimes in the field of information technology, crime investigation techniques

For citation: Kokorev R. A. Current aspects of the methodology for investigating crimes committed using information technology // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024 No. 1 (17). P. 56–64. (In Russ.)

Введение

За последнее десятилетие количество преступлений, совершаемых в сфере ис-

пользования информационно-телекоммуникационных технологий, резко возросло. На проблему противодействия киберпресту-

© Кокорев Р. А., 2024

плениям неоднократно указывал в своих выступлениях Президент Российской Федерации В. В. Путин. В 2023 г. на расширенном заседании коллегии МВД России глава государства вновь обратил внимание на остроту данного, безусловно, проблемного вопроса¹. Согласно результатам официальных статистических данных, «в январе–ноябре 2023 г. зарегистрировано 614,8 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 30,8 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,8 % в январе–ноябре 2022 г. до 34,1 %»². Отметим, что уровень профилактики и раскрываемости преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, остается невысоким.

В таких обстоятельствах требуется поиск путей оптимизации, повышения эффективности организации и проведения мероприятий по расследованию киберпреступлений. И, на наш взгляд, «флагманом» такого поиска должно выступить криминалистическое обеспечение методики расследования данной категории преступлений. Вне развития и совершенствования соответствующих частных и общих аспектов данной методики, без их имплементации в правоохранительную деятельность успешность работы по расследованию и профилактике преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, крайне сомнительна. В этой связи требуется исследование общетеоретических и практических вопросов совершенствования методики расследования рассматриваемых преступлений.

Методы

В исследовании применялись диалектический метод как всеобщий универсальный

метод познания, общенаучные формально-логические методы познания (анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогия), системный подход.

Результаты

Одним из основных направлений развития криминалистической науки можно считать выработку криминалистической характеристики преступлений, в которой важное место отводится именно орудиям совершения преступлений [1, с. 27]. В рассматриваемом контексте к орудиям совершения рассматриваемых преступлений можно отнести техническое и сетевое оборудование, используемое злоумышленниками, так как реализация преступных замыслов невозможна без использования указанных устройств [2, с. 32].

Анализ материалов судебной и следственной практики позволяет выделить несколько основных видов технического и сетевого оборудования, которое используется злоумышленниками при совершении преступлений с использованием информационных технологий.

Во-первых, это технические устройства. Наиболее распространенным техническим устройством, фигурирующим в уголовных делах рассматриваемой категории, является мобильный телефон с функцией выхода в сеть Интернет. С его помощью злоумышленники подключаются к сети Интернет, осуществляют поиск жертв (или иных объектов посягательства), вступают с ними в контакт, совершают непосредственно преступные деяния. Помимо мобильных телефонов, при совершении рассматриваемых преступлений могут быть также использованы стационарные компьютеры, ноутбуки или планшеты.

Во-вторых, это устройства, предназначенные для подключения и доступа в сеть Интернет. Не во всех случаях злоумышленники используют внутреннюю функцию самого мобильного телефона для доступа в

¹ Выступление В. В. Путина на заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 11.01.2024).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–ноябрь 2023 года. <https://мвд.рф/reports/item/45293174/> (дата обращения: 15.01.2024)

сеть. В большинстве стационарных компьютеров, а также ноутбуков данная функция вообще отсутствует. В этой связи преступниками могут использоваться специальные технические устройства – Wi-Fi-роутеры. В отдельных случаях, в целях сокрытия следов своей преступной деятельности, злоумышленники используют Wi-Fi-роутеры, установленные в общественных местах.

В-третьих, это отдельные виды технического и сетевого оборудования (коммуникаторы, адаптеры сети, концентраторы, сетевые карты, маршрутизаторы, мультиплексоры, шлюзы и др.).

В целях реализации преступных планов злоумышленники используют следующие технические устройства и сетевые средства.

1. VPN-сервисы. Данные средства представляют собой безопасное зашифрованное подключение пользователя к сети, с которым он может обходить локальные ограничения и сохранять конфиденциальность.

2. Сетевые соединения, хостинги, сетевые провайдеры, вышки сотовой связи. Данные средства используются для обеспечения интернет-соединения, увеличения скорости поступления информации.

3. Различные интернет-приложения. К примеру, социальные сети, мессенджеры. Также для реализации своих преступных намерений злоумышленники могут использовать и другие приложения. Например, это могут быть приложения, корректирующие голос человека (используются в случае, если с жертвой осуществляются телефонные переговоры, и преступник не хочет, чтобы жертва слышала его настоящий голос), внешность и др.

Следующим элементом криминалистической характеристики, который объединяет преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и позволяет говорить о них как об общности, выступают электронные следы преступления, которым в юридической литературе уделяется пристальное внимание [3, с. 204–208; 4, с. 226–230; 5, с. 136–141; 6, с. 120–123]. При рассмотрении этого вопроса нами учитывается классификация электронных следов, предложенная

В. А. Перовым [7, с. 94–96] и принятая многими авторами. Обратим внимание на две разновидности электронных следов, а именно, статическом и динамическом. В первом случае речь идет о следообразовании, происходящем на неподвижной основе (например, это может быть IP-адрес). Во втором случае речь идет об образовании следов на движущейся основе (например, в результате совершения различных действий со стороны злоумышленников).

Относительно места совершения преступления киберпреступления могут быть определены через понятие информационно-телекоммуникационного пространства. Именно последнее чаще всего выступает местом совершения преступных деяний. Прежде всего, это может быть информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

Следующим элементом криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений выступает личность преступника. Характеристика личности преступника занимает важное место в понимании механизма следообразования рассматриваемых преступлений.

Представляет определенный научный интерес классификация предложенная Э. Т. Халилуллиной. На основе проведенного исследования она выделяет следующие типы личности злоумышленников, совершающих компьютерные преступления [8, с. 91]:

– хакеры – обладающие высокой степенью знаний в сфере информационных технологий, совершающие преступления путем взлома защитных систем с целью причинения ущерба данным, хищения информации, нанесения иного вреда;

– киберпреступники – получающие доступ к данным в корыстных целях не путем взлома систем, а путем обмана, злоупотребления доверием и т. д.;

– шпионы – лица, добывающие информацию в сети;

– кибертеррористы – выводящие из строя сети и системы различных организаций и предприятий в определенных целях (корысть, для того, чтобы заставить организации совершить определенные действия и др.).

В свою очередь, полагаем, что можно ограничиться классификацией, предлагаемой А. Л. Осипенко [9, с. 62]:

– традиционные преступники – лица, осознавшие возможности и преимущества информационных технологий для совершения хищений денежных средств;

– представители хакерского сообщества – лица, обладающие специальными знаниями в сфере компьютерных технологий, совершающие деяния, которые возможны только в данной сфере (ввод, блокировка, уничтожение и информации и т. д.).

По мнению исследователей, киберпреступления совершаются лицами мужского пола, в возрасте от 18 до 24 лет, преимущественно имеющими высшее или среднее специальное образование [10, с. 189].

Преступная деятельность, как и любая другая целенаправленная деятельность, может быть разделена на этапы в зависимости от степени достижения результата. Последовательность действий лица, совершающего преступления с использованием информационных технологий, необходимо рассматривать с учетом обязательной привязки к использованию технических средств и сетевого оборудования. Проведенный анализ следственной и судебной практики позволил выделить несколько основных этапов совершения преступлений с использованием информационных технологий.

Первый этап – это возникновение умысла на совершение преступления, а также осознание возможности (необходимости) использования при этом информационных технологий. Умысел может возникнуть в силу различных обстоятельств и под воздействием разных, по своей сути и содержанию, акторов. Например, это может быть реализация потребности незаконного обогащения (корыстный мотив), осуществление коммерческого интереса и др.

Второй этап – это создание условий, необходимых для реализации преступного умысла. В рамках данного этапа осуществляется множество действий (создание необходимого информационного ресурса, поиск объекта совершения преступления, жертвы и др.).

Третий этап – непосредственное совершение преступления. В зависимости от конкретного вида преступления содержание данного этапа может быть различным. Определяющее значение в данном случае следует отводить тем средствам, которые используются преступниками для реализации своих противоправных замыслов. В данном случае следует отметить, что в значительной степени распространено использование средств мобильной связи и расчетных (пластиковых) карт. Эти средства в основном используются для совершения хищений – краж и мошенничеств. В особенности это проявляется при совершении преступлений на бесконтактной основе. Так, например, для бесконтактных мошенничеств в плане определения обстановки их совершения важное значение имеют условия, создание и обеспечение которых позволяет реализовывать соответствующие преступные замыслы по хищению собственности, путем обмана или злоупотребления доверием.

К таковым условиям следует относить наличие специальных технических средств и специальных технологических возможностей. В первом случае речь идет о технических средствах, которые злоумышленники используют в качестве предметов преступных посягательств – мобильные телефоны, смартфоны, средства электронных платежей, компьютеры, планшеты и т. д. Особое значение в данном случае имеют электронные платежные системы. Именно посредством них совершается значительная часть мошеннических действий, схем и операций.

Отдельно следует учитывать использование преступниками различных программных средств. В данном случае следует выделять несколько основополагающих тенденций.

1. Использование преступниками различных программных средств, которые позволяют анонимизировать «преступный след» (свою преступную деятельность) и сам факт использования тех или иных технологий.

2. Использование специальных программ, предназначенных для шифрования.

3. Использование различных сайтов-зеркал.

4. Активное использование криптовалюты, а также электронных платежных систем.

5. Использование электронной цифровой подписи в целях совершения мошенничеств.

Четвертый этап – это сокрытие следов преступной деятельности. Отметим, что по множеству преступлений меры, направленные на сокрытие следов, принимаются злоумышленниками на первоначальных стадиях своей противоправной деятельности. В частности, это может быть использование VPN-сервисов, а также различных программ «анонимайзеров», которые позволяют пользоваться сетевыми ресурсами с сокрытием данных об IP-адресе, а также иных сведений, позволяющих установить конечного пользователя. На стадии после совершения преступления, злоумышленники также предпринимают различные меры. В частности, это может быть стирание переписки, удаление аккаунта, «чистка» истории браузера, смена мобильного телефона и других технических устройств, физическое скрывание (переезд в другой город) и т. д.

Основной задачей при расследовании рассматриваемых преступлений является обнаружение максимально возможного количества следов совершенного деяния, их фиксация и изъятие. В дальнейшем данные следы должны привести к конкретному лицу, совершившему то или иное преступление и использовавшему для этого соответствующие информационные технологии.

Работа со следами во многом обеспечивается посредством производства следственных действий. В этой связи важно обеспечивать, во-первых, правильную последовательность и своевременность производства следственных действий (методический аспект), во-вторых, верную тактику их производства (тактический аспект).

Начальной точкой проведения следственных действий по уголовным делам рассматриваемой категории является место происшествия. В большинстве научных источников указывается, что первоначаль-

ным следственным действием при расследовании преступлений данной категории выступает осмотр места происшествия [11, с. 135–143].

После работы на месте происшествия необходимо получить дополнительную информацию о преступлении из так называемых внешних источников. Необходимость данной задачи обусловлена тем, что интернет-соединение, функционирование социальных сетей обеспечивается отдельно взятыми организациями. Для получения максимально доказательственной информации необходимо составить ряд запросов. Во-первых, следует направить запросы представителю юридического лица – социальной сети, в рамках функционирования которой совершалось преступление («ВКонтакте», «Телеграм» и др.). Как правило, предмет запрашиваемой информации составляют: адрес личной страницы пользователя; дата создания страницы; номер телефона и электронной почты пользователя; IP-адреса, с которых пользователь осуществлял вход на страницу; история изменений пароля, логина (имени пользователя), номера телефона; история обращений в службу поддержки; история блокировок страницы пользователя. Во-вторых, следует запросить разрешение (санкцию) суда для возможности получения сведений, затрагивающих конституционные права граждан (право на личную, семейную тайну) [12, с. 118]. Реализация данного мероприятия осуществляется в случае необходимости доступа следователя к соответствующим данным.

Важнейшим этапом расследования преступлений рассматриваемой категории является назначение и производство судебных экспертиз. Следует отметить многочисленность возможных вариантов и видов судебных экспертиз, которые могут быть проведены при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. При этом все проводимые экспертизы условно можно подразделить на два вида.

Первый вид судебных экспертиз обусловлен отраслевой спецификой данных

преступлений, а именно их совершением с использованием информационных технологий. Чаще всего по таким делам назначается и проводится судебная компьютерно-техническая экспертиза. Так, до недавнего времени выделялись различные виды судебных компьютерно-технических экспертиз (информационная, программная, сетевая и др.). Вместе с тем практика показывает, что на сегодняшний день при расследовании уголовных дел соответствующей категории чаще всего проводится именно комплексная экспертиза, в рамках которой уточняются все интересующие вопросы. Поэтому в постановлении на производство судебной экспертизы целесообразно указывать родовое наименование экспертизы – «судебная компьютерно-техническая экспертиза» [13, с. 278].

Установив необходимость производства судебной компьютерно-технической экспертизы, следователь должен определить ряд аспектов. Прежде всего, это объекты, которые будут представлены эксперту для производства соответствующего экспертного исследования. Зачастую таковыми объектами выступают компьютерное или иное техническое устройство, с которого производилось подключение и выход в глобальную информационно-телекоммуникационную сеть.

Далее следователю необходимо сформулировать вопросы, которые будут поставлены перед экспертом для их разрешения. Конечные перечни вопросов, как правило, определяются в зависимости от конкретных обстоятельств и типовой следственной ситуации, сложившейся на момент расследования уголовного дела. Вместе с тем можно утверждать о более или менее общих направлениях, в рамках которых должны быть сформулированы вопросы.

Первое направление – это характеристика компьютерного или иного технического устройства (марка, модель, индивидуальный номер, фактическое состояние, техническая исправность и т. д.).

Второе направление – это характеристика данных, содержащихся на компьютерном устройстве как в целом, так и в контексте

соотношения с обстоятельствами совершенного преступления (имеются ли какие-либо данные, их тип, форма, содержание, дата формирования, особенности получения, обработки и т. д.).

Третье направление – это характеристика доступа компьютерного или иного устройства в сеть Интернет (имело ли место, какой IP-адрес, на какие ресурсы осуществлялся доступ, дата, место и время такого доступа, продолжительность и т. д.).

Второй вид судебных экспертиз обусловлен видовой спецификой того преступления, которое было совершено. Данный вопрос полагаем возможным рассмотреть на примере совершения преступлений с использованием информационных технологий в отношении особой категории лиц, а именно несовершеннолетних. Как показывает анализ материалов правоприменительной практики, в отношении указанных лиц могут быть совершены преступления против их половой свободы (неприкосновенности), против жизни, а также иные виды преступлений. В каждом таком случае могут быть назначены соответствующие виды судебных экспертиз. Например, по делам, связанным с совершением преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетнего, чаще всего назначается и проводится судебная экспертиза видеоизображений, видеозаписей порнографического содержания. «Экспертиза для определения порнографического характера видеоизображений или других объектов является комплексной и комиссионной, которая выполняется экспертами, имеющими специальные знания в области психологии, лингвистики, искусствоведения, культурологии. Задачи экспертизы – установление специальных признаков порнографического содержания в исследуемых объектах. Эта задача решается в рамках комплексной психолого-лингвистической, психолого-культурологической, психолого-искусствоведческой экспертиз или же отдельными указанными экспертами. Определяющим выступает установление того факта, что обнаруженные объекты являются порнографическими» [14, с. 202].

Обратим внимание, что в качестве объектов экспертизы могут быть представлены: материалы, размещенные в компьютерных сетях, в том числе в сети Интернет; аудиозаписи, видеозаписи на любых носителях; изображения на электронных носителях; предметы, имеющие отношение к осуществлению сексуальных действий в отношении несовершеннолетних [15, с. 263–268].

Дальнейшие следственные действия (в частности, обыск, допрос, при возможности очная ставка, выемка и др.) проводятся с целью получения доказательственной информации, обнаружения, фиксации и изъятия следов совершенного преступления.

Заключение

В итоге следует констатировать, что знание криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, ее структуры и содержания – это важнейший элемент, без которого представить себе эф-

фективную работу по расследованию и профилактике рассматриваемых преступлений крайне сложно. Проведенное исследование показало возможность представления криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений в качестве интегральной системы, которая характеризуется несколькими основными признаками, а именно: технологической стороной совершения преступлений, действиями, совершаемыми преступниками, а также особенностями личности преступника.

Основной задачей при организации расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, видится обнаружение, фиксация и изъятие, прежде всего, цифровых следов. В дальнейшем при использовании криминалистически значимой информации необходимо обеспечить установление злоумышленника, а также всех обстоятельств совершенного преступного деяния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Особенности первоначального этапа расследования неправомерного доступа к компьютерной информации : учебно-методическое пособие / Э. Д. Нугаева, С. Р. Низаева, В. Р. Гайнельзянова, З. И. Харисова. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2023. 96 с.
2. Нугаева Э. Д. Тактика производства отдельных следственных действий по преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : научно-практическое пособие / Э. Д. Нугаева, З. И. Харисова, А. Л. Арипов. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2022. 96 с.
3. Хламов Н. Э. О некоторых проблемах расследования преступлений, совершенных с использованием компьютерных средств // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 3 (98). С. 204–208.
4. Некипелова Е. И. Электронные следы и способы их изъятия // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий: Всероссийская научно-практическая конференция. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. С. 226–230.
5. Смушкин А. Б. Проблемы поиска электронных следов в системах распределенного хранения данных в процессе расследования // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий : Всероссийская научно-практическая конференция. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. С. 136–141.
6. Кокорева Л. В. Электронные носители информации: некоторые проблемы теории и практики // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник статей Международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2018. С. 120–123.
7. Перов В. А. Компьютерная криминалистика: электронный след понятие и виды // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 1. С. 94–96.
8. Халиуллина Э. Т. Личность компьютерного преступника в современной России // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 2 (16). С. 91.
9. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2009.

10. Родивилина В. А., Родивилин И. П. К вопросу о личности преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. 2017. С. 189.

11. Сидорова К. С. Направления поисковых действий следователя в информационно-телекоммуникационной сети Интернет при расследовании преступлений // Актуальные проблемы расследования преступлений : материалы Всероссийской научной конференции памяти И. Ф. Герасимова, Екатеринбург, 31 января 2020 года / Под редакцией Д. В. Бахтеева. Екатеринбург : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2020. С. 135–143.

12. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 118.

13. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, ИНФРА-М, 2018.

14. Хмелева А. В. Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних с использованием сети «интернет» // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов. Орел : Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2018. С. 202.

15. Кокорева Л. В., Кузнецов В. А., Кузнецова Е. В. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети «Интернет»: проблемы и основные направления совершенствования // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства: пути их решения: материалы Международной онлайн-конференции / под ред. к.ю.н., доцента С. В. Власовой. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 263–268.

REFERENCES

1. Features of the initial stage of investigation of illegal access to computer information : educational manual / E. D. Nugaeva, S. R. Nizaeva, V. R. Gainelzyanova, Z. I. Kharisova. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. (In Russ.)

2. Nugaeva E. D. Tactics of individual investigative actions for crimes committed using information and telecommunication technologies: scientific and practical guide / E. D. Nugaeva, Z. I. Kharisova, A. L. Aripov. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. (In Russ.)

3. Khlamov N. E. About some problems in the investigation of crimes committed with the use of computer tools // Yurist-Pravoved. 2021. No. 3 (98). P. 204–208. (In Russ.)

4. Nekipelova E. I. Electronic traces and methods of their seizure // Combating cybercrimes and crimes in the field of high technologies: All-Russian scientific and practical conference. M. : Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2021. P. 226–230. (In Russ.)

5. Smushkin A. B. Problems of searching for electronic traces in distributed data storage systems during the investigation // Combating cybercrimes and crimes in the field of high technologies : All-Russian scientific and practical conference. M. : Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2021. P. 136–141. (In Russ.)

6. Kokoreva L. V. Electronic media: some problems of theory and practice // Forensic science in the conditions of the development of the information society (59th annual forensic readings) : collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. P. 120–123. (In Russ.)

7. Perov V. A. Computer forensics: electronic trace concept and types // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2021. No. 1. P. 94–96. (In Russ.)

8. Khaliullina E. T. Personality of a computer criminal in modern Russia // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2018. No. 2 (16). P. 91. (In Russ.)

9. Osipenko A. L. Network computer crime: theory and practice of struggle : monograph. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. (In Russ.)

10. Rodivilina V. A., Rodivilin I. P. On the issue of the identity of a criminal who commits crimes in the field of computer information // Criminal Law of the Russian Federation: problems of law enforcement and

prospects for improvement : collection of materials from the interuniversity scientific and practical conference. 2017. P. 189. (In Russ.)

11. Sidorova K. S. Directions of search actions of an investigator in the information and telecommunication network “Internet” when investigating crimes // Current problems of crime investigation : materials of the All-Russian Scientific Conference in memory of I. F. Gerasimov / Edited by D/ V. Bakhteeva. Ekaterinburg : Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ural State Law University”, 2020. P. 135–143. (In Russ.)

12. Rossinskaya E. R., Saakov T. A. Problems of collecting digital traces of crimes from social networks and instant messengers // Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2020. No. 3 (15). P. 118. (In Russ.)

13. Rossinskaya E. R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings : monograph. 4th ed., revised and expanded M. : Norma, INFRA-M, 2018. (In Russ.)

14. Khmeleva A. V. Features of the use of special knowledge in the investigation of crimes of a sexual nature committed against minors using the Internet // Criminal procedural and forensic problems in the fight against crime: collection of materials. Orel : Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, 2018. P. 202. (In Russ.)

15. Kokoreva L. V., Kuznetsov V. A., Kuznetsova E. V. Ensuring information security of minors on the Internet: problems and main directions for improvement // Problems of application of criminal procedural legislation: ways to solve them: materials of the International online-conference / ed. Candidate of Law, Associate Professor S. V. Vlasova. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. P. 263–268. (In Russ.)

Информация об авторе:

Кокорев Р. А. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Kokorev R. A. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 21.01.2024; одобрена после рецензирования 07.02.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 21.01.2024; approved after reviewing 07.02.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья
УДК 343.131.2(470)

Вадим Сагитьянович Латыпов
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, Vadi-Latypov@yandex.ru

ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ: ВОПРОСЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕГО РАСШИРЕНИЯ

Аннотация. В рамках деятельностного подхода к классификации участников уголовного судопроизводства существует необходимость функционального определения тех лиц, которые не реализуют в уголовном судопроизводстве основные уголовно-процессуальные функции, предусмотренные ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Автор аргументированно обосновывает существование самостоятельной, нейтральной по отношению к основным уголовно-процессуальной функции – содействия правосудию. Вместе с тем проведенное исследование позволило установить наличие указанной функции и в остальных процессуальных отраслях права.

Указанное обстоятельство дало возможность предпринять попытку формирования нового научного представления о существовании самостоятельного правового института содействия правосудию, ранее не выделяемого в теории права, присущего всем процессуальным отраслям.

На примере анализа правового института содействия уголовному правосудию определено, что оно представляет собой совокупность правовых норм, направленных на регулирование отношений, складывающихся в уголовном процессе и связанных с вспомогательной деятельностью, направленной на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультативной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду.

Содействие правосудию выступает в качестве комплексного межотраслевого, функционального, императивно-диспозитивного мегаинститута, включающего в свою структуру содержание других правовых институтов.

Отмечая межотраслевой характер правового регулирования такой процессуальной деятельности как содействие правосудию и особенностей включения в него иных самостоятельных правовых институтов, автор ставит вопрос о выдвижении мегаправового института.

Ключевые слова: содействие правосудию, правовой институт, уголовное судопроизводство, участники уголовного процесса, правоотношения, уголовно-процессуальные функции, защита, обвинение, мегаправовой институт, эксперт, специалист, понятой, свидетель, переводчик

Для цитирования: Латыпов В. С. Правовой институт содействия правосудию: вопросы существования и дальнейшего расширения // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 65–71.

Original article

Vadim S. Latypov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, Vadi-Latypov@yandex.ru

LEGAL INSTITUTION FOR PROMOTION OF JUSTICE: ISSUES OF EXISTENCE AND FURTHER EXPANSION

Abstract. Within the scope of the activity approach to the classification of participants in criminal proceedings, there is a necessity for a functional definition of those persons who do not implement the main criminal procedural functions mentioned in Art. 15 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). The author has substantiated the existence of an independent, neutral in relation to the main criminal procedural function – promoting justice. At the same time, the study made it possible to establish the presence of this function in other procedural branches of law.

© Латыпов В. С., 2024

This circumstance made it possible, within the framework of this article, to attempt to form a new scientific idea about the existence of an independent legal institution for the promotion of justice, which was not previously identified in the theory of inherent in all procedural branches of law.

Based on the example of the analysis of the legal institution of assistance to criminal justice, it was determined that it represents a set of legal norms aimed at regulating the relations that develop in the criminal process and related to auxiliary activities aimed at reporting and (or) obtaining evidentiary information, providing advisory, technical (organizational) or other assistance to the parties and the court.

The promotion of justice is defined as a complex intersectoral, functional, imperative-dispositive mega institution, which includes in its structure the content of other legal institutions.

Noting the cross-sectoral nature of the legal regulation of such procedural activities as the promotion of justice and the features of including other independent legal institutions in it gave the author grounds to raise the question of promotion as a megalegal institution.

Keywords: promotion of justice, legal institute, criminal proceedings, participants in criminal proceedings, legal relations, criminal procedural functions, protection, accusation, megalegal institute, expert, specialist, witness, witness, translator

For citation: Latypov V. S. Legal institute for promotion of justice: issues of existence and further expansion // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 65–71. (In Russ.)

Введение

Существующий уголовно-процессуальный механизм осуществления уголовного судопроизводства, основанный на трехзвенной системе процессуальных функций, нуждается в качественном анализе, достаточности тех самых законодательно определенных функций для обеспечения равноправного, состязательного уголовного судопроизводства, современного демократического правового государства.

Будем справедливы, мы не единственные и далеко не первые исследователи, отмечающие необходимость выделения отличных от основных уголовно-процессуальных функций.

Несмотря на результаты проведенных исследований указанных и многих других авторов, стоит отметить, что формирование общего представления о существующей системе уголовно-процессуальных функций далеко от своего логического завершения. Это свидетельствует о сложности и многогранности заявленной процессуальной проблематики. Отчасти это можно объяснить отсутствием единого подхода к пониманию природы процессуальных функций, противоречивостью доктрины. Приведем следующие подходы:

– рассмотрение функций, исходя из деятельностного подхода, заключающегося в выполнении непосредственных задач, стоя-

щих перед конкретными участниками процесса [1; 2];

– необходимость рассмотрения функции уголовного процесса в целом [3; 4];

– третий подход, наиболее пространный, свидетельствует о возможности существования самостоятельных функций на каждой стадии уголовного процесса [5].

Вместе с тем использование функционального подхода, включающего изучение разнообразных уголовно-процессуальных институтов, позволяет взглянуть на современное уголовное судопроизводство под различными углами.

Методы

Методологическую основу исследования составили диалектический метод научного познания, логический, сравнительно-правовой и статистический методы, а также наблюдение и другие частные методы исследования правовых явлений.

Результаты

Законодатель в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определил наличие лишь трех уголовно-процессуальных функций, которые в теории уголовно-процессуального права стали основными. При этом детальный анализ оставшихся норм указанного нормативного акта позволяет утверждать, что иные функции законодателем не выделяются, за исключением конкретизации функции обви-

нения, которая в п. 45 ст. 5 УПК РФ дополнена словосочетанием «уголовное преследование». Дополнительно следует отметить, что буквальное толкование ч. 1 ст. 44.1 УПК РФ позволяет отметить функцию разрешения уголовного дела, что именуется судом функцией «правосудия». Мы не наблюдаем в представленной законодателем системе уголовно-процессуальных функций деления на основные и дополнительные, как это принято указывать в научной литературе.

Подчеркнем, что в основу существующей классификации участников уголовного судопроизводства был положен именно функциональный подход, позволивший законодателю сгруппировать их в зависимости от реализуемых функций. Следует отметить, что он был последователен в этом вопросе применительно ко всем участникам процесса, за исключением тех, кого обособили в отдельной гл. 8 УПК РФ, многозначительно назвав их «иные участники уголовного судопроизводства». В рамках настоящего исследования, мы считаем, стоит избежать проведения анализа законодательной классификации участников уголовного судопроизводства, исходя из существующего функционального подхода, поскольку он осуществлен нами ранее [6].

В свою очередь, считаем необходимым подчеркнуть, что неопределенная категория «иные» крайне неуместна для процессуальных отраслей, т. к. подразумеваем возможность разночтения в правоприменительном подходе. Мы разделяем позицию П. Г. Марфицина, предлагающего «избавиться (или сократить до минимума) от неоправданного использования в УПК РФ термина "иные"» [7, с. 101].

Действующий УПК РФ с момента его принятия в 2001 г. определил состязательность в качестве основы построения современного уголовного судопроизводства. Представляется, что достижение состязательности невозможно без обеспечения ра-

венства противостоящих друг другу сторон, наделяния их равным как по объему, так и по содержанию комплексом прав и процессуальных возможностей.

Принято полагать, что одним из признаков процессуальных принципов является их всепроникающее распространение на каждую стадию уголовного судопроизводства. Вместе с тем вызывает определенные вопросы существование принципа состязательности [8; 9; 10; 11], основанного на равноправии сторон на отдельных стадиях, в частности, возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, в которых подозреваемое лицо не установлено. Указанное обстоятельство свидетельствует об отсутствии в настоящее время необходимого публично-правового механизма, обеспечивающего состязательные и равноправные начала уголовного судопроизводства. Первоначальные стадии уголовного процесса характеризуются интенсивной деятельностью государственных органов, осуществляющих уголовное преследование, по формированию доказательственной базы по совершенному преступлению. Указанная деятельность обнажает существующий дисбаланс процессуальной возможности сторон в формировании доказательств и свидетельствует об откровенной монополии данной деятельности стороны обвинения.

Между тем наблюдается весьма тревожная тенденция, поскольку официальная статистика регистрирует рост (+5,4 % по сравнению с 2021 г.) нарушений закона, допущенных органами предварительного следствия и дознания на досудебных стадиях уголовного процесса (1 799 639 выявленных фактов) за период с января по декабрь 2022 г.¹

Убеждены, что лишь вовлечение в уголовно-процессуальные отношения самостоятельной категории лиц, именуемой нами как «содействующие отправлению правосудия», позволяет обеспечить гармоничное

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 18.01.2024).

взаимодействие каждой из сторон в процессуальном пространстве. Они позволяют обеспечить равные возможности сторон по участию в процессе доказывания, а также вовлекаются для оказания содействия, но при этом не наделены властными полномочиями и не имеют личной заинтересованности в ходе уголовного дела.

Выделение самостоятельной функции содействия правосудию [12], которую реализуют соответствующие участники и субъекты с неопределенным процессуальным статусом, предполагает определение авторской системы уголовно-процессуальных функций, которые можно представить в следующем виде: основные, сопутствующие и ситуативные (факультативные).

В отличие от отдельных исследователей, являющихся сторонниками расширенного толкования функции содействия правосудию и приписывающих ее даже органам дознания [13, с. 101], мы склонны относить эту деятельность к участникам процесса, не наделенным властными полномочиями, эпизодически привлекаемым к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ.

Следует признать, что закон напрямую не выделяет содействие правосудию ни в качестве процессуальной функции, ни как самостоятельный вид деятельности, но в то же время содержит достаточное количество норм, которые можно отнести к содействию.

В то же время считаем допустимым рассмотрение содействия правосудию в качестве самостоятельного правового института, представляющего собой совокупность правовых норм, направленных на регулирование отношений, складывающихся в уголовном процессе и связанных с вспомогательной деятельностью, направленной на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультативной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду.

Структурной единицей системы права является правовой институт, которому принято приписывать наличие определенных признаков. Среди признаков правового институ-

та в первую очередь выделяется совокупное единство правовых норм, при этом они должны быть направлены на регулирование конкретного вида общественных отношений. Кроме того, отмечается их обособленность в рамках единой главы или раздела отдельно взятого нормативного акта. Однако следует отметить, что такое обособление присуще не каждому правовому институту.

Подчеркнем специфику исследуемого нами правового института содействия правосудию на примере уголовного судопроизводства. Предполагается, что содействие уголовному правосудию включает в себя нормы, регламентирующие данное содействие такими участниками уголовного процесса, как, например, свидетель, специалист, эксперт, переводчик понятого и др. Вместе с тем следует отметить, что нормативное регулирование деятельности каждого из указанных участников образует самостоятельные правовые институты, в корне отличающиеся друг от друга. К примеру, судебной экспертизе в УПК РФ посвящена гл. 27. Получается, что судебная экспертиза является самостоятельным правовым институтом, существование которого доказано, в том числе на доктринальном уровне [14; 15; 16]. Однако в то же время она является структурным элементом другого правового института, именуемого «содействие правосудию». Подобная ситуация прослеживается и в отношении применения специальных знаний специалистов, переводчиков в уголовном судопроизводстве, а также привлечения и участия свидетелей, понятых и лиц, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве. Указанное обстоятельство дает основание констатировать, что содействие уголовному правосудию является макроправовым институтом, состоящим из иных уголовно-процессуальных институтов, регулирующих отдельные вопросы оказания помощи сторонам и суду в назначении уголовного судопроизводства.

Отмечая межотраслевой характер правового регулирования такой процессуальной

деятельности, как содействие правосудию, и особенностей включения в него иных самостоятельных правовых институтов, можно ставить вопрос о выдвигании его на качественно иной уровень, отличный от макроинститута, но не являющийся отраслью права, быть может, в качестве «мега» или «архиинститута».

Содействие правосудию по своей юридической природе является межотраслевым правовым институтом. Нормы, регламентирующие вспомогательную деятельность лиц, не преследующих личных интересов в отправляемых правосудиях, выделяемых ст. 18 Конституцией Российской Федерации, но оказывающих непосредственное содействие основным субъектам уголовно-процессуальных отношений, присутствуют во всех российских процессуальных отраслях права.

В теории права выделяют предметные и функциональные правовые институты. Институт содействия правосудию следует относить к функциональным правовым институтам, поскольку регулирует правоотношения, имеющие значение для всего уголовного судопроизводства. От участия лиц, оказывающих содействие правосудию, зависит реализация принципа состязательности и равноправия сторон, результат их деятельности может оказать влияние на формирование доказательственной базы и весь ход производства по уголовному делу, достижение назначения уголовного судопроизводства.

Заключение

Содействие правосудию следует определить в качестве комплексного межотраслевого, функционального, императивно-дис-

позитивного мегаинститута, включающего в свою структуру содержание других правовых институтов.

Помимо выявленных основных элементов макроуровня института содействия уголовному правосудию, считаем допустимым отметить его динамичность, заключающуюся в перспективных направлениях расширения за счет развития существующих правовых институтов и введения новых, способных повлиять на позитивное совершенствование действующего уголовного судопроизводства России.

Нами спрогнозировано развитие института содействия правосудию за счет создания качественной нормативной основы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в том числе оказывающих содействие сторонам и суду путем введения дополнительной гл. 18.1 «Обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе», которая включает в себя нормы, регламентирующие уголовно-процессуальные отношения, направленные на обеспечение безопасности.

Кроме того, считаем возможным рассмотреть вопрос о внедрении в уголовный процесс России альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (институт медиации), позволяющего не доводить до дорогостоящего и организационно затратного судебного разбирательства уголовно-правовые конфликты, которые возможно разрешить до суда. Допустимы и иные варианты, требующие предварительных самостоятельных доктринальных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Ростов-н/Д : Рост. юрид. ин-т МВД РФ, 2011. 48 с.
2. Шимановский В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2. С. 175–178.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Наука, 1968. 470 с.
4. Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. 159 с.
5. Выдря М. М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9. С. 78–83.

6. Латыпов В. С., Исмагилов Р. А. Размышления о законодательной классификации участников уголовного судопроизводства // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 5. С. 103–111.
7. Марфицин П. Г. Термин «иные» в уголовно-процессуальном законодательстве // *Вестник Нижегородск. ун-та имени Н. И. Лобачевского*. 2019. № 2. С. 96–102.
8. Победкин А. В. Традиции доказывания в отечественном уголовном процессе (почему состязательность не принцип уголовного процесса) // *Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конференции Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова*. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2020. С. 78–83.
9. Баранов А. М. Состязательность в российском уголовном процессе: концептуальные противоречия // *Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конференции Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова*. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2020. С. 306–311.
10. Титов П. М. О принципе состязательности в уголовном судопроизводстве // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2023. № 1 (99). С. 128–134.
11. Тарасов А. А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27. № 3. С. 100–112.
12. Латыпов В. С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 6. С. 786–796.
13. Дикарев И. С. Аномалии правового положения органов дознания // *Правовое государство: теория и практика*. 2023. № 1. С. 97–104.
14. Селина Е. В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе : дис. ... док-ра юрид. наук. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2003. 356 с.
15. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... док-ра юрид. наук. М. : Моск. гос. юрид. акад, 2008. 741 с.
16. Дьяконова О. Г. Экспертиза в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности : учебное пособие (практикум). М., 2023. 200 с.

REFERENCES

1. Berova D. M. Fundamentals of the theory of functionalism in criminal proceedings: abstract. dis. Doctor of Law. Rostov-on-Don : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2011. 48 p. (In Russ.)
2. Shimanovsky V. V. On the issue of the procedural function of the investigator in Soviet criminal proceedings // *Jurisprudence*. 1965. No. 2. P. 175–178. (In Russ.)
3. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal procedure: Basic provisions of the science of the Soviet criminal process. Vol. 1. M. : Nauka, 1968. 470 p. (In Russ.)
4. Kokorev L. D. Participants in justice in criminal cases. Voronezh, 1971. 159 p. (In Russ.)
5. Otter M. M. Investigation of a criminal case is a function of the criminal procedure // *Soviet state and law*. 1980. No. 9. P. 78–83. (In Russ.)
6. Latypov V. S., Ismagilov R. A. Reflections on the legislative classification of participants in criminal proceedings // *Lex russica*. 2021. Vol. 74. No. 5. P. 103–111. (In Russ.)
7. Marfitsin P. G. The term “others” in criminal procedural legislation // *Vestnik of Nizhegorodsky University named after N. I. Lobachevsky*. 2019. No. 2. P. 96–102. (In Russ.)
8. Pobedkin A.V. Traditions of proof in domestic criminal proceedings (why competitiveness is not a principle of criminal proceedings) // *The nature of the Russian criminal procedure and the principle of competitiveness: to the 125th anniversary of the birth of M. S. Strogovich: Conference materials // Moscow State University named after M. V. Lomonosov*. М. : Yurlitinform Publishing House, 2020. P. 78–83. (In Russ.)
9. Baranov A. M. Competitiveness in the Russian criminal procedure: conceptual contradictions // *The nature of the Russian criminal procedure and the principle of competitiveness: to the 125th anniversary of the birth of M. S. Strogovich : Conference materials // Moscow State University named after M. V. Lomonosov*. М. : Yurlitinform Publishing House, 2020. P. 306–311. (In Russ.)
10. Titov P. M. On the principle of competitiveness in criminal proceedings // *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 1 (99). P. 128–134. (In Russ.)

11. Tarasov A. A. Rational and irrational in discussions about the development of the Russian criminal procedure // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27, No. 3. P. 100–112. (In Russ.)
12. Latypov V. S. Assistance to justice as an independent criminal procedural function // All-Russian Criminological Journal. 2021. Vol. 15. No. 6. P. 786–796. (In Russ.)
13. Dikarev I. S. Anomalies of the legal status of the bodies of inquiry // Rule of law: theory and practice. 2023. No. 1. P. 97–104. (In Russ.)
14. Selina E. V. Application of special knowledge in the Russian criminal process : dis. Doctor of Law. Krasnodar: Kuban State Univ., 2003. 356 p. (In Russ.)
15. Zaitseva E. A. Concept of development of the institution of forensic examination in conditions of adversarial criminal proceedings: dis. Doctor of Law. M. : Moscow State Law Academy, 2008. 741 p. (In Russ.)
16. Dyakonova O. G. Expertise in legal proceedings and other types of jurisdictional activities : textbook (workshop). M., 2023. 200 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Латыпов В. С. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Latypov V. S. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научно-практическая статья
УДК 343.985.7:[343.71:656.224](470)

Екатерина Александровна Петрухина
*Белгородский юридический институт МВД Рос-
сии имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия,
p.e.a.86@yandex.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КРАЖ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН, СОВЕРШЕННЫХ В ПАССАЖИРСКОМ ПОДВИЖНОМ СОСТАВЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация. В настоящее время транспорт как отрасль народного хозяйства, выступающая связующим звеном в системе экономических отношений, в том числе связанных с перевозкой пассажиров на железнодорожном транспорте, приобретает особую актуальность. Это обусловливается определенной степенью доступности данного вида транспорта для граждан, безопасностью и удобством поездок. В связи с большим пассажиропотоком лица, имеющие преступный умысел, получают возможность его реализации.

В результате исследования выработаны направления использования специальных знаний в ходе расследования краж личного имущества, совершенных в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта. К таким направлениям автор относит: использование специальных знаний специалистом на этапе доследственной проверки по поступившему сообщению о преступлении, особенностей производства осмотра места происшествия по делам рассматриваемой категории; использование специальных знаний экспертом в ходе производства судебных экспертиз. Каждое из направлений представляет собой конкретную сферу практической деятельности сотрудников правоохранительных органов, совершенствование которых на основе применения специальных знаний позволит повысить эффективность расследования вышепересмотренной категории уголовных дел и процесса установления лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: специальные знания, преступления, пассажирский подвижной состав железнодорожного транспорта, кражи личного имущества пассажиров

Для цитирования: Петрухина Е. А. Использование специальных знаний в ходе расследования краж личного имущества граждан, совершенных в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта // Общества, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 72–78.

Empirical research article

Ekaterina A. Petrukhina
*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russia, p.e.a.86@yandex.ru*

THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF THEFTS OF PERSONAL PROPERTY OF CITIZENS COMMITTED IN PASSENGER ROLLING STOCK OF RAILWAY TRANSPORT

Abstract. Currently, transport as a branch of the national economy, acting as a link in the system of economic relations, including those related to the transportation of passengers by rail, is becoming particularly relevant. This is due to a certain degree of accessibility of this type of transport for citizens, safety and convenience of travel. Due to the large passenger traffic, persons with criminal intent are given the opportunity to implement it.

© Петрухина Е. А., 2024

As a result of the research, the directions of using special knowledge in the investigation of thefts of personal property committed in passenger rolling stock of railway transport have been developed. The author refers to such areas as: the use of special knowledge by a specialist at the stage of a pre-investigation check on the received report of a crime, the specifics of the inspection of the crime scene in cases of the category in question; the use of special knowledge by an expert during forensic examinations. Each of the areas represents a specific area of practical activity of law enforcement officers, the improvement of which, based on the use of special knowledge, will increase the effectiveness of the investigation of the above category of criminal cases and the process of identifying the person who committed the crime.

Keywords: special knowledge, crimes, passenger rolling stock of railway transport, theft of personal property of passengers

For citation: Petrukhina E. A. The use of special knowledge in the investigation of thefts of personal property of citizens committed in passenger rolling stock of railway transport // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 72–78. (In Russ.)

Введение

Существующие в настоящее время общественные отношения, их развитость и разветвленность диктуют объективную необходимость планирования, разработки и постоянного совершенствования способов их урегулирования. На данном этапе развития общества значительное количество технологий, методов и методик позволяют снизить влияние человеческого фактора на результаты деятельности, усовершенствовать подходы к достижению конкретных целей в определенных сферах жизнедеятельности. Социальный прогресс охватывает многие отрасли жизни людей, обуславливая обязательность внедрения новейших достижений науки и техники. Данный процесс затрагивает и одну из наиболее важных сфер общественной жизни – правоохранительную деятельность. В рамках ее реализации уполномоченные государственные органы своевременно и по необходимости обеспечивают использование современных технических устройств, информационных технологий, результатов научных исследований. Стоит отметить, что особенно отчетливо это проявляется в ходе расследования преступлений при использовании специальных знаний сведущих лиц. Помимо этого, стоит отметить важность развития возможностей пассажирского подвижного состава железнодорожного транспорта как отрасли народного хозяйства. Постоянное пользование гражданами данным видом транспорта облегчает возможность преступникам совершения преступлений, в частности, краж

личного имущества. С учетом того, что использование специальных знаний в сфере выявления, раскрытия и расследования преступлений повышает эффективность проводимых органами предварительного расследования процессуальных действий, следует говорить о важности их применения при расследовании и раскрытии рассматриваемой нами категории преступлений [1, с. 3].

Важно отметить значимость пассажирского подвижного состава как одной из отрасли транспортной инфраструктуры. Данная сфера выполняет функции связующего звена и используется для пассажирского сообщения между населенными пунктами и странами, в оборонной и стратегической областях, поэтому предупреждение, эффективность раскрытия и расследования данного вида преступлений имеют особую роль.

Методы

Методологическую базу работы составили общенаучные методы познания: анализ, синтез, дедукция, сравнение, абстрагирование.

Обсуждение

Специальные знания представляют собой одну из правовых категорий, которая используется законодателем в целях регламентации тех или иных аспектов правоприменительной деятельности уполномоченных на то государственных органов. Так, при установлении в нормативных положениях процессуального статуса эксперта как участника уголовного судопроизводства, в частности, в ч. 1 ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(далее – УПК РФ) законодатель использует данную категорию в качестве одной из основных его характеристик: экспертом признается лицо, которое обладает специальными знаниями, назначенное в установленном порядке для производства судебной экспертизы¹. Подобным образом с помощью данной категории регламентируется и процессуальный статус специалиста в ч. 1 ст. 58 УПК РФ. Стоит отметить, что законодатель не дает определение понятию «специальные знания» в нормах закона, что может порождать сложности в уточнении его значения на практике. Исходя из этого, в правовой доктрине, в частности, криминалистики понятие «специальных знаний» стало предметом ряда научных исследований. Так, М. А. Поздняков обращает внимание на характерные специальным знаниям черты [2, с. 159]. Среди них автор выделяет следующие: они не являются общеизвестными, получены в результате профессионального образования и (или) практической деятельности, их содержание сводится к конкретным знаниям в области науки, техники, искусства, ремесла и права. Автор фактически дополняет перечень сфер, в которых, по мнению законодателя, а именно в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», обладают знаниями специалисты и эксперты². А. А. Ярков предлагает определять специальные знания как систему теоретических знаний и практических навыков в той или иной области науки, техники, искусства, ремесла [3, с. 127]. И. И. Трапезникова указывает, что специальные знания – это система научно обоснованных и практически апробированных знаний, теоретического и прикладного характера и специальных умений, используемых сведущими лицами в порядке и целях, установленных уголовно-процессуальным законом [4, с. 6]. Важно отметить

справедливость суждений А. А. Светличного, который указывает, что фактически в правовой доктрине отсутствует ясность в определении сущности специальных знаний, несмотря на некоторую общность научных доводов исследователей в этой области [5, с. 284]. При этом автор отмечает, что каждый исследователь делает акцент на том или ином свойстве специальных знаний, не затрагивая остальные.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что специальные знания представляют собой содержащуюся в нормативных актах Российской Федерации правовую категорию, означающую систему научно обоснованных знаний и проверенных на практике умений и навыков, полученных в ходе профессионального обучения и практической деятельности, используемых уполномоченными лицами в целях выявления, раскрытия и расследования преступлений. Такой подход к определению вышеуказанной категории представляется наиболее целесообразным при исследовании вопроса о ее использовании в ходе расследования краж личного имущества, совершенных в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта (далее – ЖДТ), поскольку проводимые в рамках данного этапа уголовного процесса действия с учетом специфики функционирования пассажирского подвижного состава железнодорожного транспорта, механизма образования следовой информации имеют определенные особенности использования специальных знаний [6, с. 114].

Наиболее целесообразным представляется дифференцированное рассмотрение использования специальных знаний в ходе расследования вышеуказанной группы преступных посягательств, совершенных в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта.

Во-первых, использование специальных знаний осуществляется в ходе собирания

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

первичной криминалистически значимой информации на этапе доследственной проверки. В рамках осмотра места происшествия должностное лицо – специалист – на основе имеющихся у него профессиональных знаний и умений обеспечивает необходимый уровень качества сбора следовой информации, оказывает консультационно-справочное содействие следователю, дознавателю в целях наиболее эффективного собирания первичных следов совершенного деяния. А. Е. Антонов и Д. Н. Рудов справедливо отмечают, что одной из основных причин привлечения специалиста к производству осмотра места происшествия на железнодорожном транспорте, в том числе в случаях, когда объектом осмотра является пассажирский вагон поезда, выступает объективная необходимость использования последним криминалистических и иных средств и методов обнаружения, фиксации и изъятия следовой информации, в том числе с применением имеющихся у него специальных знаний [7, с. 18]. Указанное выше обстоятельство обуславливается тем, что в ходе производства данного следственного действия существует необходимость максимально качественного и оперативного сбора всей имеющейся на месте происшествия следовой информации, ее правильного закрепления в процессуальных документах и изъятия для дальнейших процессуальных действий, том числе производства предварительных исследований и экспертиз.

С учетом особенностей функционирования пассажирского подвижного состава железнодорожного транспорта следователь либо дознаватель должен осуществлять и организовывать весь процесс необходимых мероприятий на месте происшествия, в связи с чем привлечение специалиста позволяет с наибольшей степенью эффективности дифференцировать возложенные на следственно-оперативную группу обязанности по производству доследственной проверки по поступившему сообщению о преступлении или определенных следственных или иных процессуальных действий по уже возбужденному уголовному делу [8, с. 9].

Таким образом, первым направлением использования специальных знаний в ходе расследования вышеуказанной категории уголовных дел является участие специалиста в ходе осмотра места происшествия либо доследственной проверки, в рамках которых данное должностное лицо применяет технико-криминалистические средства и имеющиеся у него специальные знания в целях наиболее качественного сбора, фиксации и изъятия следовой информации, а также оказания содействия следователю либо дознавателю, что в итоге повышает эффективность и оперативность производства всех необходимых для успешного расследования уголовного дела мероприятий.

Во-вторых, в рамках расследования краж личного имущества физических лиц, совершенных в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта, особую актуальность имеет производство тех или иных видов судебных экспертиз [9]. Это вызвано необходимостью применения экспертами линейных подразделений Главного управления на транспорте МВД России их специальных знаний с целью установления тех или иных обстоятельств, имеющих значение для успешного раскрытия и расследования преступлений.

Стоит отметить, что в ходе совершения краж личного имущества в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта в большинстве случаев лица, совершившие преступление, тем или иным образом оставляют на месте совершения преступления следы папиллярных узоров рук, а также иные материальные следы, используемые в ходе получения результатов указанных выше видов судебных экспертиз [10, с. 79].

С учетом особенностей технического устройства современных пассажирских вагонов, используемых в пассажироперевозках на железнодорожном транспорте, значимым для расследования и раскрытия указанной категории преступлений, является то, что их в настоящее время все чаще оснащают камерами видеонаблюдения. В конце 2020 г. Правительство Российской Федерации издало постановление, предписывающее, что

в салонах поездов дальнего следования, а также в тамбурах и технических помещениях до октября 2021 г. в обязательном порядке должна быть произведена установка камер видеонаблюдения¹. В случаях получения информации о совершении неизвестным лицом кражи личного имущества физических лиц в рамках проведения следственных и иных процессуальных действий следователь либо органы дознания вправе получить видеозапись с этих камер видеонаблюдения в целях установления лица, совершившего преступление [11, с. 51]. Посредством производства видеотехнической и портретной судебных экспертиз, в ходе которых экспертами линейных подразделений МВД России на транспорте осуществляется применение специальных знаний в указанных областях науки, возможно установление личности лица, совершившего преступление². В дополнение к доказательственной базе в таких случаях могут приобщаться и результаты портретной экспертизы, в рамках которой с помощью специальных технико-криминалистических средств и методов осуществляется идентификация лица, запечатленного на кадрах записи видеонаблюдения.

Важно отметить, что в ходе как проверки сообщения о преступлении, так и на стадии предварительного расследования особую роль играет получение образцов для сравнительного исследования. В большинстве случаев это обуславливает необходимость участия специалиста, который использует специальные знания в области проведения отдельных видов экспертиз, а также применяет те или иные технико-криминалистические средства, позволяющие выявить, качественно зафиксировать и изъять указанную следовую информацию [12, с. 20].

Таким образом, важным направлением использования специальных знаний в ходе

расследования краж личного имущества, совершенных в пассажирском подвижном составе ЖДТ, является производство тех или иных следственных, процессуальных действий, а также проведение предварительных исследований и судебных экспертиз, результаты которых могут способствовать формированию доказательственной базы в целях эффективного распознавания преступления, его скорейшего раскрытия и установления лица, совершившего преступление [13, с. 40].

Кроме того, использование специальных знаний в ходе расследования рассматриваемой нами категории дел с учетом постоянного развития науки и техники позволяет повышать эффективность производства тех или иных следственных действий и процент раскрытых краж личного имущества, совершенных в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта. Так, О. П. Грибунов справедливо отмечает, что одним из наиболее перспективных направлений использования научно-технических достижений, которые позволяют пополнять и актуализировать имеющиеся у специалистов и экспертов специальные знания, в правоохранительной деятельности является идентификация личности методом ДНК-анализа с последующим формированием ДНК-учетов [14, с. 3]. Кроме того, к таким направлениям следует отнести производство одорологических экспертиз [15, с. 2]. Согласимся с мнением ученого, что в процессе проведения подобных исследований и при расследовании краж личного имущества, совершенных в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта, данные направления использования специальных знаний дают возможности изучения тех или иных следов и методов совершения и сокрытия следов преступления. Данные следы могут быть использованы при сравни-

¹ Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для транспортных средств железнодорожного транспорта : постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1653 (ред. от 12.08.2023) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Статистика Управления Транспорта по Центральному Федеральному Округу МВД России за 12 месяцев 2022 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Transport_2022.pdf (дата обращения: 26.12.2023).

тельном диагностическом или идентификационном исследовании. Такой подход может способствовать повышению эффективности использования специальных знаний в ходе расследования рассматриваемой нами категории дел.

Заключение

В заключение представляется целесообразным отметить, что специальные знания как правовая категория является необходимым элементом системы организации расследования уголовных дел, связанных с кражами личного имущества, совершенными в пасса-

жирском подвижном составе железнодорожного транспорта. Их использование позволяет повысить эффективность поиска, сбора, фиксации и изъятия следовой информации с места происшествия в ходе предварительных и экспертных исследований; устанавливать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, особенно на стадии распознавания преступления, на стадии первоначального этапа расследования; формировать надежную доказательственную базу, которая в последующем позволит изобличить лицо, совершившее преступление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зернаева А. Ю., Помазанов В. В. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования хищений имущества пассажиров, совершаемых на железнодорожном транспорте // Бюллетень науки и практики. 2019. № 3. С. 1–5.
2. Поздняков М. А. Понятие и признаки специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 155–161.
3. Ярков А. А. Понятие «специальные знания»: дискуссионные аспекты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 8-2. С. 126–128.
4. Трапезникова И. И. Специальные знания в уголовном процессе России: понятие, признаки, структура : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск : Юж.-Урал. гос. ун-т. 2004. 22 с.
5. Светличный А. А. К вопросу о дискуссионности понятия «Специальные знания» // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 279–285.
6. Чиненов Е. В., Чернышев С. А. // Повышение мобильности следственно-оперативной группы за счет использования специального транспорта // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1 (35). 114 с.
7. Антонов А. Е., Рудов Д. Н. Об использовании специальных знаний в расследовании преступлений на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 1. С. 17–22.
8. Шукин В. И., Чиненов Е. В., Скоморохов О. Н. Организационные и тактические аспекты осмотра места происшествия при расследовании преступлений, совершенных в пассажирских поездах // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 2. С. 98–101.
9. Грибунов О. П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Вестник ВСИ МВД России. 2016. № 1 (76). С. 1–9.
10. Кудинова Н. С. Актуальные проблемы диагностических исследований при раскрытии и расследовании преступлений // Информационная безопасность регионов. 2017. № 3-4 (28-29). С. 77–82.
11. Самойлов А. В., Пазухина А. О. Понятие и виды преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Провинциальные научные записки. 2020. № 2 (12). С. 50–53.
12. Цуканова О. В. Особенности производства осмотра места происшествия по преступлениям, совершенным в пассажирском поезде // Эксперт–криминалист. 2016. № 1. С. 19–21.
13. Новикова Е. А. Информационное обеспечение производства следственных осмотров на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 1. С. 39–45.
14. Грибунов О. П. Использование ольфакторной информации при раскрытии и расследовании краж личного имущества, совершенных на железнодорожном транспорте // Вестник ВСИ МВД России. 2015. № 2. С. 1–7.
15. Грибунов О. П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте : автореф. дис. ... док. юр. наук. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России. 2016. 54 с.

REFERENCES

1. Zernaeva A. Yu., Pomazanov V. V. Typical investigative situations of the initial stage of investigation of the theft of property of passengers committed on railway transport // Bulletin of science and practice. 2019. No. 3. P. 1–5. (In Russ.)
2. Pozdnyakov M. A. The concept and signs of special knowledge in criminal proceedings / M. A. Pozdnyakov // Actual problems of Russian law. 2015. No. 9. P. 155–161. (In Russ.)
3. Yarkov A. A. The concept of “special knowledge”: discussion aspects // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2021. No. 8-2. P. 126–128. (In Russ.)
4. Trapeznikova I. I. Special knowledge in the criminal process of Russia: concept, signs, structure: abstract of the dissertation.... cand. Law. Chelyabinsk : South Ural State University, 2004. 22 p. (In Russ.)
5. Svetlichny A. A. To the question of the discussion of the concept of “special knowledge” // News of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2012. No. 1-2, P. 279–285. (In Russ.)
6. Chinenov E. V., Chernyshev S. A. // Increasing the mobility of the investigative and operational group due to the use of special transport. Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 (35). 2019. 114 p. (In Russ.)
7. Antonov A. E., Rudov D. N. On the use of special knowledge in the investigation of crimes on railway transport // Problems of law enforcement activity. 2019. No. 1. P. 17–22. (In Russ.)
8. Shchukin V. I., Chinenov E. V., Skomorokhov O. N. //Organizational and tactical aspects of examining crime scene during the investigation of crimes committed in passenger trains. P. 98–101. (In Russ.)
9. Gribunov O. P. Judicial examinations appointed in the investigation of crimes against property committed on transport // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1 (76). P. 1–9. (In Russ.)
10. Kudinova N. S. Actual problems of diagnostic studies in the disclosure and investigation of crimes // Information security of Regions. 2017. No. 3-4 (28-29). P. 77–82. (In Russ.)
11. Samoilov A.V., Pazukhina A. A. Concept and types of crimes committed on railway transport. 2020. No. 2 (12). P. 50–53. (In Russ.)
12. Tsukanova O. V. Features of the inspection of the scene of crimes committed in a passenger train. 2016. No. 1. P. 19–21. (In Russ.)
13. Novikova E. A. Information support for the investigative inspections at Transport and transport infrastructure facilities // Bulletin of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2021. No. 1. P. 39–45. (In Russ.)
14. Gribunov O. P. The use of olfactory information in the disclosure and investigation of theft of personal property committed on a railway transport // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 2. P. 1–7. (In Russ.)
15. Gribunov O. P. Theoretical foundations and applied aspects of disclosure, investigation and prevention of crimes against property committed on transport : abstract of the dissertation of the Doctor of Law. Rostov-on-Don : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 54 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья
УДК 343.13(470)

Валерия Валентиновна Сивораक्षा
*Московский университет МВД России имени
В. Я. Кикотя, Москва, Россия, svaleriya94@
mail.ru*

КЛАССИФИКАЦИИ ПРОДЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Учитывая то, что в некоторых случаях уголовно-процессуальному сроку присуще свойство возможности его продления, автором статьи определены классификации продления установленного законом срока в досудебном уголовном производстве. Выделены различные основания, позволившие объединить случаи продления сроков в отдельные группы, предложенные некоторыми учеными при рассмотрении вопросов, связанных со сроками. В статье названы семь классификационных признаков, на основе которых разработаны соответствующие классификации, позволяющие наглядно увидеть не только множественность прецедентов продления сроков в досудебном уголовном производстве, но и разные подходы законодателя к регламентации такой процессуальной деятельности. Несомненно, что продление процессуальных сроков в досудебном уголовном производстве является весьма важным правовым институтом, обеспечивающим, с одной стороны, достижение целей уголовного судопроизводства, а с другой – соблюдение прав и законных интересов всех его участников.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, процессуальный срок, продление процессуального срока, классификации продления процессуального срока

Для цитирования: Сивораक्षा В. В. Классификации продления процессуального срока в досудебном уголовном производстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 79–86.

Original article

Valeria V. Sivoraksha
*Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow,
Russia, svaleriya94@mail.ru*

CLASSIFICATIONS OF THE EXTENSION OF THE PROCEDURAL TERM IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. Considering that in some cases the criminal procedure term may be extended, the author defines the classifications of extending the period established by law in pre-trial criminal proceedings. Various grounds have been identified that made it possible to combine cases of extension of deadlines into separate groups, including those proposed by some scientists when considering issues related to deadlines. The article mentions seven classification features, on the basis of which appropriate classifications have been developed, which make it possible to clearly see not only the multiplicity of precedents for extending deadlines in pre-trial criminal proceedings, but also different approaches of the legislator to the regulation of such procedural activities. Undoubtedly, the extension of procedural deadlines in pre-trial criminal proceedings is a very important legal institution that ensures, on the one hand, the achievement of the goals of criminal proceedings, and, on the other, the observance of the rights and legitimate interests of all its participants.

Keywords: criminal proceedings, pre-trial proceedings, procedural term, extension of procedural term, classification of extension of procedural term

For citation: Sivoraksha V. V. Classifications of the extension of the procedural term in pre-trial criminal proceedings // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. № 1 (17). P. 79–86. (In Russ.)

© Сивораक्षा В. В., 2024

Введение

С целью защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод уголовно-процессуальная деятельность не может длиться бесконечно. В этой связи важно отметить одно из присущих ей свойств – ограниченность во времени, которая позволяет обеспечить достижение поставленных целей, а также в должной степени гарантировать соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, включая интересы правоохранительных органов и государства.

Такое ограничение во времени выражается через понятие «уголовно-процессуальный срок», которому в науке уделялось и уделяется немало внимания и который характеризуется многочисленными теоретическими подходами к его определению. При формулировке таких теоретических понятий авторы делали акцент на различных свойствах, присущих сроку в процессуальном смысле.

И. М. Алексеев, говоря о возможности исчисления срока, его приостановления, возобновления, восстановления, совершенно справедливо отмечал, что в данном случае уголовно-процессуальный срок «приобретает ряд свойств, не присущих времени» [1]. К одному из таких свойств стоит отнести и продление, поскольку время в общем его понимании продлить невозможно.

Вместе с тем в соответствии с законом не каждый срок может продлеваться. Возможность продления легла в основу классификации уголовно-процессуальных сроков, которая предложена Г. Б. Петровой [2, с. 54–55], И. М. Алексеевым [3, с. 9].

Продление уголовно-процессуальных сроков представляет собой самостоятельный институт, характеризующийся присущими ему отличительными признаками и свойствами, которые ранее являлись предметом исследования автора настоящей статьи [4, с. 190–193]. Для наиболее полного их осмысления, а также уяснения значения са-

мых сроков и их разновидностей через «призму» продления представляется возможной и, на наш взгляд, даже необходимой разработка классификаций продления сроков по различным основаниям.

Методы

В исследовании по обозначенной проблематике использованы следующие методы научного познания: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, систематизация. Это позволило определить основания для классификации продления процессуальных сроков в досудебном уголовном производстве и распределить такие случаи по выделенным группам.

Результаты

Изучением продления срока как правового института занимались ученые и в области других научных дисциплин. Так, А. Д. Завьялов, изучая пролонгацию в сфере юридической деятельности, которую относит к «межотраслевому и межинституциональному правовому явлению», выделяет законную и незаконную пролонгацию. К первой группе автор относит случаи продления срока при применении старого уголовного закона, «действовавшего в момент совершения преступления, в случае, если новым законом ухудшается положение лица, совершившего преступление» [5, с. 138–140]. Согласившись с предложенной классификацией, следует отметить, что указанная выше процедура применения норм, улучшающих положение участников, в уголовном процессе не производится, а применяется такой порядок, который действует на момент совершения того или иного процессуального действия. В связи с этим к числу законного продления относятся все случаи применения норм в строгом соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Соответственно, наоборот, нарушение таких требований влечет за собой незаконность самой процедуры продления.

Приведенный далее перечень в большей степени относится к процессуальным срокам на досудебных стадиях, однако для сохранения логики и последовательности

в процессе уяснения процедуры продления как правовой категории представляется верным провести классификации в определенном порядке. Первая включает в себя виды продления, предусмотренные на всех этапах уголовного процесса.

I. Так, в качестве первого основания классификации предлагается рассмотреть этапы уголовного процесса, на которых продлевается срок: 1) продление сроков в досудебном уголовном производстве; 2) продление сроков в судебном уголовном производстве.

И хотя предметом настоящего исследования является продление сроков на досудебной стадии, данный вид классификации, на наш взгляд, значим для формирования целостного представления об изучаемом явлении.

Первую группу можно разделить на: 1) продление сроков на этапе возбуждения уголовного дела (срока проверки сообщения о преступлении); 2) продление сроков на этапе предварительного расследования (срока предварительного следствия; срока дознания, в том числе в сокращенной форме); срока осмотра предметов и документов, изъятых по уголовным делам в сфере экономики; срока задержания; срока избранной судом меры пресечения; срока временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; срока меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество; срока принятия решения по уголовному делу, поступившему прокурору с обвинительным заключением и обвинительным актом); 3) продление сроков при применении правовых институтов независимо от этапа уголовно-процессуальной деятельности в досудебном уголовном производстве (срока рассмотрения ходатайств; срока рассмотрения жалоб).

Вторая группа подразделяется на: 1) продление сроков при подготовке к судебному заседанию (срока избранной судом меры пресечения; срока временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; срока меры процес-

суального принуждения в виде наложения ареста на имущество); 2) продление сроков на этапе судебного разбирательства (срока избранной судом меры пресечения; срока временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; срока меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество; срока ознакомления с протоколом и аудиозаписью судебного заседания); 3) продление сроков при производстве в суде апелляционной инстанции (срока избранной судом меры пресечения; срока временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях); 4) продление сроков на этапе исполнения приговора (испытательного срока; срока применения принудительных мер медицинского характера).

Согласно данной классификации, виды подлежащих продлению уголовно-процессуальных сроков в двух группах существенно отличаются, кроме того, имеются специфичные для конкретного этапа, присущие только ему, сроки. Вместе с тем имеются и те, которые продлеваются на обоих этих этапах: срок избранной судом меры пресечения; срок временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; срок меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество. В соответствии с требованиями закона перечисленные сроки продлеваются на основании решения суда.

Примечательно в данном случае то, что суд, продлевая одни и те же виды сроков на обоих этапах судопроизводства (хотя и в совершенно отличающихся друг от друга порядках), чаще принимает такое решение на первом этапе. Так, согласно статистическим данным Управления Судебного департамента в г. Москве, за 2022 г. судами общей юрисдикции Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции вынесено 1 722 постановления о продлении срока содержания под стражей, а на досудебных стадиях рассмотрено

26 507 ходатайств о продлении срока указанной меры пресечения. В первом полугодии 2023 г. эти показатели отражают аналогичную тенденцию (713/9659). Такая разница обусловлена в том числе спецификой порядка осуществления данной процессуальной деятельности, регламентированными законом пределами продления, характерными для каждой из стадий, и другими факторами. Тем не менее представленные данные указывают на значимость исследуемой процедуры в досудебном уголовном производстве.

Выделяя возможность продления в качестве основания для классификации уголовно-процессуальных сроков, А. В. Мордвинов подразделяет их на сроки, продлеваемые 1) в отдельных стадиях уголовного процесса; 2) в рамках отдельных процессуальных институтов; 3) в рамках отдельных процессуальных и следственных действий. Однако автор не раскрывает виды сроков и случаи их продления, относящиеся к указанным категориям [6, с. 32].

II. По субъекту продления срока: 1) продление сроков по решению должностных лиц досудебного уголовного производства (прокурора, начальника органа дознания, руководителя следственного органа); 2) продление сроков по решению суда.

В первую группу входят все виды продлений, относящиеся к срокам в досудебном уголовном производстве, за исключением тех случаев, которые относятся к компетенции суда, а именно: продление срока содержания под стражей, домашнего ареста, применения залога, запрета определенных действий, временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, задержания.

III. В зависимости от очередности продления: 1) первоначальные сроки, установленные законом; 2) продленные сроки; 3) предельные сроки.

В основу выделения нами данного классификационного признака легло мнение Г. Б. Петровой о разделении процессуальных сроков на первоначальные, продленные и предельные [2, с. 55]. В качестве примера данным автором предложены сроки содержания под стражей: 2 месяца, 6 и 12 месяцев, 18 месяцев соответственно.

IV. По основаниям продления: 1) продление сроков, когда для этого основания в законе как таковые не выделены (например, ч. 3 ст. 144, ч. 4 ст. 162, ч. 3 ст. 223 УПК РФ)¹; 2) продление сроков при наличии определенных законом оснований (особая сложность расследования уголовного дела, исключительность и т. д.)².

V. По объекту, в отношении которого установлен срок: 1) продление срока, ограничивающего процессуальную деятельность в отношении физических лиц (срока избранной судом меры пресечения; срока временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; срока задержания); 2) продление срока, ограничивающего процессуальную деятельность в отношении имущества и иных предметов (срока меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество; срока осмотра предметов и документов, изъятых по уголовным делам в сфере экономики); 3) продление срока, ограничивающего процессуальную деятельность в целом (срока проверки сообщения о преступлении; срока предварительного следствия; срока дознания; срока принятия решения по уголовному делу, поступившему прокурору с обвинительным заключением; срока рассмотрения ходатайств и жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Рассматривая основание для продления срока в наиболее общем виде как необходимость осуществления дополнительных процессуальных действий, при разработке данной классификации мы имеем ввиду только такие основания, которые прямо указаны в соответствующих статьях УПК РФ.

VI. С внесением изменений в УПК РФ в июне 2023 г.¹ нами выделен еще один критерий классификации, связанный с кругом преступных деяний, определяющих «особый порядок» процедуры продления процессуальных сроков предварительного следствия и меры пресечения в виде заключения под стражу (который в соответствии с отсылочными нормами распространяется и на другие меры пресечения, избираемые по решению суда). В данном виде классификации представляется возможным разделить продление процессуальных сроков на: 1) продление срока предварительного следствия и меры пресечения, избираемой по решению суда, в отношении подозреваемого и обвиняемого за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ; 2) продление срока предварительного следствия и меры пресечения, избираемой по решению суда, в отношении подозреваемого и обвиняемого за совершение преступлений, за исключением предусмотренных ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Различие указанных видов продления процессуальных сроков состоит в порядке их производства, а именно законодатель усилил процессуальные гарантии предпринимателей и иных лиц, чья деятельность подпадает под категорию экономической, установив в качестве субъекта продления срока предварительного следствия до 3 месяцев, а также лица, согласовывающего ходатайство следователя о продлении срока избираемой судом меры пресечения до 6 месяцев, – руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации и иных приравненных к нему руководителей следственного органа, а также их заместителей. В иных случаях указанные решения принимаются (согласовываются) руководителем следственного органа того подразделения, в котором выносятся соответствующее ходатайство о продлении.

Продление срока предварительного следствия, относящееся ко второй группе в данной классификации, возможно разделить

в зависимости от уровня субъекта, в чью компетенцию входит продление срока:

– срок, продлеваемый руководителем следственного органа, в котором расследуется уголовное дело (до 3 месяцев);

– срок, продлеваемый руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их заместителями (до 12 месяцев);

– срок, продлеваемый Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями (свыше 12 месяцев).

VII. Имея предметом изучения уголовно-процессуальные сроки, многие авторы рассматривают соблюдение процессуальных норм о сроках в качестве важнейшей части легитимности уголовно-процессуальной деятельности в целом, а также в качестве гарантии соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства [см. 7–15]. В этой связи особое значение имеет порядок продления срока.

Следует отметить, что законом предусмотрены и такие сроки, которые возможно продлить, однако сама процедура в нем не детализирована. Речь идет о сроках рассмотрения ходатайств (ст. 121 УПК РФ) и жалоб в адрес прокурора и руководителя следственного органа (ст. 124 УПК РФ), в соответствии с которыми ходатайство должно быть рассмотрено и разрешено незамедлительно, а жалоба – в течение 3 суток со дня ее получения. При этом вывод о возможности увеличения установленных сроков стоит сделать исходя из формулировок, содержащих определенные условия и указанный там предельный срок для принятия соответствующих решений. Так, условием увеличения срока «незамедлительного» рассмотрения и разрешения ходатайства до 3 суток является невозможность немедленного принятия решения.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.10.2023).

В случае принятия решения по поданной в порядке ст. 124 УПК РФ жалобе установленный срок возможно увеличить до 10 суток «в исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры». Порядок продления данных сроков определен не Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», при этом нормы УПК РФ не содержат требований к составлению процессуального документа о продлении и указаний о том, кем именно может быть принято такое решение. И вместе с тем закон разрешает увеличение установленных им сроков на определенных условиях, а значит, реализация такой возможности фактически является продлением.

Таким образом, представляется возможным классифицировать продление уголовно-процессуальных сроков по необходимости составления процессуального соответствующего документа: 1) продление сроков с составлением процессуального до-

кумента; 2) продление сроков без составления процессуального документа.

Заключение

Приведенный перечень классификаций не является исчерпывающим, и при детальном рассмотрении процедуры продления отдельных видов процессуальных сроков возможно выделить и иные основания. На наш взгляд, указанные основания, используемые как классификационные признаки, позволяют сделать вывод о множественности случаев продления сроков в досудебном уголовном производстве, о разных подходах законодателя к регламентации такой процессуальной деятельности, а также о том, что продление процессуальных сроков в досудебном уголовном производстве – это весьма важный правовой институт, обеспечивающий достижение целей уголовного судопроизводства и являющийся гарантией обеспечения прав и законных интересов всех его участников. Кроме того, значимость проведенного теоретического исследования усиливает отсутствие в настоящее время каких-либо иных научных разработок в данном направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев И. М. К вопросу о понятии сроков уголовного процесса // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4. С. 50–53.
2. Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 222 с.
3. Алексеев И. М. Правовая регламентация сроков в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. 23 с.
4. Сивораक्षा В. В. Определение понятия продления процессуального срока в досудебном уголовном производстве // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 190–193.
5. Завьялов А. Д. Пролонгация и ее виды в правовом регулировании общественных отношений // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 2 (35). С. 138–140.
6. Мордвинов А. В. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2021. 252 с.
7. Петрова Г. Б. Соблюдение процессуальных сроков как условие допустимости доказательств // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2020. С. 112–115.
8. Якубина Ю. П. Срок расследования как критерий законности при производстве по уголовному делу // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 2019. С. 297–300.

9. Мальцева В. С. Сроки предварительного расследования как гарантия защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Юридический факт. 2018. № 27. С. 39–42.
10. Карпова О. В. Сроки проверки сообщения о преступлении как процессуальная гарантия // Законодательство и практика. 2021. № 2 (47). С. 30–33.
11. Гуляев А. П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М. : Юрид. лит., 1976. 143 с.
12. Нуриев Н. И-о. К вопросу о необходимости дифференциации сроков предварительного следствия в зависимости от категории совершенного преступления // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 10–17.
13. Сокол Р. П. Процессуальные сроки в судебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: правовая регламентация и процессуальные особенности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир : Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2008. 21 с.
14. Головинская И. В., Крестинский М. В., Поликарпова М. Ж. Проблемы реализации отдельных правовых предписаний в свете разумного срока производства по уголовным делам // Вестник НИБ. 2018. № 34.
15. Корепанова Т. Л. Процессуальные сроки как гарантия защиты конституционных прав и свобод личности в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2004. 32 с.

REFERENCES

1. Alekseev I. M. On the issue of the concept of terms of criminal proceedings // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 4. P. 50–53. (In Russ.)
2. Petrova G. B. Terms as an element of legal regulation in criminal proceedings: dis. ... Cand. Law. Saratov, 2004. 222 p. (In Russ.)
3. Alekseev I. M. Legal regulation of terms in the pre-trial stages of the criminal process of the Russian Federation: abstract. dis. ... Cand. Law. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 23 p. (In Russ.)
4. Sivoraksha V. V. Definition of the concept of extending the procedural period in pre-trial criminal proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. P. 190–193. (In Russ.)
5. Zavyalov A. D. Prolongation and its types in the legal regulation of public relations // Bulletin of Vladimir Law Institute. 2015. No. 2 (35). P. 138–140. (In Russ.)
6. Mordvinov A. V. Procedural terms: features of establishing and calculating during a preliminary investigation: dis. ... Cand. Law. Izhevsk, 2021. 252 p. (In Russ.)
7. Petrova G. B. Compliance with procedural deadlines as a condition for the admissibility of evidence // Evidence and proof in criminal proceedings: history, modernity and development prospects: a collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the birth of Tsilya Moiseevna Kaz . Saratov : Saratov State Law Academy, 2020. P. 112–115. (In Russ.)
8. Yakubina Yu. P. The duration of the investigation as a criterion of legality in criminal proceedings // Current problems of the theory and practice of criminal proceedings: collection of materials from the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 297–300. (In Russ.)
9. Maltseva V. S. Timing of the preliminary investigation as a guarantee of the protection of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings // Legal fact. 2018. No. 27. P. 39–42. (In Russ.)
10. Karpova O. V. Time limits for checking a crime report as a procedural guarantee // Legislation and practice. 2021. No. 2 (47). P. 30–33. (In Russ.)
11. Gulyaev A. P. Procedural terms in the stages of initiating a criminal case and preliminary investigation. M. : Legal. lit., 1976. 143 p. (In Russ.)
12. Nuriev N. I-o. On the issue of the need to differentiate the terms of the preliminary investigation depending on the category of the crime committed // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. P. 10–17. (In Russ.)

13. Sokol R. P. Procedural terms in the judicial stages of criminal proceedings in the Russian Federation: legal regulation and procedural features: abstract of thesis. dis. ... Cand. Law. Vladimir : Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2008. 21 p. (In Russ.)

14. Golovinskaya I. V., Krestinsky M. V., Polikarpova M. Zh. Problems of implementing certain legal regulations in the light of a reasonable period of production in criminal cases // Bulletin of the National Research Library. 2018. No. 34. (In Russ.)

15. Korepanova T. L. Procedural deadlines as a guarantee of the protection of constitutional rights and personal freedoms in Russian criminal proceedings: abstract of thesis. dis. ... Cand. Law. Izhevsk : Udmurt State University, 2004. 32 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.10.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 24.10.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья
УДК 338.1/3–001.897(470)

Расул Узбекович Гусманов¹, Рустем Раисович Субхангулов²

¹ Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, 757121@mail.ru

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, 55671@rambler.ru

ВЫБОР ВИДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы экономического роста отраслей экономики России, который позволит сократить ресурсы на производство товаров, работу и услуги или повысить производительность труда в организации. Применение ресурсосберегающей техники и технологий возможно за счет внедрения инноваций. Анализируются внешние и внутренние риски при выборе предпринимателем вида экономической деятельности. Установлено, что земельные ресурсы при условии их рассредоточенности в меньшей степени представлены наукоемкими производствами, что открывает возможности для внедрения инноваций, также имеются резервы по увеличению доли организаций, осуществляющих технологические инновации. Внедрение инноваций возможно за счет привлечения кредитов, обслуживание которых требует сопоставления рентабельности выбранного вида экономической деятельности с процентной ставкой по заемным средствам. Представлен механизм сглаживания стоимости сырья во времени за счет изменения налогов.

Ключевые слова: инновации, экономический рост, производительность труда, рентабельность, предприниматель, ресурсы

Для цитирования: Гусманов Р. У., Субхангулов Р. Р. Выбор вида экономической деятельности для возможности внедрения инноваций // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 87–94.

Original article

Rasul U. Gusmanov¹, Rustem R. Subkhangulov²

¹ Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, 757121@mail.ru

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Ufa, Russia, 55671@rambler.ru

CHOOSING A TYPE OF ECONOMIC ACTIVITY FOR THE POSSIBILITY OF INNOVATION

Abstract. The article discusses the issues of economic growth of sectors of the Russian economy, which will reduce resources for the production of goods, work and services or increase labor productivity in the organization. The use of resource-saving equipment and technologies is possible through the introduction of innovations. External and internal risks are analyzed when an entrepreneur chooses a type of economic activity. It has been established that land resources, provided they are dispersed, are less represented by high-tech industries, which opens up opportunities for innovation; there are also reserves for increasing the share of organizations that carry out technological innovations. The introduction of innovation is possible by attracting loans, the servicing of which requires comparing the profitability of the selected type of economic activity with the interest rate on borrowed funds. A mechanism for smoothing the cost of raw materials over time due to changes in taxes is presented.

Keywords: innovation, economic growth, labor productivity, profitability, entrepreneur, resources

For citation: Gusmanov R. U., Subkhangulov R. R. Choosing a type of economic activity for the possibility of innovation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 87–94. (In Russ.)

Введение.

Выбор вида экономической деятельности перед начинающим предпринимателем стоит всегда достаточно остро. В экономике всегда «сиюминутную» прибыль приносили такие виды деятельности, как перепродажа товаров, оказание услуг и реализация подакцизных товаров, в частности, алкоголя и табака. Оценка своих возможностей начинающим предпринимателем строится в первую очередь на его личном трудовом участии с минимальным привлечением наемных работников и вложении накоплений для формирования активов индивидуальной предпринимательской деятельности [1, с. 277].

Методы

Методологическую основу работы составили общенаучные методы познания: анализ, синтез, сравнение.

Результаты.

Перед созданием организации Предприниматель рассчитывает возможные риски, в том числе ликвидацию выбранного вида деятельности и организации. Не многие предприниматели задумываются и оценивают международные риски, которые могут повлиять негативно на экономику организации [2, с. 28]. Международные риски, в том числе новая коронавирусная инфекция, возникли перед многими предпринимателями неожиданно, без соответствующего прогноза развития событий и создания соответствующей финансовой подушки.

Новая коронавирусная инфекция, как показало время, повлияла на экономику России, что привело к кризисному состоянию, стагнации рынка оказания услуг и нарушению логистики многих отраслей [3, с. 2]. Предприниматели для сохранения капитала начали направлять ресурсы в отрасли и производства с уверенным ростом, такие

как фармацевтическая промышленность, цветная металлургия, агропромышленный комплекс и др.¹ Уверенный экономический рост в динамике показали те отрасли, которые использовали инновации в своей предпринимательской деятельности или же отложенные затраты во времени, например, сельское хозяйство (средства на выращивание озимых культур организации вкладывают в осенний период, закрывая финансовый год, а результаты труда получают на следующий год летом).

Для начинающего предпринимателя «сиюминутная» прибыль, а также объем стартового капитала для формирования средств производства и возможность выйти на рынок становятся основным критерием при выборе вида предпринимательской деятельности. Сформированный рынок как место реализации характеризуется слабым развитием альтернативных возможностей, т. к. начинающим предпринимателям сложно конкурировать с уже имеющимися участниками рынка, которые заняли большую долю определенной сферы [4, с. 75]. Выход на рынок для начинающего предпринимателя возможен только при помощи инноваций в предпринимательской деятельности и создании цепочки производства сырья – переработка – реализация на рынке, т. е. формировании большей добавленной стоимости, а не ее части через перепродажу товара или реализацию произведенного сырья.

Инновации как инструмент экономического роста позволяют сократить затраты на единицу произведенной продукции, т. е. сэкономить ресурсы или увеличить производительность труда [5, с. 306]. Применение инноваций возможно за счет высокопроизводительной техники и технологий, которые отсутствуют у прямых конкурентов [6, с. 112].

¹ Ткачев И. Эксперты назвали отрасли с самым быстрым ростом доходов за время пандемии // РБК консалтинг: интернет-портал. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/06/2021/60acf5b79a79477861863b1b?from=copy> (дата обращения: 25.01.2024).

Среди основных факторов производства доступным для начинающего предпринимателя является наличие земельных ресурсов. Земля, по К. Марксу, – это неограниченная природа. Отрасли, которые связаны с землей – сельское и лесное хозяйство [7, с. 828]. Земельные ресурсы как фактор производства могут быть как благом, так и условием стагнации развития экономики. Особенностью Российской Федерации является наличие большого количества земельных ресурсов и лесного фонда [8, с. 227]. Промышленные центры, необходимые для роста экономики, рассредоточены по стране и представлены городами [3, с. 5]. Особенностью города является то, что заложенные еще в советское время научные школы, открывающие научные знания, необходимые для инноваций, представлены вузами и Научно-исследовательскими институтами, которые могут внедрить результаты научного поиска в производство [9, с. 160]. На землях сельскохозяйственного назначения и лесного фонда слабо представлены наукоемкие производства для интенсификации производства и привлечения инноваций, вследствие чего создаваемый товар представлен низкой добавленной стоимостью [10, с. 79]. Особенностью привлечения инноваций на земли

то, что жизненный уклад населения, проживающего на данных землях представляется традиционным [11, с. 328]. В традиционном укладе у населения обычаи и жизненные устои основаны на тех привычках и особенностях жизнедеятельности, при которых характерно отрицание нового, передового. В связи с этим людям необходимо разъяснять, в чем состоит эффективность инноваций.

Рассредоточенность промышленных центров создает условия для развития торговли [12, с. 65]. Продажи основаны не на реализации произведенной продукции, а на перепродаже, которая предполагает наличие низкоквалифицированного труда, а не применение высокотехнологичных производств.

В прогрессивной экономике, которая формирует экономический рост, необходимы производства и организации, основанные на инновациях. Проведем оценку удельного веса организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций в Российской Федерации, по видам экономической деятельности (таблица 1)¹.

По данным таблицы 1 можно отметить, что за анализируемый период с 2018 по 2022 г. рост доли организаций, осуществ-

Таблица 1

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций в Российской Федерации, по видам экономической деятельности

Вид экономической деятельности	Годы					В среднем за период
	2018	2019	2020	2021	2022	
Всего в экономике	19,8	21,6	23,0	23,0	22,8	22,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8,2	7,7	9,4	11,3	10,5	9,4
Добыча полезных ископаемых	9,0	9,7	9,5	10,3	10,0	9,7
Обрабатывающие производства	27,9	28,0	29,2	28,5	27,7	28,3
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	7,7	9,3	10,9	9,3	8,6	9,2
Строительные, специализированные и прочие работы, не включенные в другие группировки	10,2	9,1	8,4	11,1	11,1	10,0

сельскохозяйственного назначения является

влявших технологические инновации, по-

¹ Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, в общем чис-

Вид экономической деятельности	Годы					В среднем за период
	2018	2019	2020	2021	2022	
Научные исследования и разработки	79,6	77,8	80,1	78,7	78,4	78,9
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги	15,5	20,8	23,0	23,2	24,6	21,4
Деятельность в сфере телекоммуникаций	15,8	18,9	19,4	18,1	18,8	18,2
Деятельность в области информационных технологий	9,4	12,3	12,1	13,8	13,5	12,2

казали такие виды деятельности, как разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги (+9 %); деятельность в области информационных технологий (+4,1 %); деятельность в сфере телекоммуникаций (+3 %); сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (+2,3 %); добыча полезных ископаемых (+1 %); обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха и строительные, специализированные и прочие работы, не включенные в другие группировки (+0,9 %). Кроме того, наблюдалось сокращение: научные исследования и разработки (-1,2 %) и обрабатывающие производства (-0,2 %). Данные показатели в среднем за период с 2018 по 2022 г. свидетельствуют о том, что не во всех видах экономической деятельности осуществляется внедрение инноваций, при этом и наибольшую долю, несмотря на сокращение, занимают научные исследования и разработки (78,9 %) и обрабатывающие производства (28,3 %).

Для внедрения инноваций требуется оценка прогнозируемой финансово-хозяйственной деятельности и ожидаемого ре-

зультата в виде рентабельности и прибыли [13, с. 647]. Предприниматель, вкладывая в приобретение инноваций, ожидает получить большую прибыль в сравнении с конкурентами, однако выбор вида экономической деятельности зависит от финансовых возможностей на начальном этапе формирования активов организации. Внедрение инноваций позволяет изменить эффективность финансово-хозяйственной деятельности. Значения рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) по видам экономической деятельности (в процентах) представлены в таблице 2¹.

Из таблицы 2 видно, что показатели рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) по видам экономической деятельности за пять лет (с 2018 по 2022 г.) по всей экономике увеличились на 3,5 %. Стабильный рост за анализируемый период показали следующие виды экономической деятельности: по операциям с недвижимым имуществом (+6,6 %), обрабатывающие производства (+4,3 %), оптовая и розничная торговля (+3,5 %), строительство (+2,3 %), добыча полезных ископаемых (+2 %), образование (+1,3 %), обеспечение электрической энергией, газом и паром, конди-

ле обследованных организаций (с 2010 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 25.01.2024).

¹ Финансы России. 2020 : статистический сборник // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/aKW33VFk/finans_2020.pdf. (дата обращения: 25.01.2024); Финансы России. 2022 : статистический сборник // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Finans_2022.pdf. (дата обращения: 25.01.2024); Российский статистический ежегодник. 2023 : статистический сборник // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegendnik_2023.pdf (дата обращения: 25.01.2024).

**Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг)
по видам экономической деятельности) (в процентах)**

Вид экономической деятельности	Годы					В среднем за период
	2018	2019	2020	2021	2022	
Всего в экономике	10,7	10,8	9,4	14,7	14,2	12,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	17,8	17,2	22,5	28,4	19,8	21,1
Добыча полезных ископаемых	31,4	28,0	21,9	35,5	31,2	29,6
Обрабатывающие производства	12,0	11,5	11,6	16,2	16,3	13,5
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	8,5	8,9	8,3	9,4	9,7	12,0
Строительство	3,9	4,5	4,2	5,1	6,2	4,8
Оптовая и розничная торговля	5,1	5,2	4,2	7,8	8,6	6,2
Деятельность профессиональная, научная и техническая	12,5	13,2	13,6	13,1	12,7	13,0
из нее: научные исследования и разработки	9,3	8,7	7,6	4,4	1,5	6,3
Образование	2,8	3,3	5,7	3,4	4,1	3,9
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	18,0	18,1	21,8	28,1	24,6	12,0
Деятельность в области информации и связи	11,7	11,9	12,5	11,1	11,1	12,0

онирование воздуха (+1,2 %), деятельность профессиональная, научная и техническая (+0,2 %). Сокращение рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) показали такие виды экономической деятельности, как научные исследования и разработки (+7,8 %), деятельность в области информации (+0,6 %) и добыча полезных ископаемых (+0,2 %).

Необходимо отметить, что в большинстве случаев предприниматели используют инновации как готовый продукт, при этом на их приобретение требуются кредитные ресурсы. Обслуживание процентной ставки привлеченных кредитных ресурсов влияет на сокращение рентабельности (таблица 3)¹.

Особенностью окупаемости инноваций является длительный срок, по которому требуется обслуживать кредитные ресурсы [14, с. 196]. По данной причине не все пред-

приниматели рискуют внедрять инновации в финансово-хозяйственную деятельность. Отметим, что, выбирая вид экономической деятельности, необходимо сопоставлять рентабельность с обслуживаемыми кредитными ресурсами.

Для формирования предпринимательской идеи, которая основана на производстве продукции, а не на «сиюминутной» прибыли в виде перепродажи товаров, необходимо создать условия, при которых затраты предпринимателя во времени особо не изменялись. Стабильное развитие экономики основано на постоянных ценах на энергоносители в рамках внутреннего рынка, низкой процентной ставке по кредитам, субсидируемых из государства затратах на приобретение инновационной техники и технологий и гарантируемых рынках сбыта. Кроме того, оно зависит от вырав-

¹ Процентные ставки по кредитам нефинансовым организациям в рублях по разделам ОКВЭД2 // Центральный банк Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/#a_87346 (дата обращения: 25.01.2024).

нивания доходов организаций, осуществляющих технологические инновации за счет налогов, уплачиваемых в бюджет, т. е. за счет налогового регулирования. Необходимо сглаживать и дифференцировать доходы как во времени, так и в доле затрат на уплату налогов (рисунок 1).

Заключение

Внедрение механизма сглаживания стоимости сырья во времени за счет изменения налогов позволит предпринимателям, осуществляющим технологические инновации, стабильно развивать экономику своего предприятия.

Таблица 3

Средневзвешенные процентные ставки по предоставленным кредитам на срок свыше 1 года, выданным нефинансовым организациям (на конец года; процентов годовых)

Вид деятельности заемщика	Годы			
	2019	2020	2021	2022
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	6,54	5,21	4,92	5,86
Добыча полезных ископаемых	9,02	8,13	8,48	12,47
Обрабатывающие производства	9,00	7,18	7,25	8,84
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	9,09	7,45	7,68	11,53
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	10,00	8,53	9,44	12,74
Строительство	10,59	8,79	8,51	10,81
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	10,04	8,54	8,84	12,33
Деятельность в области информации и связи	9,23	7,93	8,53	8,74
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	10,19	8,21	8,02	10,62
Деятельность профессиональная, научная и техническая	10,14	7,90	7,86	9,81
Образование	12,54	10,11	10,29	11,71
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	10,61	8,67	8,18	10,40
Итого по всем кредитам	9,32	7,56	7,80	10,11

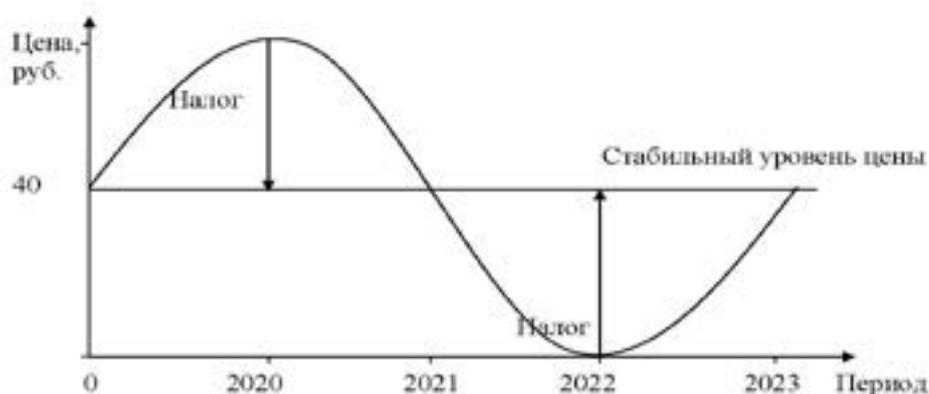

Рис. 1. Сглаживание стоимости сырья во времени за счет изменения налогов

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гусманов Р. У., Гриднева О. В., Субхангулов Р. Р. Человеческий капитал как условие формирования инновационной экономики // Евразийский юридический журнал. 2023. № 9 (184). С. 277–278.
2. Субхангулов Р. Р. К вопросу о проблемах формирования инновационного потенциала организаций // Качество. Инновации. Образование. 2017. № 12 (151). С. 28–33.
3. Семин А. Н., Гусманов Р. У., Черногор И. А., Субхангулов Р. Р. Уровневая модель продовольственной безопасности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2023. № 5. С. 2–8.
4. Тукаева Ф. А. Эффективность государственной поддержки крупного и среднего агробизнеса в Республике Башкортостан // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 2 (14). С. 75–80.
5. Субхангулов Р. Р. Инновации как фактор устойчивого развития региона // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2017. № 1-2. С. 306–310.
6. Кашапов И. А., Каримов Х. Т., Урманов В. Г. Применение информационных технологий при конструировании техники // Фундаментальные основы механики. 2022. № 10. С. 112–115.
7. Маркс К. Капитал : [в 4 томах] / перевод с немецкого И. И. Степанова-Скворцова. Ленинград : 2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР, 1951. Т. III. Книга III. 1081 с.
8. Черногор И. А. Перспективные направления развития экспорта инновационных товаров в России // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. Т. 10. № 2. С. 227–234.
9. Субхангулов Р. Р. К вопросу о решении проблем внедрения инноваций // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 7. С. 160–162.
10. Айдагулова А. Р. Медиакультура как показатель социально-культурного развития личности // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 1 (13). С. 79–82.
11. Тукаева Ф. А. Оценка состояния интенсификации в сельскохозяйственных предприятиях Республики Башкортостан // Евразийский юридический журнал. 2023. № 10 (185). С. 328–330.
12. Стовба Е. В., Низамов С. С. Моделирование как эффективный инструмент экономического развития агроорганизаций // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С. 65–70.
13. Низамов С. С. Значение и задачи инновационного развития в целях экономической безопасности национальной экономики // Санкт-петербургские встречи молодых ученых : сборник материалов I Всероссийского конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней. Санкт-Петербург, 2023. С. 647–652.
14. Гусманов Р. У., Стовба Е. В. Моделирование развития сельских территорий как направление стабильного функционирования АПК // Никоновские чтения. 2023. № 28. С. 192–196.

REFERENCES

1. Gusmanov R. U., Gridneva O. V., Subkhangulov R. R. Human capital as a condition for the formation of an innovative economy // Eurasian Legal Journal. 2023. No. 9 (184). P. 277–278. (In Russ.)
2. Subkhangulov R. R. On the issue of the problems of forming the innovative potential of organizations // Quality. Innovation. Education. 2017. No. 12 (151). P. 28–33. (In Russ.)
3. Semin A. N., Gusmanov R. U., Chernogor I. A., Subkhangulov R. R. Level model of food security // Economics of agricultural and processing enterprises. 2023. No. 5. P. 2–8. (In Russ.)
4. Tukaeva F. A. Efficiency of state support for large and medium-sized agribusiness in the Republic of Bashkortostan // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 2 (14). P. 75–80. (In Russ.)
5. Subkhangulov R. R. Innovation as a factor in the sustainable development of the region // Bulletin of the Faculty of Management of St. Petersburg State Economic University. 2017. No. 1-2. P. 306–310. (In Russ.)
6. Kashapov I. A., Karimov Kh. T., Urmanov V. G. Application of information technologies in the design of equipment // Fundamental principles of mechanics. 2022. No. 10. P. 112–115. (In Russ.)
7. Marx K. Capital: [in 4 volumes] / translation from German by I. I. Stepanov-Skvortsov. Leningrad : 2nd printing house “Printing Yard” named after A. M. Gorky Glavpoligraphizdata under the Council of Ministers of the USSR, 1951. T. III. Book III. 1081 p. (In Russ.)

8. Chernogor I. A. Prospective directions for the development of export of innovative goods in Russia // Current problems of law and state in the XXI century. 2018. Т. 10. No. 2. P. 227–234. (In Russ.)
9. Subkhangulov R. R. On the issue of solving problems of innovation implementation // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2018. No. 7. P. 160–162. (In Russ.)
10. Aidagulova A. R. Media culture as an indicator of socio-cultural development of the individual // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 1 (13). P. 79–82. (In Russ.)
11. Tukaeva F. A. Assessment of the state of intensification in agricultural enterprises of the Republic of Bashkortostan // Eurasian Legal Journal. 2023. No. 10 (185). P. 328–330. (In Russ.)
12. Stovba E. V., Nizamov S. S. Modeling as an effective tool for the economic development of agricultural organizations // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 4 (16). P. 65–70. (In Russ.)
13. Nizamov S. S. The importance and objectives of innovative development for the purposes of economic security of the national economy // St. Petersburg meetings of young scientists : collection of materials of the 1st All-Russian Congress of Adjuncts, Postgraduate Students and Applicants for Academic Degrees. St. Petersburg, 2023. P. 647–652. (In Russ.)
14. Gusmanov R. U., Stovba E. V. Modeling the development of rural areas as a direction for the stable functioning of the agro-industrial complex // Nikon readings. 2023. No. 28. P. 192–196. (In Russ.)

Информация об авторах:

Гусманов Р. У. – доктор экономических наук, профессор;
Субхангулов Р. Р. – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors:

Gusmanov R. U. – Doctor of Economy, Professor;
Subkhangulov R. R. – Candidate of Economy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.02.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 25.02.2024; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья
УДК 316.4:61(470)

Юлия Владимировна Мигунова
Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Научный центр изучения социального развития региона, Уфа, Россия, migunovayuv@isi-rb.ru

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию общественного здоровья, понимаемого как свойство популяции, обеспечивающее демографическое развитие, максимально возможную продолжительность жизни и трудовую активность населения. В соответствии с этим произведен выбор статистических показателей, характеризующих состояние здоровья населения Республики Башкортостан. Анализ на основе данных показателей выявил, что в период 2019–2023 гг. рост смертности в трудоспособном возрасте, снижение ожидаемой продолжительности жизни, в том числе невысокий рост продолжительности здоровой жизни, а также рост числа случаев временной нетрудоспособности по причинам, связанным с болезнями органов дыхания, инфекционными заболеваниями, обусловлены влиянием пандемии COVID-19 на здоровье жителей региона. Установлено, что высокие значения смертности от отравления алкоголем в поселенческом и гендерном разрезах, а также в трудоспособном возрасте указывают на социальные проблемы, существующие в сфере общественного здоровья Башкортостана. Определено, что разница в значениях ожидаемой продолжительности жизни среди регионов Приволжского федерального округа служит маркером, показывающим региональные диспропорции в качестве жизни населения и состоянии его здоровья.

Ключевые слова: общественное здоровье, регион, смертность населения в трудоспособном возрасте, смертность от отравления алкоголем, ожидаемая продолжительность жизни, продолжительность здоровой жизни

Для цитирования: Мигунова Ю. В. Общественное здоровье как комплексный показатель качества жизни населения региона (на примере Республики Башкортостан) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 95–104.

Original article

Yulia V. Migunova
Institute of Strategic Studies of Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Scientific Center for the Study of Social Development of the Region, Ufa, Russia, migunovayuv@isi-rb.ru

**PUBLIC HEALTH AS A COMPREHENSIVE INDICATOR OF THE QUALITY
OF LIFE OF THE REGIONAL POPULATION
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)**

Abstract. The article is devoted to the study of public health, understood as a property of a population that ensures demographic development, the maximum possible life expectancy and labor activity of the population. In accordance with this, a selection of statistical indicators was made that characterize the health status of the

population of the Republic of Bashkortostan. An analysis based on these indicators revealed that in the period 2019–2023. An increase in mortality in working age, a decrease in life expectancy, including a low increase in healthy life expectancy, as well as an increase in the number of cases of temporary disability for reasons related to respiratory diseases and infectious diseases are due to the impact of the COVID-19 pandemic on the health of residents of the region. It has been established that high mortality rates from alcohol poisoning in the context of settlement and gender, as well as in working age, indicate social problems existing in the sphere of public health of Bashkortostan. It has been determined that the difference in life expectancy values among the regions of the Volga Federal District serves as a marker showing regional disparities in the quality of life of the population and its health status.

Keywords: public health, region, mortality of the working age population, mortality from alcohol poisoning, life expectancy, healthy life expectancy

For citation: Migunova Yu. V. Public health as a comprehensive indicator of the quality of life of the regional population (on the example of the Republic of Bashkortostan) // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 95–104. (In Russ.)

Введение

Здоровье является важной характеристикой человеческого капитала, трудового потенциала. Это тот ресурс общества, благодаря которому ускоряется социально-экономическое развитие государства¹. Взаимосвязь индивидов и общества особенно ярко проявляется в плане здоровья. Индивидуальное здоровье определяет реализацию интересов и целей каждого отдельного человека, его социальные роли и задачи. Общественное здоровье, в свою очередь, характеризует здоровье групп, проживающих на определенной территории [1]. Оно также воздействует на индивидуальное здоровье через образ жизни человека или группы людей, представляя собой медико-социальный ресурс, потенциал общества, необходимый для развития государства.

Понятие «общественное здоровье» рассматривается в науке с различных позиций. Так, например, Ю. П. Лисицын, В. А. Медик, Г. Э. Улумбекова в русле медицинского подхода трактовали этот концепт как медико-демографическую и социальную категорию, отражающую психофизическое и социальное благополучие населения территории, взаимодействующего между собой в рамках определенных социальных групп (возрастных, половых, социальных, профессиональных) [2; 3].

С позиции экономики общественное здоровье исследуется как медико-социальный

и экономический ресурс, качество и ценность которого измеряется совокупностью демографических и медико-статистических показателей. При этом уровень последних обусловлен состоянием условий жизни населения, являющегося объектом инвестиций [4; 5].

С позиции психологической науки в традиционное понятие общественного здоровья предлагалось включить такой важный компонент, как духовное (психологическое) здоровье, определяемое совокупностью установок, ценностных ориентаций и мотивов поведения людей в обществе, то есть всего, что характеризует человека как личность. Психологическое понимание общественного здоровья в определенной степени сближается с его социологической трактовкой тогда, когда речь заходит о нарушениях психологического здоровья, возникших вследствие негативных изменений социальной среды (аномия, социализация, деградация культурных ценностей), которые, в свою очередь, приводят к возникновению личностей с аномальным асоциальным поведением девиантного типа. Увеличение распространенности таких типов в популяции расценивается как нарушение не только психологического, но и общественно-го здоровья в целом и, соответственно, как снижение жизнеспособности общества [6; 7].

Социологический аспект проблематики

¹ Отслеживание достижения всеобщего охвата услугами здравоохранения: глобальный доклад о мониторинге 2023 г. Резюме // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/375089/9789240080454-rus.pdf?sequence=1> (дата обращения: 21.12.2023).

общественного здоровья представлен в таком относительно новом направлении обществоведения, как социология медицины. Именно эта дисциплина, по мнению современных исследователей, поможет в изучении сложной системы факторов общественного здоровья в масштабе регионов и отдельных групп населения. Также она позволит лучше понять социальную обусловленность здоровья и функции здравоохранения. Важной исходной предпосылкой в развитии социологической концепции общественного здоровья является институциональный подход, ориентированный на изучение общественного здоровья как социального института, а следовательно, на описание его функций как социального института [8; 9].

А. В. Фомина, А. В. Бреусов, В. А. Чирков, Р. А. Бреусов считают, что понятие «общественное здоровье» не раскрывает всю полноту концепции здоровья населения. С точки зрения авторов, необходимо говорить о социальном здоровье, поскольку в их интерпретации «социальное» не тождественно «общественному». Социальное здоровье по своей сути не является общественным, так как это сложный феномен, который проявляется на всех уровнях социальной организации общества [10; 11].

Между тем общественное здоровье некоторыми исследователями понимается как неотъемлемый элемент социальной структуры общества. Иными словами, общественное здоровье, в том числе представленное структурами здравоохранения, его институтами, выступает в тесной взаимосвязи с самим социальным строем. В этом случае совокупный пациент, взаимодействующий с институтами здравоохранения по поводу сохранения и укрепления своего здоровья, представляет собой население определенной территории, характеризуемое половозрастной, профессиональной структурой, этническим происхождением и теми социальными ролями, которые им выполняются [12].

Эта позиция наиболее близка нашему пониманию общественного здоровья с той только разницей, что данное явление неразрывно связано с демографическими процессами, играющими определяющую роль в оценке его динамики.

Таким образом, общественное здоровье понимается как свойство популяции, обеспечивающее демографическое развитие, максимально возможную продолжительность жизни и трудовую активность большинства населения [13].

Актуальные проблемы в сфере общественного здоровья легли в основу мероприятий и целевых показателей Федерального проекта «Укрепление общественного здоровья», который направлен на сохранение и укрепление физического и психоэмоционального здоровья населения, повышение его социального благополучия. Важными целями данного проекта являются рост ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 г., а также создание и развитие соответствующей инфраструктуры, способствующей формированию здорового образа жизни и профилактике заболеваемости населения. В качестве целевых показателей в Федеральном проекте использовались такие индикаторы, как розничные продажи алкогольной продукции на душу населения, смертность женщин в возрасте 16–54 лет, смертность мужчин в возрасте 16–59 лет, обращаемость в медицинские организации по вопросам здорового образа жизни, темпы прироста первичной заболеваемости ожирением, число случаев временной нетрудоспособности, а также розничные продажи сигарет и папирос на душу населения¹.

Методы

В качестве метода исследования применялся анализ официальных статистических данных, опубликованных на сайте Росстата и в его статистических сборниках. В соответствии с Федеральным проектом «Укрепление общественного здоровья» (далее – Про-

¹ Федеральный проект «Укрепление общественного здоровья» // Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooхранenie/zozh> (дата обращения: 12.02.2024).

ект) были выбраны некоторые показатели, по нашему мнению, отвечающие цели оценки уровня общественного здоровья в Республике Башкортостан. К ним относятся: смертность трудоспособного населения республики, взятая в соответствии с целевыми показателями Проекта (смертность женщин в возрасте 16–54 лет, смертность мужчин в возрасте 16–59 лет); смертность населения от отравления алкоголем, перекликающаяся с показателем розничной продажи алкогольной продукции на душу населения; ожидаемая продолжительность жизни при рождении, в том числе ожидаемая продолжительность здоровой жизни, перекликающаяся с целью Проекта – увеличение ожидаемой продолжительности жизни россиян до 78 лет, а также показатель числа случаев временной нетрудоспособности – в полном соответствии с вышеназванным Проектом. Данные показатели отражают динамику демографических процессов обследуемой территории, характеризуя общественное здоровье ее населения.

Результаты

Смертность трудоспособного населения отражает численность умерших в трудоспособном возрасте женщин 16–54 лет и мужчин 16–59 лет. Как показали статистические данные Росстата, в Республике Башкортостан до 2020 г. наблюдалась позитивная динамика сокращения смертности трудоспособного населения. Так, например, в период 2012–2019 гг. этот показатель снизился на 20,1 % (с 640,6 умерших на 100 000 чел. соответствующего возраста в 2012 г. до 511,7 в 2019 г.). С 2020 г. во многом из-за эпидемии COVID-19 наблюдался рост показателя смертности населения на 5,1 % к 2021 г. (с 2020 г. 611,3 чел. на 100 000 чел. до 642,2 чел. в 2021 г.)¹.

Также данный показатель был достаточно высок и в Приволжском федеральном округе (650,4). Судя по данным, пред-

ставленным за 2021 г. в этом федеральном округе, самые высокие значения смертности трудоспособного населения фиксировались в Ульяновской области (725,7), Пермском крае (711,3) и Оренбургской области (709,5). Наименьшее значение смертности трудоспособных регистрировалось в Республике Татарстан – 526,5. Это практически в 1,2 раз ниже, чем среднее значение по Приволжскому федеральному округу. На наш взгляд, данная ситуация связана с высоким уровнем и качеством жизни населения Татарстана, что также отражается на общественном здоровье как на индикаторе социально-экономического развития территории. По-прежнему очень высокие, но ниже всех среди регионов Приволжского федерального округа показатели смертности трудоспособных наблюдались в Удмуртской Республике (622,1) и в Республике Мордовии (623,5). В Республике Башкортостан смертность трудоспособного населения была на 8,2 пункта ниже среднего показателя по своему федеральному округу².

Как выяснилось, качество жизни воздействует на уровень общественного здоровья не меньше, чем пандемия. Поэтому особое значение в исследовании качества жизни во взаимосвязи с общественным здоровьем играет показатель смертности населения от внешних причин, в частности, от алкогольных отравлений. Поскольку смертность трудоспособных особенно высока в Республике Башкортостан, то необходимо проследить изменения этого негативного тренда именно на примере региона [14].

За последние десять лет проблемы алкоголизации с различной степенью влияли на уровень общественного здоровья в регионе. Особенно сильно они обострились в период 2015–2017 гг. и стабилизировались к 2021 г. Употребление алкоголя является деструктивной стратегией жизни и нередко становится фактором, приводящим к летальному исходу, высокая смертность по причине

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 : статистический сборник. М. : Росстат, 2022. 1122 с.

отравления алкоголем отражает проблемы развития общества и его человеческого капитала.

В Башкортостане смертность от отравления алкоголем снизилась на 78,1 % в период 2012–2021 гг., однако вызывает тревогу разница в количестве подобных смертей между городским и сельским населением. Так, за 2021 г. среди городского населения республики 0,8 чел., а среди сельского – 2,5 чел. на 100 000 населения умерли от алкогольного отравления, что говорит об усиливающейся проблеме алкоголизации села вследствие комплекса различных социально-экономических и социально-культурных причин.

Официальные статистические данные подтверждают гендерную предрасположенность описываемого показателя: смертность от отравления алкоголем в разы чаще наблюдается у мужчин, чем у женщин (смертность мужчин в 2012 г. была в 6 раз выше, чем у женщин; в 2015 г. – почти в 5 раз, в 2018 г. – в 4 раза выше) (рис. 1). Необходимо отметить, что средний удельный вес смертей мужчин республики за описываемый период от отравления алкоголем за этот же период составил 9,6 % от количества всех смертей мужчин от внешних причин по региону. Таким образом, мы наблюдаем сохранение и воспроизводство традиционно сложившихся социальных практик злоупотребления ал-

коголем среди населения республики.

Также было выявлено, что наиболее частые случаи смерти от отравления алкоголем отмечены среди трудоспособного населения. Так, за период 2012–2021 гг. средний удельный вес всех смертей от отравления алкоголем среди трудоспособного населения республики составил 5,4 % от общего количества всех смертей от внешних причин, в то время как средний удельный вес смертей от алкоголя среди всего населения – 2,8 %¹.

В целом, несмотря на общую картину нисходящего тренда смертности от алкоголя, существует значительная разница в проявлении показателя между различными категориями населения. Особенно важной проблемой, нарушающей устойчивость социального развития республики, является сохранение высоких значений показателя смертности от отравления алкоголем среди трудоспособного населения, что негативно сказывается на общественном здоровье республики.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении выступает обобщающей характеристикой уровня смертности во всех возрастах. Значения этого показателя в регионе находятся в прямой взаимосвязи с уровнем общественного здоровья, представляя собой один из главных его индикаторов.

В Приволжском федеральном округе значения ожидаемой продолжительности

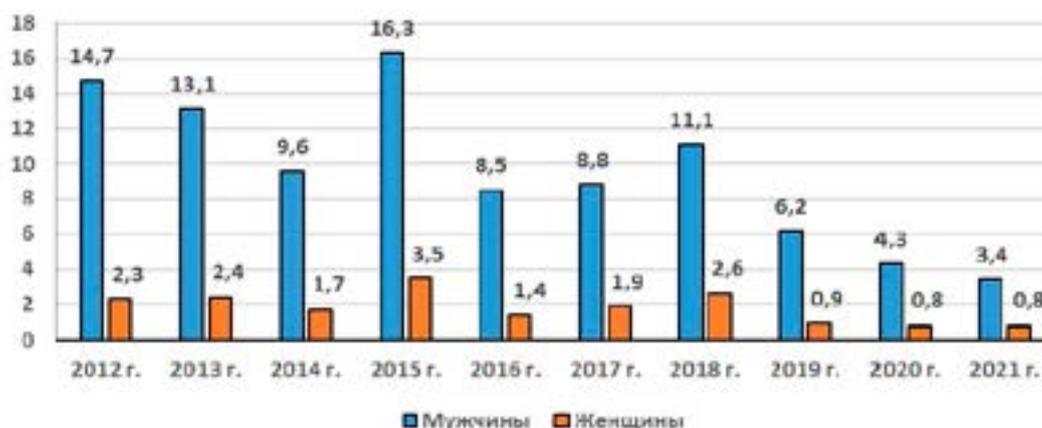

Рис. 1. Смертность мужчин и женщин в Республике Башкортостан от отравления алкоголем, на 100 000 населения соответствующего возраста, 2012–2021 гг.

¹ Смертность населения Республики Башкортостан : статистический сборник. Уфа : Башкортостанстат, 2022. 116 с.

жизни в целом повторяли общероссийские тенденции: в период 2012–2021 гг. наблюдалась позитивная динамика роста обследуемого индикатора на 4,5 %. В этот период данный федеральный округ занимал пятое место в рейтинге регионов по обследуемому показателю. С 2019 по 2021 гг. значения ожидаемой продолжительности жизни в Приволжском федеральном округе ухудшились, что послужило причиной того, что он опустился на шестое место: ожидаемая продолжительность жизни сократилась на 4,7 %. Практически во всех субъектах Приволжского федерального округа в 2021 г., исключая республики Мордовию и Татарстан, значения ожидаемой продолжительности жизни были ниже среднероссийского, в том числе и в Башкирии (69,49 лет).

Рассмотрим, как проявил себя показатель ожидаемой продолжительности жизни россиян в гендерном разрезе на примере Республики Башкортостан. Период 2012–2021 гг. характеризовался увеличением ожидаемой продолжительности жизни мужчин на 6,2 % (с 63,34 лет в 2012 г. до 67,26 в 2021 г.). Те же позитивные тенденции отмечались и по показателю ожидаемой продолжительности жизни женщин: по республике он увеличился на 3,2 % (с 75,53 года в 2012 г. до 77,96 в 2021 г.)¹.

Тем не менее отрицательная динамика снижения ожидаемой продолжительности жизни в период 2012–2021 гг. наблюдалась в Республике Башкортостан как у мужчин, так и у женщин. Так, например, данный показатель у мужчин в этот период сократился на 3,4 % (с 67,26 лет в 2019 г. до 64,85 в 2021 г.), практически достигнув значений 2016 г. (65,33 года), что также указывает на проблемы, существующие в сфере общественного здоровья. Если исследовать негативную динамику в оценке ожидаемой продолжительности жизни у женщин, то обнаружится, что она характеризовалась снижением показателя на 4,8 % (с 77,96 лет в 2019 г. до 74,19 в 2021 г.). Его значение в 2021 г. в женской группе было одно из самых низких на протяжении последних десяти лет (рис. 2)².

Такой статистический показатель, как ожидаемая продолжительность здоровой жизни, показывает, сколько лет предстоит прожить человеку в здоровом состоянии [15]. Как показал анализ данных Росстата, наибольшее снижение ожидаемой продолжительности здоровой жизни в Башкортостане произошло в 2019–2021 гг. В этот период ее минимальное значение фиксировалось в 2022 г. на уровне 55,9 лет, что было закономерно связано с последствиями

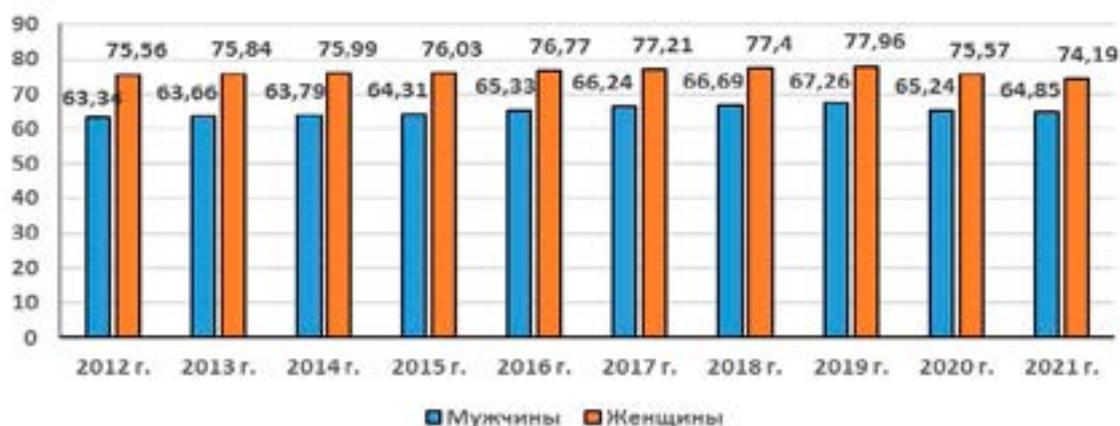

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в Республике Башкортостан, число лет, 2012–2021 гг.

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

² Смертность населения Республики Башкортостан : статистический сборник. Уфа : Башкортостанстат, 2022. 116 с.

пандемии COVID-19, унесшей жизни более 144 тыс. чел. в России только за 2020 г.¹

Показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни может быть полезен для исследования внутрирегиональной дифференциации общественного здоровья. В таблице 1 представлены регионы Приволжского федерального округа с максимальным и минимальным значением данного показателя в 2023 г.²

Как видно из таблицы 1, разрыв между регионами Приволжского федерального округа по показателю ожидаемой продолжительности здоровой жизни достиг внушительных значений. Так, например, в 2023 г. разрыв в продолжительности здоровой жизни между Кировской областью и Республикой Татарстан увеличился на 24,5 %, между Самарской областью и Республикой Марий Эл – на 14,9 %.

Рассмотрим число случаев временной нетрудоспособности населения Республи-

ки Башкортостан как показатель уровня общественного здоровья территории. В нашем распоряжении оказались статистические данные, характеризующие причины временной нетрудоспособности населения региона за период 2019–2021 гг. Итак, исходя из данных официальной статистики, за обследуемый период количество подобных эпизодов выросло на 42,7 % (с 762 747 случаев в 2019 г. до 1 088 310 в 2021 г.). Более того, самый высокий процент в плане прироста показателя нетрудоспособности фиксировался по таким заболеваниям, как болезни органов дыхания – 81,7 % (с 216 466 случаев в 2019 г. до 393 405 в 2021 г.), некоторые инфекционные и паразитарные болезни 64,9 % (с 9 026 случаев в 2019 г. до 14 882 в 2021 г.), болезни нервной системы 25,8 % (с 36 115 случаев в 2019 г. до 45 441 в 2021 г.). Тем не менее наблюдалась и противоположная тенденция снижения количества эпизодов нетрудоспособности по

Таблица 1

Наибольшие и наименьшие значения ожидаемой продолжительности здоровой жизни в регионах Приволжского федерального округа в соотношении с его средним значением в 2023 г., число лет

<i>Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в Приволжском федеральном округе 62,05</i>	
<i>Максимальные значения ожидаемой продолжительности здоровой жизни</i>	
Республика Татарстан	68,31
Самарская область	63,42
Республика Мордовия	63,2
Оренбургская область	62,59
Саратовская область	62,53
<i>Минимальные значения ожидаемой продолжительности здоровой жизни</i>	
Чувашская Республика – Чувашия	61,51
Удмуртская Республика	61,41
Нижегородская область	61,14
Пермский край	59,86
Республика Башкортостан	59,79
Пензенская область	57,2
Ульяновская область	56,79
Республика Марий Эл	55,18
Кировская область	54,87

¹ Росстат подсчитал смертность от COVID-19 в 2020 году // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210611/koronavirus-1736688570.html> (дата обращения: 15.01.2024).

² Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

некоторым заболеваниям, таким, например, как болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм (–29,3 %), с 2 880 случаев в 2019 г. до 2 035 в 2021 г.; ишемическая болезнь сердца (–16,6 %), с 9 722 случаев в 2019 г. до 8 111 в 2021 г.; цереброваскулярные болезни (–8,2 %), с 11 370 случаев в 2019 г. до 10 437 в 2021 г.

Снижение числа случаев нетрудоспособности по беременности, родам и в послеродовой период зафиксировалось на уровне 21,7 % (с 27 900 случаев в 2019 г. до 21 837 в 2021 г.). Убыль показателя также обнаружилась и по позиции «отпуск по беременности и родам (дородовой и послеродовой отпуск)» с 30 142 случаев в 2019 г. до 25 107 в 2021 г.¹

Заключение

Необходимо сделать некоторые выводы, касающиеся оценки современного состояния общественного здоровья, которое понимается в русле демографического развития как свойство народонаселения территории, характеризующее максимально возможной продолжительностью жизни и трудовой активностью. В контексте такого понимания общественного здоровья был выбран ряд показателей, иллюстрирующих его современное состояние.

1. На основе информационных данных Росстата по Республике Башкортостан за последние десять лет наблюдалась позитивная динамика значений ряда показателей, характеризующих состояние здоровья населения региона в период 2012–2019 гг.: сокращение смертности трудоспособного населения на 20,1 %; рост ожидаемой продолжительности жизни населения при рождении на 4,8 %. Позитивные тенденции общественного здоровья в республике были преломлены в 2020 г., о чем свидетельствует значительное ухудшение вышеупомянутых показателей: в период 2019–2021 гг. смертность населения в трудоспособном возрасте выросла на 25,5 %; ожидаемая продолжи-

тельность жизни снизилась на 4,3 %. Самое низкое значение продолжительности здоровой жизни в Республике Башкортостан за период 2019–2023 гг. было зафиксировано в 2022 г. – 55,9 лет. В первую очередь, негативные тренды общественного здоровья в регионе объясняются влиянием пандемии COVID-19, охватившей мир в 2020–2023 гг. (только 5 мая 2023 г. Всемирная организация здравоохранения объявила о завершении режима чрезвычайной ситуации, введенного в январе 2020 г. в связи с распространением новой коронавирусной инфекции)². Наибольший подъем заболеваемости COVID-19 в России отмечался в период 2020–2021 гг., что, собственно, и вызвало ухудшение значений обследуемых показателей на уровне региона, а соответственно, и общего уровня общественного здоровья в России.

2. Смертность населения от отравления алкоголем в Башкортостане за изучаемый период характеризовалась нисходящим трендом (на 78,1 % по отношению к 2021 г.). Однако в ходе анализа показателя в поселенческом и гендерном разрезе наблюдалась существенная разница среди городского (в 2021 г. – 0,8 чел. на 100 000 населения) и сельского (в 2021 г. – 2,5) населения, а также среди мужчин (в 2021 г. – 3,4) и женщин (в 2021 г. – 0,8) региона. Это указывает как на низкий уровень и качество жизни жителей села, злоупотребляющих алкоголем, на проблемы общественного здоровья, существующие в сельской местности, так и на то, что в структуре мужской смертности от внешних причин в Республике Башкортостан отравление алкоголем занимает одно из ведущих мест. Более того, в среднем удельный вес всех смертей от отравления алкоголем среди трудоспособного населения республики за период 2012–2021 гг. от общего количества смертей от внешних причин составил 5,4 %, что на 2,6 % больше, чем средний удельный вес смертей от алкоголя среди всего населения региона (2,8 %). Эти расчеты также подтверждают то, что большинство смертей от

¹ Здравоохранение в Республике Башкортостан : статистический сборник. Уфа : Башкортостанстат, 2022. 143 с.

² История пандемии COVID-19 // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17688039> (дата обращения: 18.01.2024).

отравления алкоголем приходится именно на трудоспособное население республики.

3. Разница в значениях ожидаемой продолжительности жизни среди регионов Приволжского федерального округа (в 2023 г. между Кировской областью и Республикой Татарстан она достигала 24,5 %, между Самарской областью и Республикой Марий Эл – 14,9 %) служит маркером, показывающим диспропорции и неравенство не только в качестве жизни населения территории регионов, но и в сфере общественного здоровья.

4. В Республике Башкортостан число случаев временной нетрудоспособности увеличилось на 42,7 %. При этом наиболее высокий процент прироста фиксировался по таким заболеваниям, как болезни органов дыхания, некоторые инфекционные и паразитарные болезни, а также болезни нервной системы. Специфика причин нетрудоспособности еще раз подчеркивает

высокую заболеваемость населения республики, связанную с пандемией COVID-19 в этот период. Кроме того, рост числа случаев временной нетрудоспособности по причине заболеваемости нервной системы в том числе связан с неудовлетворительным психоэмоциональным здоровьем жителей республики. Наоборот, снижение количества случаев временной нетрудоспособности по таким патологиям, как ишемическая болезнь сердца, цереброваскулярные болезни говорит об определенных успехах в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями и болезнями системы кровообращения. Однако снижение случаев нетрудоспособности по беременности, родам и в послеродовой период, а также в связи с отпуском по беременности и родам, на наш взгляд, указывает на проблемы с рождаемостью, характерные не только для Республики Башкортостан, но и для Российской Федерации в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лисицын Ю. П. Концепция факторов риска и образа жизни // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2014. № 3. С. 49.
2. Дербенев Д. П. Общественное здоровье и здравоохранение как наука и направление практической деятельности : учебно-методическое пособие для самостоятельной работы аспирантов. М., 2023. 26 с.
3. Улумбекова Г. Э., Медик В. А. Новое издание национального руководства «Общественное здоровье и здравоохранение» // *ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучения. Вестник ВШОУЗ*. 2021. Т. 7. № 4 (26). С. 5–6.
4. Быкова А. В., Солодухин К. С. Теоретические предпосылки возникновения и развития понятия общественного здоровья как объекта инвестиций // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2020. Т. 16. № 9. С. 1765–1779.
5. Тагаева Т. О., Казанцева Л. К. Общественное здоровье и реформа здравоохранения в России // *Мир новой экономики*. 2019. Т. 13. № 4. С. 126–134.
6. Лещенко Я. А. К вопросу об эволюции понятия «общественное здоровье» // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2019. № 27 (1). С. 14–17.
7. Егорышев С. В. Тенденции и особенности преступности как деструктивной формы социальной девиации в современной России // *Вестник ВЭГУ*. 2018. № 4 (96). С. 23–35.
8. Ершов Е. В. Общественное здоровье как объект социологии: рецензия на книгу В. А. Медика, А. М. Осипова «Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ» // *Контроль над табаком и общественное здоровье в Восточной Европе*. 2013. № 3 (1). С. 51–55.
9. Решетников А. В. Социальный институт медицины (часть 1) // *Социология медицины*. 2018. Т. 17. № 1. С. 4–11.
10. Фомина А. В., Бреусов А. В., Чирков В. А., Бреусов Р. А. Категория «социальное здоровье населения» в общественном здоровье и здравоохранении // *Вестник РУДН. Сер. Медицина*. 2013. № 1. С. 106–111.
11. Корчагин В. П. Здоровье населения. Здравоохранение в России // *Российский экономический журнал*. 2007. № 2. С. 41.
12. Баженов А. М. Социология здравоохранения : учебное пособие. М., 2015. 271 с.
13. Шабунова, А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика : монография. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.

14. Столь А. В. Мотивы трезвого образа жизни и меры по его распространению: итоги социологического исследования // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6. № 3. С. 96–116.
15. Синдяшкіна Е. Н. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в контексте Десятилетия здорового старения ООН. Анализ и прогноз // *Журнал ИМЭМО РАН*. 2022. № 1. С. 40–53.

REFERENCES

1. Lisitsyn Yu. P. Concept of risk factors and lifestyle // *Healthcare of the Russian Federation*. 2014. No. 3. P. 49. (In Russ.)
2. Derbenev D. P. Public health and healthcare as a science and area of practical activity : an educational and methodological manual for independent work of graduate students. M., 2023. 26 p. (In Russ.)
3. Ulumbekova G. E., Medic V. A. New edition of the national manual «Public Health and Healthcare» // *Health Organization: news, opinions, training. GSHOM Bulletin*. 2021. Т. 7. No. 4 (26). P. 5–6. (In Russ.)
4. Bykova A. V., Solodukhin K. S. Theoretical prerequisites for the emergence and development of the concept of public health as an object of investment // *National interests: priorities and safety*. 2020. Vol. 16. No. 9. P. 1765–1779. (In Russ.)
5. Tagaeva T. O., Kazantseva L. K. Public health and healthcare reform in Russia // *World of New Economics*. 2019. Т. 13. No. 4. P. 126–134. (In Russ.)
6. Leshchenko Ya. A. On the question of the evolution of the concept of «public health» // *Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2019. No. 27 (1). P. 14–17. (In Russ.)
7. Egoryshev S. V. Trends and features of crime as a destructive form of social deviation in modern Russia // *Vestnik VEGU*. 2018. No. 4 (96). P. 23–35. (In Russ.)
8. Ershov E. V. Public health as an object of sociology: review of the book by V. A. Medica, A. M. Osipova «Public health and healthcare: medical and sociological analysis» // *Tobacco control and public health in Eastern Europe*. 2013. No. 3 (1). P. 51–55. (In Russ.)
9. Reshetnikov A. V. Social Institute of Medicine (part 1) // *Sociology of Medicine*. 2018. Т. 17. No. 1. P. 4–11. (In Russ.)
10. Fomina A. V., Breusov A. V., Chirkov V. A., Breusov R. A. Category «social health of the population» in public health and healthcare // *Bulletin of RUDN University. Ser. Medicine*. 2013. No. 1. P. 106–111. (In Russ.)
11. Korchagin V. P. Population health. Healthcare in Russia // *Russian Economic Journal*. 2007. No. 2. P. 41. (In Russ.)
12. Bazhenov A. M. *Sociology of healthcare : textbook*. M., 2015. 271 p. (In Russ.)
13. Shabunova A. A. *Population health in Russia: state and dynamics : monograph*. Vologda : ISEDT RAS, 2010. 408 p. (In Russ.)
14. Stol A. V. Motives for a sober lifestyle and measures to promote it: results of a sociological study // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6. No. 3. P. 96–116. (In Russ.)
15. Sindyashkina E. N. Healthy life expectancy in the context of the UN Decade of Healthy Aging. Analysis and forecast // *Journal of IMEMO RAS*. 2022. No. 1. P. 40–53. (In Russ.)

Информация об авторе:

Мигунова Ю. В. – кандидат социологических наук.

Information about the author:

Migunova Yu. V. – Candidate of Sociology.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 21.03.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научно-теоретическая статья
УДК 101.1:316.2Ушинский

**Виталий Юрьевич Бельский¹,
Андрей Львович Золкин²**

^{1, 2} *Московский университет МВД России имени
В. Я. Кикотя, Москва, Россия*

¹ *v.belskiy@bk.ru*

² *az20042004@mail.ru*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К. Д. УШИНСКОГО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Аннотация. В статье рассматривается культурно-просветительский проект К. Д. Ушинского. Этот проект в целом имеет культурно-антропологический и социокультурный характер, он содержательно раскрывается в трех основных формах: социально-антропологической теории гражданского общества, философии образования, нацеленной на осмысление важнейших проблем формирования национальной школы и педагогической антропологии как методологической основы педагогической науки и практики. Важнейшим принципом этого проекта является сочетание культурной традиции и социальных новаций Нового времени – гражданского общества, модернизации хозяйственной деятельности и широкого использования науки.

Ключевые слова: просвещение, социокультурный проект, образование, педагогика, культура, народность, антропология, человек

Для цитирования: Бельский В. Ю., Золкин А. Л. Социокультурный проект просвещения К. Д. Ушинского: история и современность (к 200-летию со дня рождения) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 105–112.

Theoretical research article

Vitaliy Yu. Belskiy¹, Andrey L. Zolkin²

^{1, 2} *Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. J. Kikot, Moscow,
Russia*

¹ *v.belskiy@bk.ru*

² *az20042004@mail.ru*

SOCIOCULTURAL EDUCATION PROJECT OF K. D. USHINSKY: HISTORY AND MODERNITY (FOR THE 200TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

Abstract. The article discusses the cultural and educational project of K. D. Ushinsky. This project as a whole has an anthropological character and is meaningfully revealed in three main forms: the socio-anthropological theory of civil society, the philosophy of education aimed at understanding the most important problems of the formation of a national school and pedagogical anthropology as the methodological basis of pedagogical science. The most important principle of this project is the combination of cultural tradition and social innovations of Modern times – civil society, modernization of economic activity and the widespread use of science.

Keywords: enlightenment, socio-cultural project, education, pedagogy, culture, nationality, anthropology, man

For citation: Belskiy V. Yu., Zolkin A. L. Sociocultural education project of K. D. Ushinsky: history and modernity (for the 200th anniversary of his birth) // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 105–112. (In Russ.)

Введение

В 2024 году исполняется 200 лет со дня рождения замечательного русского ученого Константина Дмитриевича Ушинского (1824–1870) – создателя российской педагогической науки. В справочной литературе присутствуют некоторые расхождения по поводу года его рождения, указываются как 1823 г., так и 1824 г. Подобная путаница связана с определенными обстоятельствами рождения ученого. К. Д. Ушинский появился на свет 19 февраля (2 марта по новому стилю) 1824 г. в тихой провинциальной Туле. Метрического свидетельства составлено не было, крестивший его священник соответствующих документов своевременно не оформил, потом о них забыл, а затем и сам скончался. Отцу новорожденного Дмитрию Григорьевичу Ушинскому метрика сына длительное время вообще была без надобности, поскольку никакого практического значения в ней он не видел. По делам службы Дмитрий Григорьевич скитался по городам и селениям обширной империи, был постоянно занят и вспомнил о метрике сына очень и очень нескоро – почти через десять лет, да и то лишь потому, что настало время отдавать его в гимназию [1, с. 40].

В 1833 г. Дмитрий Григорьевич вернулся в Тулу и, по-видимому, не без известной доли ловкости договорился: годом рождения и крещения сына Константина считать не 1824 г., а 1823 г., что консисторией и было удостоверено. Обстоятельства смены дат были по-житейски вполне понятными и приемлемыми: Константина определили в гимназию на год раньше, не дожидаясь, пока ему исполнится требуемых 10 лет. Разумеется, настоящая дата его рождения в семье была всем известна. Затем, уже после окончания гимназии, были продолжение учебы в Московском университете, поиск призвания, служба, первые научные публицистические опыты, годы подвижнических научных занятий и, наконец, всероссийская известность и даже слава [2].

Лев Николаевич Модзалевский, педагог и соавтор по «Родному слову», в афористической форме выразил общее понимание жизни и деятельности Константина Дми-

триевича: «Ушинский – это наш народный педагог, так же как Пушкин – наш народный поэт, Ломоносов – первый народный ученый, Глинка – народный композитор, а Суворов – народный полководец».

Является ли подобная характеристика исчерпывающей? Только ли народный педагог? Разумеется, нет. Однако более широкого понимания деятельность К. Д. Ушинского все же не получила: историки русской философии и общественной мысли внимания ему практически не уделяли, представители педагогической науки отдавали ему должное в исторической ретроспективе, хотя содержание его педагогических идей мало соответствовало советской и постсоветской школе. В целом К. Д. Ушинский – почитаемый ученый, признанный основоположник российской педагогической науки, но внимание философов к нему зачастую просто перекрывалось его более знаменитыми философскими современниками. Так, даже В. В. Зеньковский, в своих педагогических размышлениях учитывавший идеи К. Д. Ушинского, в «Истории русской философии» особого места для него не нашел [3]. Эта традиция сохраняется и поныне, например, в содержательной и объемистой «Истории русской философии» И. И. Евлампиева о К. Д. Ушинском нет даже упоминания [4].

К. Д. Ушинский был не только педагогом, но также экономистом, общественным деятелем, патриотом, гражданином, мыслителем, разработавшим свою программу культурного развития страны. Поиск конструктивного пути движения России, минуя крайности революционного радикализма и охранительной лояльности, составляет одну из важнейших особенностей его личностного целеполагания, практической мотивации жизни и концептуального понимания смысла его деятельности. К. Д. Ушинский – прежде всего глубокий мыслитель, создатель философских оснований развития педагогической науки в перспективе становления и развития самобытной российской цивилизации. Таким образом, цель данного исследования состоит в философской интерпретации деятельности и научного наследия

К. Д. Ушинского как создателя социокультурного проекта русского Просвещения, который пришел на смену ограниченной и во многом подражательно-имитационной просветительской программы XVIII в.

Методы

Основным методом исследования является философская герменевтика, поскольку в качестве объекта выступают оригинальные тексты К. Д. Ушинского, соответственно, целью является их философская интерпретация в двух основных контекстах: биографическом и социокультурном.

Результаты

К. Д. Ушинский – просветитель в широком культурном значении этого слова, он прежде всего человек мировоззренческой идеи и нравственного выбора. Служение отечеству – главный принцип его жизни, определяющий логику мышления, особенности судьбы и характер принятых практических решений. Педагогическая работа К. Д. Ушинского в практическом и теоретическом аспектах была производной от его просветительской позиции и философского осмысления основных задач развития России, от его способа разрешения проблемы национального, а в перспективе и цивилизационного развития страны.

Первый шаг на этом пути он сделал как экономист и юрист – профессор камеральных наук Демидовского Ярославского лицея. Термин «камеральные науки» (камералистика) в XVIII–XIX вв. использовался для обозначения знаний, необходимых для управления государственным имуществом и получения доходов от местной промышленности. Поставив перед собой задачу трансформации средневековой по своей сути камералистики в отрасль знания, соответствующую особенностям нового времени, К. Д. Ушинский (кстати, фактически отказавшийся от профессорской карьеры в Московском университете) построил теорию хозяйства, гражданского общества и государства. Если бы не возникли определенные препятствия для работы в этом направлении, он мог бы стать известным экономистом, возможно, даже основоположником новой российской камералистики, тем

более, что сочетал эту науку с глубоким интересом к изучению местной хозяйственной жизни Ярославской губернии.

Речь «О камеральном образовании» занимает в наследии ученого особое место, поскольку демонстрирует разнообразие и полноту его социально-философских воззрений, а также первое систематическое проявление его самостоятельной мысли. В ней представлена система взглядов, в которой целостным образом описывается и трактуется вся история человечества как процесс естественного развития, составной частью которой является и сфера политической экономии [5].

Заложенная в этой модели системная матрица послужила основанием для дальнейшей работы уже в сфере философии образования, которую он начинает рассматривать не в узких дидактических границах, а в широкой культурно-просветительской перспективе. Несмотря на то, что упомянутая работа являлась результатом усилий еще молодого ученого, она представляла собой попытку создания эволюционной модели развития человечества и в этом отношении она выгодно отличается как от западных призывов подражать Европе, так и от славянофильской идеализации допетровской Руси. Если эту работу дополнить уже более поздними исследованиями национальных школ, то ее можно рассматривать как предтечу теории исторических типов Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885) – основоположника цивилизационного подхода к истории и, кстати, человека широких практических интересов [6]. В этом практическом подходе, сочетаемом с научной методологией, – одно из важных отличий поколения К. Д. Ушинского от усадебной и университетской полемики западников и славянофилов.

Переход от камералистики к проблематике образования был обусловлен как давлением внешних обстоятельств, так и формированием личных предпочтений и установок К. Д. Ушинского. Здесь также оказал влияние стиль его подхода к делу, к любой проблеме: сочетание научной методологии и практических решений. Его научная основательность часто становилась причиной разногласий и

недопониманий со стороны тех, кто ждал, прежде всего, доступности, легкости, понятности публицистических материалов или практических решений.

К. Д. Ушинский был уверен в том, что русская национальная школа отличается оригинальностью и самобытностью, она отвечает духу самого народа, его ценностям, потребностям и национальной культуре России, применительно к которой он выделил три основных принципа воспитания: народность, христианскую духовность и науку. Связывая цель воспитания с исторически сложившимся в России христианско-православным идеалом совершенства, он полагал, что лучшие черты русской народности рождены православием [7]. В статье «О нравственном элементе в русском воспитании» ученый высказал мысль об органической связи педагогики и религии, полагая, что современная русская педагогическая мысль выросла полностью на христианской почве [8]. Он пришел к выводу о том, что основания воспитания и цель его, а следовательно, и главное его направление различны у каждого народа и определяются народным характером, тогда как педагогические частности могут свободно переходить и часто переходят от одного народа к другому. Отсюда следует необходимость для каждого народа разработки своей собственной системы воспитания.

Важнейшая тема К. Д. Ушинского – народность, одна из центральных проблем общественной мысли России XIX века. Так, в отличие от понимания народности у консерваторов, отгораживающихся с помощью идеи национальной исключительности от всего мира, и революционных демократов, отказывающихся высшим сословиям в принадлежности к народу, у К. Д. Ушинского идея народности присутствует как открытая, интегрирующая национальная идея. Ушинский говорит о народности применительно не только к низшему сословию, но и в отношении образованных слоев общества.

Основой педагогической антропологии становится специфическая социокультурная антропология, опирающаяся на идею

народности. Причем это касалось не только России. К. Д. Ушинский был уверен, что при всей внешней схожести немец, англичанин, француз, американец понимают под воспитанием различные вещи и ставят перед ним различные цели и задачи. Механическое перенесение системы образования из одной страны в другую не может привести к нравственному результату, из этого следует только путаница умов и разложение нравов. Задача национального воспитания заключается в том, чтобы, учитывая особенности народного характера, найти способ соединения нравственного идеала с конкретным человеком.

Искусство воспитания, утверждал К. Д. Ушинский, опирается на данные антропологических наук, комплексное знание о человеке, который живет в семье, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине со своей совестью. Все это совершенно необходимо знать учителю, поэтому для подготовки таких учителей нужна была новая система педагогического образования. К. Д. Ушинский предлагал создать в каждом университете педагогический факультет, где изучался бы человек во всех проявлениях его природы, и эти знания прилагались бы к искусству воспитания. Антропологические знания в широком смысле слова дают возможность правильно, с учетом особенностей формирования и развития психики и физиологических особенностей развития определить содержание обучения и формы его организации.

Таким образом, центральная тема культурно-просветительского проекта Ушинского – антропологическая (одна из главных тем русской философии XIX в.), но раскрываемая тремя основными способами: социально-антропологической теорией гражданского общества, философией образования, нацеленной на осмысление важнейших проблем формирования национальной школы, а в этом контексте – нравственного и трудового воспитания, и педагогической антропологии как методологической основой педагогической науки. Важнейший принцип этого проекта – сочетание культурной традиции,

опирающейся на православие и народность, и социальных новаций Нового времени – гражданского общества, модернизации хозяйственной деятельности и широкого использования науки.

Итак, мы видим, что К. Д. Ушинский был просветителем в широком социокультурном смысле, а попытка ограничить его личность педагогикой начальных классов ошибочна. Он действительно имел некую склонность и даже предпринимал попытки найти себе место учителя младших классов, но этой мечте не суждено было осуществиться, во всяком случае полнокровно. Парадоксальным образом и современники ждали от него, прежде всего, работ по методике и дидактике начального образования, а он пытался приучить педагогическую общественность к чтению серьезной переводной литературы, причем не только по педагогике, но и по философии и науке. Русское дворянство не стремилось учиться в университете, предпочитая более простой вариант лицея. Парадокс в том, что в русской культуре статус лицея был весьма высок, по-видимому, из-за поэтического гения А. С. Пушкина, и успешные карьеры лицеистов принято приветствовать, но не сложно увидеть некую ненормальность в том, что высшие должности в стране занимают люди без университетского образования. К. Д. Ушинский постоянно боролся за истинно университетский уровень преподавания первоначально камеральных, а затем и педагогических дисциплин.

Просветителем К. Д. Ушинский был особым, фактически в его воззрениях мы наблюдаем синтез просветительства и почвенничества. В XIX веке ядром нового этапа просвещения становится поиск национального самосознания и самосознания, опирающегося на народный характер и культурно-историческую почву. Принято считать, что русские почвенники – это в основном литературные критики, группировавшиеся вокруг журнала «Москвитянин», хотя сами они себя так не называли. В юбилейный год К. Д. Ушинского стоит обратить внимание на то, что почвенники – это представители одного поколения, годы их рождения прак-

тически совпадают: А. А. Григорьев (1822–1864), Н. Н. Страхов (1828–1896), Ф. М. Достоевский (1821–1881), М. М. Достоевский (1821–1864). К этому же поколению принадлежали П. Л. Лавров (1823–1900) – лидер просветительского направления народничества, К. П. Победоносцев (1827–1907) – главный идеолог контрреформ Александра III, а также Н. Я. Данилевский – создатель теории культурных типов (1822–1885).

Основные даты рождения этого поколения собраны вокруг знаменитого 1825 – года восстания декабристов, которые, по мысли В. И. Ленина, «разбудили Герцена», дав тем самым толчок российскому революционному движению. Именно подобные координаты долгое время определяли значимость того или иного мыслителя для истории России. Однако эта позиция уязвима. Говоря о начале философии XIX века в России, следует учитывать выступление П. Я. Чаадаева с его «Философическими письмами», которые стали толчком к полемике между западниками и славянофилами [9].

Наименования «западники», «славянофилы», «почвенники» обладают определенной условностью. Так, славянофилами западники иронически называли группу мыслителей, которые сами себя обычно относили к московской школе, название «почвенничество» также появилось позднее формирования самого движения. Фактически почвенники стремились уяснить, что такое русское просвещение в единстве образованных слоев общества и народных масс. В исторической ретроспективе этот проект оказался в тени радикальных идеологий, увлекших Россию на путь революций и потрясений. Почвенники – сторонники теории и практики «малых дел», а К. Д. Ушинский и П. Я. Данилевский никогда не чурались конкретной практической работы, но все же проиграли сражение с революционерами-демократами за умы молодого поколения россиян.

В силу вышесказанного, чтобы определить место научной и философской деятельности К. Д. Ушинского в русской философии, следует отойти как от узкой педагогической

оценки результатов его деятельности, так и от привычной дуалистической модели общественной мысли, в которой западники спорят со славянофилами, а затем революционеры-демократы борются с консерваторами и охранителями. Цивилизационная идея, объединявшая почвенников с панславистами и просветителями, стала органической частью достаточно широкого движения первой половины XIX века, к которому принадлежал и К. Д. Ушинский. Это движение, просветительское по своей сути, в отличие от его первой ступени в XVIII в., ориентированной на заимствования идей с запада, своим центральным вопросом считало уже обретение национального самосознания, определявшего специфику исторического пути России как самобытной цивилизации.

К. Д. Ушинский погрузился в полемику славянофилов и западников еще в университетские годы, поскольку его педагогами были как глубоко почитаемый им западник Т. Н. Грановский (1813–1855), так и не слишком им уважаемый славянофил С. П. Шевырев (1806–1964). Спор западников и славянофилов во многом был ответом на контрпросветительскую доктрину С. С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность», верного ученика аббата Мангана, искренне ненавидящего лозунг «Свобода. Равенство. Братство». Эта доктрина, имеющая западноевропейские истоки, некоторое время стимулировала общественную дискуссию, но по факту превратилась в чисто административную тактику уклонения от выработки ответственной социальной идеологии [10]. Однако в ней был определен историко-философский смысл: столкновение западного просвещения и контрпросвещения на русской почве породило феномен русского национального просвещения как форса обретения цивилизационного самосознания.

Почвенники стремились занять независимую позицию относительно спора славянофилов и почвенников, именно к этой позиции тяготел недолго просуществовавший журнал «Время» и Ф. М. Достоевский, который продекларировал эту позицию в

кратком манифесте «Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год» [11, с. 7]. Почвенники приветствовали развитие промышленности, торговли, выступали за свободу личности и даже за европейскую культуру и одновременно боролись за возрождение православных идеалов против разрушительных идей либерализма, социализма и материализма. К. Д. Ушинский также искал почву в православной культуре и ее единстве с народным жизненным укладом. Вместе с тем он выступал за развитие общества и образования. Он искал, прежде всего, духовную почву общественного развития, которую обнаружил в православной культурно-исторической традиции, воспринятой в антропологическом, а не социально-политическом аспекте [12].

Просто объявить К. Д. Ушинского просветителем-почвенником и присоединить его к А. А. Григорьеву, Н. Н. Страхову, Ф. М. Достоевскому является недостаточным, поскольку почвенничество – это в основном литературно-философское движение. Следует указать на определенную близость К. Д. Ушинского к воззрениям Н. Я. Данилевского. Панславизм последнего в данном случае не имеет особенного значения. Их объединяет идея цивилизационного характера развития России. Именно эта программа лежала в основе русского Просвещения XIX в. Отметим, что почвенники так же подходили к этой идее. Можно согласиться с оценкой Н. П. Ильина воззрений видного почвенника Н. Н. Стрхова: «Цивилизация важна как свидетельство духовной самостоятельности народа, или его способности к самобытному развитию. Такой тип цивилизации вполне уместно назвать органической цивилизацией» [13, с. 490].

Эта общая тенденция цивилизационного подхода к формированию проекта русского Просвещения является важнейшей идеей К. Д. Ушинского, хотя и раскрывается преимущественно в антропологическом аспекте. Именно эта ограниченность в дальнейшем вызовет критику С. И. Гессена, который указывал на аморфность и неопределенность попытки обоснования идеи национальной

школы на основе идеи народного характера. Для любого народа и любого человека, с точки зрения С. И. Гессена, цель воспитания одна – освоение общечеловеческих ценностей. Образование, как он стремился показать, есть не столько развитие индивидуальности человека, сколько его насыщение культурными ценностями – науками, искусствами, нравственностью, что в целом не противоречит цивилизационному подходу, если убрать свойственный С. И. Гессену неокантианский универсализм [14].

Выводы

К. Д. Ушинский – один из творцов социокультурного проекта русского Просвещения первой половины XIX века, созданного на основе единства культурно-исторической традиции и оправданных научных, социальных и технологических новаций. Эта позиция сближала его с почвенниками, она же придает актуальность философскому осмыслению наследия ученого.

Современная Россия стремится сбросить ментальные оковы либерализма – общественного строя, мыслящего себя в своем классическом варианте рациональной

альтернативой историческим обществам. Результат либерального движения в его постмодернистской версии имеет уже явно угрожающий характер, поскольку за развитием технологий и ростом благосостояния все явственнее проявляет себя социально-политический и культурно-антропологический атавизм и деградация, порожденные отказом от традиционных ценностей.

К. Д. Ушинский – один из ранних разработчиков российского цивилизационного проекта развития общества. Социально-философская идея цивилизационного суверенитета задает общий смысловой контур его научного наследия, хотя и в несколько аморфном и отчасти в скрытом виде [15]. Сегодня наследие этого мыслителя обретает актуальность в перспективе реализации российского цивилизационного проекта как социально-политического, так и культурно-антропологического (а значит, и образовательного) проекта. Современная Россия вполне может рассматривать проект русского Просвещения К. Д. Ушинского как актуальный набросок, концептуальный этюд, определяющий стратегию общественного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Струминский В. Я. Очерки жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского. М., 1960.
2. Бельский В. Ю. К. Д. Ушинский и русское просвещение : монография. М., 2023. 246 с.
3. Зеньковский В. В. История русской философии // в 2-х томах (4-х книгах). Л. : Эго, 1991.
4. Евлампиев И. И. История русской философии : учебное пособие для вузов. М.; Высшая школа, 2002. 548 с.
5. Ушинский К. Д. О камеральном образовании (Речь на торжественном собрании лицея 18/IX–1848 г.) // Собрание сочинений: в 11 т. / А. М. Еголин (гл. ред.), Е. Н. Медынский и В. Я. Струминский; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1952. Т. 1: Ранние работы и статьи, 1846–1856 гг. 1948. 738 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Алгоритм, 2018. 560 с.
7. Бельский В. Ю. Славянофилы и К. Д. Ушинский о русской нравственно-православной традиции // Православие и правосознание в России: История и современность. М., 2005. С. 97–100.
8. Ушинский К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Собрание сочинений: в 11 т. / А. М. Еголин (гл. ред.), Е. Н. Медынский и В. Я. Струминский; М.; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1952. Т. 2: Педагогические статьи, 1857–1861 гг. 1948. 738 с.
9. Чаадаев П. Я. Философические письма : сборник. М. : Эксмо, 2006. 95 с.
10. Бельский В. В., Золкин А. Л. Суперпозиция культурных моделей, цивилизационный синтез и особенности русского Просвещения // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11. С. 92–99.
11. Достоевский Ф. М. Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Собрание сочинений в 15 тт. Л. : Наука, 1993. Т. 11.
12. Лепехин В. А. «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы мире // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 116–123.

13. Ильин Н. П. Трагедия русской философии. М. : Айрис-пресс, 2008. 608 с.
14. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-пресс. 1995. 448 с.
15. Золкин А. Л. Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция : монография. М., Ижевск : Издательство «Шелест», 2021. 308 с.

REFERENCES

1. Struminsky V. Ya. Essays on the life and pedagogical activity of K. D. Ushinsky. M., 1960. (In Russ.)
2. Belsky V. Yu. K. D. Ushinsky and the Russian Enlightenment: monograph. M., 2023. 246 p. (In Russ.)
3. Zenkovsky V. V. The History of Russian philosophy // in 2 volumes (4 books). L. : Ego, 1991. (In Russ.)
4. Evlampiev I. I. The history of Russian philosophy : textbook for universities. M.; Higher School, 2002. 548 p. (In Russ.)
5. Ushinsky K. D. On desk education (Speech at the solemn meeting of the Lyceum 18/IX–1848) // Collected works: in 11 volumes / A. M. Egolin (chief ed.), E. N. Medynsky and V. Ya. Struminsky; Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, Institute of Theory and History pedagogy. M.; L. : Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1948–1952. Vol. 1: Early works and articles, 1846–1856. 1948. 738 p. (In Russ.)
6. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. M.: Algorithm, 2018. 560 p. (In Russ.)
7. Belsky V. Yu. Slavophiles and K. D. Ushinsky on the Russian moral Orthodox tradition // Orthodoxy and legal consciousness in Russia: History and modernity. M., 2005. P. 97–100. (In Russ.)
8. Ushinsky K. D. On the moral element in Russian education // Collected works: in 11 vols. / A. M. Egolin (chief editors), E. N. Medynsky and V. Ya. Struminsky; M.; L.: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1948-1952. Vol. 2: Pedagogical articles, 1857–1861. 1948. 738 p. (In Russ.)
9. Chaadaev P. Ya. Philosophical letters: collection. M.: Eksmo, 2006. 95 p. (In Russ.)
10. Belsky V. V., Zolkin A. L. Superposition of cultural models, civilizational synthesis and features of the Russian Enlightenment // Social and humanitarian knowledge. 2023. No. 11. P. 92–99. (In Russ.)
11. Dostoevsky F. M. Announcement of subscription to the magazine «Vremya» for 1861» / Collected works in 15 volumes. L. : Nauka, 1993. Vol. 11. (In Russ.)
12. Lepikhin V. A. «Anthropological revolution» in the context of the civilizational development of Russia and Europe in the world / Social and Humanitarian Review. 2016. No. 2. P. 116–123. (In Russ.)
13. Ilyin N. P. The Tragedy of Russian philosophy. Moscow: Iris Press, 2008. 608 p. (In Russ.)
14. Gessen S. I. Fundamentals of pedagogy. Introduction to applied philosophy. M. : School-press. 1995. 448 p. (In Russ.)
15. Zolkin A. L. Civilizational sovereignty, cultural identity, and ethical position : monograph. M., Izhevsk : Shelest Publishing House, 2021. 308 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Бельский В. Ю. – доктор философских наук, профессор;
 Золкин А. Л. – доктор философских наук, доцент.

Information about the authors:

Belskiy V. U. – Doctor of Philosophy, Professor;
 Zolkin A. L. – Doctor of Philosophy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2024; одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 03.03.2024; approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 21.03.2024.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, экономических, социологических и философских наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть про-

индексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

<p>Заявка на опубликование научной статьи электронном в научном журнале «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет, электронных научных библиотеках.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>
--

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**